Шкафъ 1 3
Полка 3
№ 574
Проверено 1964 г.
-- МАЙ 2008

574

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ
С.-Петербургск. Университета

Шкафъ 1
Полка 3
№ 574

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.

1871.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стран.

I. Обсужденія Юридическаго Общества по вопросамъ:
1) Распространяется-ли сила 3 п. 21, 3 п. 82, 3 п. 201, 3 п. 299 и 3 п. 355 ст. учр. суд. уст. на лицъ, объявленныхъ несостоятельными должниками, послѣ опредѣленія свойства ихъ несостоятельности? 5
2) Каковы гражданскія послѣдствія злонамѣреннаго банкротства, когда злостный банкротъ рѣшеніемъ уголовнаго суда, вошедшимъ въ законную силу, оправданъ? 6
3) Послѣдствія неосторожной несостоятельности или простаго банкротства могутъ-ли быть прекращаемы давностью и въ какихъ именно случаяхъ? 12
II. Объ охранительномъ судопроизводствѣ. *(Продолженіе).* *А. М. Хоткевича* 18
III. Что такое большинство? *И. Сл.в.н.ва* 40
IV. 303 ст. Уложенія о Наказаніяхъ. *П. Н. Обнинскаго* ... 48
V. Судебная практика. I. Костромскаго окружнаго суда. II. Московской судебной палаты 59
VI. Юридическіе вопросы, разрѣшенные московскою судебною палатою. *(Продолженіе).* *Д. П. Тихомирова* 71
VII. Юридическія замѣтки:
1) По поводу исполненія судебныхъ рѣшеній по уставамъ 20 ноября. *С. Милашевича* 80
2) Возраженіе на замѣтку г. Обнинскаго „145 ст. навыворотъ.“ *В. В. Давыдова* 84
VIII. Библіографическія замѣтки:
1) Иностранные юридическіе журналы 87
2) Новѣйшія сочиненія по уголовному праву. *Л. А. Куперника* 93
IX. Concordia res parvae crescunt 97
X. Разныя извѣстія 107
XI. Поддѣлка автографовъ и Парижская Академія Наукъ Пер. съ нѣмецк. (Окончаніе) ..... 33—59

Объявленія: Объ изданіи Юридическаго Вѣстника въ 1872 г.—О выходѣ въ свѣтъ книги „Городовое Положеніе“ изд. Толоконникова.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

Шк
По
№

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА 1870 г.

30 ноября. По вопросу: распространяется ли сила 3 п. 21, 3 п. 82, 3 п. 201, 3 п. 299 и 3 п. 355 ст. учр. суд. уст. 20 ноября 1864 года на лицъ, объявленныхъ несостоятельными должниками, послѣ опредѣленія *свойства* ихъ несостоятельности?

Законодательство, даровавъ судебной власти должную самостоятельность и независимость, въ то же время озаботилось, чтобы органы ея не заключали въ себѣ элементовъ, могущихъ подорвать къ ней народное довѣріе. Съ этою цѣлью, на основаніи указанныхъ въ вопросѣ узаконеній, мировыми судьями, присяжными засѣдателями, должностными лицами по судебному вѣдомству, судебными приставами и присяжными повѣренными не могутъ быть: *объявленные несостоятельными должниками.* Такая редакція, допускающая, болѣе или менѣе, произвольное толкованіе, должна была вызвать въ практикѣ сомнѣнія. Извѣстно, что по закону объявленіе должника несостоятельнымъ предоставлено судебной власти (ст. 330 уст. о торг. несост. и 2 п. Высоч. утвер. 1 іюля 1868 г. мнѣн. госуд. сов.), что несостоятельность бываетъ: несчастная, неосторожная и подложная (ст. 1859—1862 уст. о торг. несост.), что свойства ея и личныя ея послѣдствія опредѣляются судомъ по окончаніи дѣла (тамъ же ст. 1863), что законныя послѣдствія различныхъ видовъ несостоятельности не одинаковы, что тогда какъ злонамѣренное и неосторожное банкротство предусмотрѣны 1163 и 1165 ст. улож. о наказ., признаніе должника несчастнымъ—несостоятельнымъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, между прочимъ, *возстановленіе его во всѣ права его состоянія* (ст. 2000 уст. о торг. несост.). Все это

достаточно убѣждаетъ въ томъ, что указанныя въ вопросѣ узаконенія предусматриваютъ только одинъ моментъ процесса о несостоятельности, моментъ, въ который еще не возможно опредѣлить свойства послѣдней и слѣдовательно является предположеніе, что по суду должникъ можетъ подвергнуться одному изъ наказаній, также лишающему его права быть мировымъ судьею и проч. Но разъ свойство несостоятельности опредѣлено и она признана *несчастною*— такое признаніе становится равносильнымъ оправдательному приговору, такъ какъ этотъ видъ несостоятельности не влечетъ за собою не только уголовной кары и потери добраго имени, а напротивъ того, какъ прежде сказано, возстановляетъ должника во всѣхъ правахъ его состоянія.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ члены Юридическаго Общества, принимавшіе участіе въ обсужденіи даннаго вопроса, пришли къ единогласному заключенію, что дѣйствіе 3 п. 21, 3 п. 82, 3 п. 201, 3 п. 299 и 3 п. 355 ст. учр. суд. уст. не распространяется на должниковъ, которыхъ несостоятельность судебнымъ рѣшеніемъ, вошедшимъ въ законную силу, признана *несчастною*.

7 декабря. По вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ А. М. Фальковскимъ: каковы гражданскія послѣдствія злонамѣреннаго банкротства, когда злостный банкротъ рѣшеніемъ уголовнаго суда, вошедшимъ въ законную силу, оправданъ (ст. 2003 устав. о торг. несост.)?

А. М. Фальковскій. По закону, несостоятельность есть подложная и называется *злонамѣреннымъ банкротствомъ*, когда неоплатность соединена съ умысломъ или подлогомъ (ст. 1862 уст. о торг. несост.) Поэтому злонамѣренное банкротство составляетъ преступленіе, наказуемое лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкою въ сибирь на поселеніе (ст. 1163 улож. о наказ. угол. и испр.). Въ основѣ приведенныхъ узаконеній лежитъ мысль объ охраненіи общественаго кредита. Опредѣленіе свойства несостоятельности предоставлено конкурсному управленію и общему собранію заимодавцевъ, которое по этому предмету постановляетъ окончательное заключеніе, которое представляется на разсмотрѣніе надлежащаго суда и съ утвержденія сего послѣдняго приводится въ исполненіе. На рѣшенія же суда по дѣламъ

несостоятельности приносятся жалобы по принадлежности общимъ порядкомъ (ст. 1999, 2004 и 2005 уст. о торг. несост.). Такимъ образомъ все производство о несостоятельности предоставлено конкурснымъ управленіямъ и общему собранію заимодавцевъ подъ надзоромъ суда. Въ судѣ же дѣло разрѣшается или въ частномъ, или въ апелляціонномъ порядкѣ (ст. 1749—1757 уст. судопр. въ ком. суд.) Изъ этого очевидно, что вопросъ о свойствѣ несостоятельности разрѣшается судебною властью, такъ какъ и конкурсное управленіе составляетъ по 1910 ст. уст. о торг. несост. *нижнюю степень коммерческаго суда*, и что постановленія суда о свойствѣ несостоятельности слѣдуетъ считать *рѣшеніями*. Вслѣдствіе чего рѣшенія гражданскаго суда о свойствѣ несостоятельности, вошедшія въ законную силу, остаются непоколебимыми. Когда гражданскимъ судомъ неоплатность должника признана соединенною съ умысломъ и подлогомъ, т.-е. должникъ признанъ *злонамѣреннымъ банкротомъ*, то дѣло передается къ разсмотрѣнію уголовнаго суда. Задача сего послѣдняго заключается въ опредѣленіи виновности или невиновности злонамѣреннаго банкрота. Насколько же обязательно рѣшеніе гражданскаго суда, вошедшее въ законную силу, для уголовнаго суда? Вправѣ ли послѣдній отвергнуть факты, установленные гражданскимъ судомъ?

По моему мнѣнію, основанному на 27 ст. уст. угол. суд. и Высоч. утвер. 1 іюля 1868 г. мнѣн. госуд. сов. п. 14, опредѣленіе свойства несостоятельности, какъ вопроса гражданскаго права, всецѣло принадлежитъ суду гражданскому. Что же касается событій, во время гражданскаго судопроизводства послужившихъ къ предположенію умысла или подлога неоплатности, то оныя не могутъ считаться обязательными для уголовнаго суда, тѣмъ болѣе что дѣла о злостномъ банкротствѣ рѣшаются съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, для которыхъ необязательны законныя предположенія. Судебная практика не мало намъ представляетъ примѣровъ оправдательныхъ приговоровъ по дѣламъ о злонамѣренномъ банкротствѣ. Почему я полагаю: 1) рѣшеніе уголовнаго суда не измѣняетъ, ни въ какомъ случаѣ, свойства несостоятельности, опредѣленной окончательнымъ рѣшеніемъ гражданскаго суда; 2) оправдательный приговоръ обвиняемаго въ злонамѣренномъ банкротствѣ

имѣетъ своимъ послѣдствіемъ единственно освобожденіе его отъ уголовной отвѣтственности и 3) гражданскія послѣдствія банкротства остаются въ своей силѣ.

К. П. Палибинъ. Существеннымъ признакомъ злостнаго банкротства служитъ неоплатность, соединенная *съ умысломъ или подлогомъ*. Почему при оправдательномъ приговорѣ обвиняемаго въ злонамѣренномъ банкротствѣ, все, что составляетъ свойство подобной несостоятельности, падаетъ, и раждается вопросъ: къ какому виду несостоятельноети должно отнести неоплатность оправданнаго уголовнымъ судомъ должника? Кому наконецъ принадлежитъ право разрѣшенія этого вопроса? Для болѣе вѣрнаго обсужденія занимающаго насъ предмета не лишне будетъ указаніе на нѣкоторыя постановленія о судопроизводствѣ по дѣламъ несостоятельныхъ лицъ неторговаго званія (том. X. ч. 2 ст. 1005—1034). Въ нихъ болѣе развито положеніе объ опредѣленіи свойства несостоятельности. Тутъ между прочимъ изъ 1033 ст. видно, что если большее число заимодавцевъ, по личному свѣдѣнію и соображенію, признаютъ должника, въ злостныхъ поступкахъ оглашаемаго, *надъ которымъ судъ еще не конченъ*, неосторожнымъ должникомъ, равномѣрно, буде его признаютъ только несчастнымъ должникомъ и *сіе утвердятъ письменно*, тогда судебное мѣсто, не дѣлая болѣе взысканія, заключаетъ согласный съ тѣмъ приговоръ и не пріемлетъ впредь никакихъ доносовъ должника объ утайкахъ имѣнія. Хотя въ приведенномъ узаконеніи предусмотрѣнъ случай, *пока надъ должникомъ судъ еще не конченъ*, тѣмъ не менѣе оно достаточно уясняетъ все значеніе заимодавцевъ въ дѣлѣ опредѣленія свойства несостоятельности должника.

Итакъ, когда по рѣшенію уголовнаго суда, вошедшему въ законную силу, злостный банкротъ оправданъ, *т. е. подлогъ и умыселъ* неоплатности отвергнуты, то я думаю, что дѣло о свойствѣ несостоятельности такого лица, для опредѣленія гражданскихъ послѣдствій оной, какъ бы вновь возникаетъ и вызываетъ необходимость въ новомъ постановленіи заимодавцевъ для рѣшенія вопроса: должно ли считать должника впадшимъ въ неоплатность отъ *несчастныхъ приключеній* или по *неосторожности*? Злонамѣренное банкротство такъ тѣсно связано съ признаками, имѣющими чисто уголовный характеръ, что нельзя считать его окончательно по-

рѣшеннымъ судомъ гражданскимъ. На рѣшеніе этого послѣдняго, основанное на предположеніи въ дѣйствіяхъ должника умысла и подлога, скорѣе должно смотрѣть какъ на предварительное постановленіе, по которому дается уголовный ходъ дѣлу и отъ уголовнаго суда зависитъ окончательное рѣшеніе его. Почему я и полагаю, что, въ данномъ случаѣ, для опредѣленія гражданскихъ послѣдствій для оправданнаго злостнаго банкрота необходимо новое постановленіе его кредиторовъ или суда о свойствѣ несостоятельности, кромѣ *злонамѣреннаго банкротства*, устраненнаго оправдательнымъ приговоромъ уголовнаго суда.

Б. У. Бениславскій. Кредитъ, и въ особенности торговый, составляетъ общественную потребность и вызвалъ поэтому государственную власть къ принятію строгихъ мѣръ къ охраненію его. По русскому праву, только несчастная несостоятельность должника, по продажѣ и раздѣлѣ на платежъ долговъ всего бывшаго за нимъ имѣнія, освобождаетъ его отъ всякаго дальнѣйшаго взысканія и возстановляетъ во всѣ права его состоянія *). У насъ не проведено строгаго различія между несостоятельностью (торговою) и гражданскою неоплатностью. Лица торговаго и неторговаго званія подвергаются однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ въ случаяхъ неоплатности долговъ. Но во всякомъ случаѣ свойство несостоятельности, прежде всего, есть вопросъ гражданскаго права и только въ исключительныхъ случаяхъ влечетъ за собою преданіе уголовному суду. Какъ простое, такъ и злостное банкротство, независимо отъ уголовной наказуемости, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ ограниченіе несостоятельнаго должника въ его гражданскихъ и политическихъ правахъ, лишеніемъ его впредь всякаго довѣрія и права поступленія въ общественную и государственную службу. Поэтому я полагаю, что эти послѣдствія установляются опредѣленіемъ свойства несостоятельности судомъ гражданскимъ, рѣшенія котораго по этому предмету нисколько не поставлены въ зависимость отъ уголовнаго преслѣдованія признанныхъ банкротами лицъ.

Я. И. Любимцевъ. Право кредиторовъ давать заключеніе свое о свойствѣ несостоятельности должника ограничено,

*) Томъ X. ч. 2 ст. 1021 и уст. о торг. несост. ст. 2000.

какъ мы слышали здѣсь, случаемъ „*пока надъ должникомъ судъ* (разумѣется гражданскій) *еще не оконченъ.*“ Поэтому не представляется законнаго основанія, въ случаѣ оправдательнаго приговора уголовнаго суда, къ возбужденію вторично вопроса о свойствѣ несостоятельности оправданнаго по обвиненію въ злостномъ банкротствѣ должника, тѣмъ болѣе что гражданскія послѣдствія вообще банкротства, за исключеніемъ несчастной несостоятельности, одинаковы. Наконецъ отмѣна рѣшенія гражданскаго суда, вошедшаго въ окончательную законную силу, невозможна на основаніи 893 ст. уст. гражд. суд.

А. И. Харламповичъ. Едва ли можно рѣшеніе гражданскаго суда о признаніи должника *злостнымъ банкротомъ* считать окончательнымъ, когда дѣло о немъ передается на разсмотрѣніе уголовнаго суда, отъ котораго и зависитъ опредѣленіе была-ли неоплатность соединена съ подлогомъ и умысломъ. Когда же по рѣшеніи уголовнаго суда должникъ не признанъ *злостнымъ*, то спрашивается: какого же рода его несостоятельность *несчастная* или *неосторожная*? Гражданскія послѣдствія этихъ видовъ несостоятельности совершенно различны. Предположеніе суда гражданскаго о злостномъ банкротствѣ не оправдалось, ибо оно отвергнуто уголовнымъ судомъ. Итакъ остается одно средство, указанное въ мнѣніи К. П. Палибина, съ которымъ я вполнѣ соглашаюсь.

В. Н. Лешковъ. Сдѣланный здѣсь нашими сочленами бѣглый очеркъ порядка опредѣленія свойства несостоятельности и ея послѣдствій прямо указываетъ на различныя точки зрѣнія, съ которыхъ обсуждается предложенный намъ вопросъ. Различіе высказанныхъ мнѣній, главнымъ образомъ, происходитъ отъ различія взгляда на значеніе и силу рѣшеній гражданскаго суда по дѣламъ о несостоятельности. Тогда какъ одни смотрятъ на нихъ какъ на *рѣшенія*, вошедшія въ окончательную законную силу, другіе въ нихъ видятъ *опредѣленія*, по которымъ дѣло получаетъ дальнѣйшее движеніе въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства. Я присоединяюсь къ первому мнѣнію на томъ основаніи, что и самое уголовное преслѣдованіе злостнаго банкрота немыслимо, пока рѣшеніе гражданскаго суда *о свойствѣ несостоятельности* не получило силу закона. Приведенная А. М. Фальковскимъ 27 ст. уст. угол. суд. вполнѣ подверж-

даетъ это. Сомнѣніе, представляющееся по поводу свойства несостоятельности при оправдательномъ приговорѣ обвиняемаго въ злостномъ банкротствѣ, не можетъ имѣть мѣста. Еслибы признанный банкротомъ должникъ, въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ дѣла, имѣлъ возможность доказать, что неоплатность его произошла отъ *несчастныхъ приключеній*, то для сего законами указанъ другой путь, а именно — право ходатайствовать о *пересмотрѣ рѣшенія* гражданскаго суда, вступившаго въ законную силу (ст. 794 уст. гражд. суд.). Поэтому новое постановленіе заимодавцевъ или суда о свойствѣ несостоятельности не можетъ быть допущено до отмѣны прежняго рѣшенія гражданскаго суда. Наконецъ, по основнымъ началамъ гражданскаго судопроизводства, судебныя установленія могутъ приступать къ производству гражданскихъ дѣлъ не иначе какъ вслѣдствіе просьбы о томъ лицъ, до коихъ тѣ дѣла касаются (ст. 4 уст. гражд. суд.). Гражданскія послѣдствія банкротства по русскимъ законамъ хотя и могутъ быть отмѣняемы мировою сдѣлкою и по волѣ заимодавцевъ *), но это можетъ послѣдовать только до рѣшенія суда о свойствѣ несостоятельности. Подчинять же произволу кредиторовъ рѣшеніе, получившее силу закона или предоставлять суду же новое разсмотрѣніе вопроса о правѣ окончательно разрѣшенномъ, было бы несогласно съ основнымъ закономъ о непоколебимости судебныхъ рѣшеній (том. I зак. осн. 68 ст.).

А. М. Фальковскій. Позволяю себѣ обратить вниманіе ваше, Мм. Гг., что наше конкурсное производство ложится всею тяжестью не только на имуществѣ, но и *на лицѣ должника*. Но можно надѣяться, что въ дальнѣйшемъ развитіи нашего законодательства по этому предмету оно, освободивъ личность человѣка отъ крѣпостной зависимости, вырветъ ее и изъ рукъ заимодавцевъ, возведя въ принципъ неприкосновенности личность гражданина въ сферѣ его гражданскихъ имущественныхъ отношеній и что только преступленіе останется съ своими грозными послѣдствіями, ограничивающими и лишающими преступника его гражданскихъ и политическихъ правъ. Охраненіе кредита можетъ быть достигнуто и помимо личнаго угнетенія гражданина и отнятія у него свобо-

*) Уст. о торг. несост. ст. 2001 и 2017 и том. X. ч. 2. ст. 1033.

ды труда, единственнаго достоянія, остающагося у него за предоставленіемъ кредиторамъ всего его имущества. Но пока наступитъ это счастливое время, намъ остается подчиняться дѣйствующему закону.

Жизнь достаточное даетъ указаніе на то, что конкурсное производство вызываетъ коренныя измѣненія. Всѣ мы это знаемъ и вѣроятно многіе изъ насъ трудятся надъ изученіемъ этого важнаго вопроса. Наше общество имѣетъ задачею развитіе права, почему это небольшое отступленіе отъ сущности предложеннаго вопроса, думаю, не будетъ поставлено мнѣ въ вину.

Большинство членовъ Общества, участвовавшихъ въ обсужденіи вопроса, согласилось съ мнѣніемъ К. П. Палибина.

14 декабря. По вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ Б. У. Бениславскимъ: послѣдствія неосторожной несостоятельности или простаго банкротства могутъ ли быть прекращаемы *давностью* и въ какихъ именно случаяхъ?

Стеченіе нѣсколькихъ взыскателей противъ одного и того же *неоплатнаго* должника на сумму болѣе 1500 р. составляетъ существо несостоятельности, которая по русскому праву распадается на два отдѣла: а) несостоятельность лицъ неторговаго и б) торговаго званія. (Том. X. ч. II, ст. 1005, Высоч. утверж. 1 іюля 1868 г. мн. госуд. сов. и т. XI уст. о торг. несост. ст. 1858).

Несостоятельность, какъ всѣмъ извѣстно, бываетъ несчастная, неосторожная и злонамѣренная (злостная). Только два послѣдніе вида несостоятельности, по закону, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ гражданское безчестіе и уголовную отвѣтственность. Кромѣ того, эти виды несостоятельности, въ сферѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній должника къ заимодавцамъ, раждаютъ цѣлый рядъ обязательствъ для перваго и соотвѣтствующихъ онымъ правъ для кредиторовъ. Такъ, по закону, отъ воли заимодавцевъ зависитъ продолженіе заключенія банкрота подъ стражею *отъ одного до двухъ лѣтъ*, сокращеніе этого срока и даже освобожденіе должника отъ заключенія и, наконецъ, допущеніе неосторожнаго банкрота вновь къ торговлѣ. Все имущество, какое въ послѣдствіи дойдетъ къ банкроту по наслѣдству, дару или инымъ образомъ, а также вновь имъ пріобрѣтенное торгов-

лею, если оная ему разрѣшена, все сполна обращается на удовлетвореніе прежнихъ долговъ его. (Том. X. ч. II, ст. 1027—1029 и уст. о торг. несост. ст. 2001 и 2002) и только смертью его прекращается платежъ и имѣніе поступаетъ къ наслѣдникамъ. (Т. X. ч. II, ст. 1030). Всѣ эти и другія, быть можетъ здѣсь неперечисленныя, юридическія отношенія банкрота къ его кредиторамъ, неужели изъяты отъ общей участи всякаго права, не расчитаннаго на безконечное существованіе, и на нихъ не распространяются благодѣтельные законы о давности, полагающіе предѣлъ привлеченія къ отвѣтственности даже за самыя тяжкія преступленія? Или же состояніе несостоятельности пребываетъ дотолѣ, пока банкротъ не уплатитъ всѣхъ своихъ долговъ, не заключитъ мировой сдѣлки съ кредиторами или смертью своею не положитъ конца требованіямъ его кредиторовъ? Не находя въ законахъ прямаго указанія на возстановленіе банкрота въ правахъ его состоянія *давностью*, приходится прибѣгнуть къ толкованію по общему смыслу законовъ. Высочайше утвержденнымъ 1 іюля 1868 года мнѣніемъ госуд. сов. въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ введены теперь или будутъ введены въ дѣйствіе судебные уставы 20 ноября 1864 года, отмѣнены узаконенія, содержащіяся т. X. ч. II въ ст. 1005—1045. Поэтому въ дѣлахъ о несостоятельности лицъ неторговаго званія повелѣно руководствоваться правилами, изложенными въ упомянутомъ мнѣніи государственнаго совѣта и уст. о торг. несост., за исключеніемъ правилъ о личномъ задержаніи (ст. 1882, 1902, 1930 п. 6 и 2001 п. 1 и примѣч.), не распространяющихся на дѣла о несостоятельности неторговой. Признанный же несостоятельнымъ неосторожнымъ должникъ неторговаго званія подвергается задержанію не иначе, какъ по просьбѣ кредиторовъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ въ ст. 1225 — 1227, 1233 — 1236 и 1238 — 1266 уст. гражд. суд. 1864 г. Послѣдствія простаго банкротства изложены въ 2001 и 2002 ст. того же устава. Но тутъ-то именно и не встрѣчаемъ того постановленія, которое изложено въ 1030 ст. т. X. ч. II, а именно: „когда неосторожный должникъ умретъ, *тогда платежъ прекъкается* и все доставшееся по наслѣдству, или по покупкѣ, или инымъ образомъ имѣніе съ доходами поступаетъ во владѣніе дѣтямъ и другимъ по немъ законнымъ наслѣдникамъ“. Съ от-

мѣною этого узаконенія и при неимѣніи аналогичнаго въ уст. о торг. несост., открывается возможность къ примѣненію законовъ о давности и къ послѣдствіямъ простаго банкротства. Личная отвѣтственность банкрота, упоминаемая въ 2001 ст. уст. о торг. несост., имѣетъ характеръ гражданскаго взысканія; но кромѣ того предусмотрѣна въ 1465 ст. улож. о наказ. и уголовная отвѣтственность банкрота: „кто изъ лицъ *торговаго сословія* будетъ признанъ банкротомъ неосторожнымъ, тотъ лишается правъ торговли и, *по требованію и усмотрѣнію заимодавцевъ*, заключается въ тюрьму на время *отъ восьми* мѣсяцевъ *до одного года и четырехъ мѣсяцевъ*". Первая изъ указанныхъ мѣръ, по отношенію къ неосторожнымъ должникамъ неторговаго званія, ничѣмъ не обусловлена закономъ и предоставлена усмотрѣнію взыскателей. Какой же крайній срокъ, въ теченіи котораго взыскатели вправѣ требовать личнаго задержанія должника? Кажется не подлежитъ сомнѣнію, что неосуществленіе заимодавцами права своего, въ продолженіи установленнаго общаго срока (т. X. ч. I ст. 694), должно имѣть своимъ послѣдствіемъ потерю и самаго права. Но гораздо было бы практичнѣе сокращеніе общаго срока установленіемъ особыхъ сроковъ, согласовавъ эти послѣдніе съ временемъ продолжительности заключенія, установленнымъ въ 1234 ст. уст. гражд. суд., если только законодательство наше не признаетъ почему-либо возможнымъ совершенную отмѣну личнаго задержанія, какъ мѣры исполненія судебныхъ рѣшеній.

Эти же соображенія можно примѣнить и къ банкротамъ (торговаго званія). Что же касается уголовной отвѣтственности послѣднихъ, то само собою разумѣется, что на оную распространяется дѣйствіе 4 п. 158 ст. улож. о наказ. угол. и исправ.

Переходя къ имущественной отвѣтственности неосторожнаго должника или банкрота, извѣстно, что, по общимъ началамъ гражданскаго права, давность составляетъ одинъ изъ способовъ прекращенія всякаго имущественнаго права (т. X. ч. I, ст. 692). Но банкротство не есть ли непрерывное состояніе неоплатности, устраняющее собою законъ о давности, въ видахъ охраненія общественнаго кредита?

Не слѣдуетъ ли для сего возстановленіе правъ состоянія банкрота поставить въ зависимость отъ совершенной упла-

ты долговъ? Въ банкротствѣ представляются не только двѣ стороны—должникъ и его кредиторы, но и интересы общества и государства, скажутъ намъ, а потому строгія мѣры здѣсь вполнѣ умѣстны и справедливы. Но по закону, права обществъ и казны не изъяты отъ дѣйствія давности—отвѣтимъ мы. Вслѣдствіе чего не представляется достаточнаго основанія отвергнуть давность и въ дѣлахъ банкротства. Это послѣднее, какъ выше объяснено, можетъ остаться безъ послѣдствій и по мировой сдѣлкѣ. А если возможно отреченіе кредиторовъ отъ своего права, то нельзя отвергнуть и другихъ способовъ прекращенія онаго. Такимъ образомъ остается опредѣлить моменты, съ которыхъ для кредиторовъ банкрота наступаетъ теченіе давности. Такъ какъ по закону, если къ банкроту впослѣдствіи дойдетъ какое-либо, указанными въ 2002 ст. уст. о торг. несост. способами, имущество, то оное все сполна обращается на удовлетвореніе прежнихъ долговъ его, то очевидно, что кредиторы, не ходатайствовавшіе болѣе 10 лѣтъ объ обращеніи такого имущества въ ихъ пользу, теряютъ свое право. Началомъ же исчисленія давности долженъ служить моментъ дѣйствительнаго укрѣпленія правъ банкрота на имущество, имъ въ послѣдствіи пріобрѣтенное.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, большинство членовъ Общества, обсуждавшихъ вопросъ, полагало: 1) дѣйствіе давности распространяется и на послѣдствія банкротства какъ личныя, такъ и имущественныя; 2) давность въ отношеніи гражданскихъ послѣдствій примѣняется на общемъ основаніи (т. X ч. I, ст. 692 и 694); 3) уголовныя послѣдствія отмѣняются на основаніи 4 п. 158 ст. улож. о нак. и 4) исчисленіе давности въ отношеніи имущества, въ послѣдствіи пріобрѣтеннаго банкротомъ, имѣетъ своимъ началомъ день дѣйствительнаго укрѣпленія правъ банкрота на пріобрѣтенное имъ имущество способами, указанными въ 2002 ст. уст. о торг. несост.

Дѣйствительный членъ Общества Н. П. Ляпидевскій сообщилъ слѣдующее особое мнѣніе:

Вопросъ этотъ распадается на слѣдующіе вопросы: имѣютъ ли право кредиторы по окончаніи конкурснаго процесса на позднѣйшія пріобрѣтенія должника, и если имѣютъ, то могутъ ли права ихъ угаснуть посредствомъ давности,

и если могутъ, то съ какого момента исчисляется для нихъ давностный періодъ?

Вопросъ не только о погашеніи давностью правъ кредиторовъ на послѣдующія пріобрѣтенія должника, но и вообще о правѣ ихъ на будущее его имѣніе впредь до полнаго удовлетворенія ихъ претензій есть вопросъ спорный. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ пандектовъ послѣдній вопросъ далеко не единогласно рѣшался даже среди римскихъ юристовъ. Въ 42 книгѣ дигестъ, въ титулѣ 3, Lex 4, Ульпіанъ говоритъ: is qui bonis cessit, si quid postea adquisierit, in quantum facere potest convenitur, т.-е. тотъ, кто уступилъ свое имущество кредиторамъ, если впослѣдствіи совершитъ какія-либо пріобрѣтенія, можетъ быть присужденъ къ уплатѣ насколько хватитъ его имущества. Но, продолжаетъ онъ, Sabinus et Cassius putabant cum, qui bonis cessit, ne quidem ab aliis quibus debet, posse inquietari, т.-е. по мнѣнію Сабина и Кассія уступившій свое имущество окончательно ограждается отъ всякихъ претензій кредиторовъ, даже и тѣхъ, которые не принимали отъ него уступленнаго имущества.

Итакъ Сабинъ и Кассій были совершенно противоположнаго мнѣнія, нежели Ульпіанъ. Его мнѣніе раздѣляетъ и Модестинъ.

Въ пандектической литературѣ вопросъ о правѣ кредиторовъ на дальнѣйшія пріобрѣтенія должника былъ возбужденъ въ первый разъ Тибо. Онъ смотритъ на него съ точки зрѣнія Сабина и Кассія, но его мнѣніе рѣшительно отвергнуто Пухтою. Pand. § 245.

Вангеровъ Leitfaden т. I § 174 раздѣляетъ мнѣніе Тибо, но сильную оппозицію противъ него мы находимъ у Франке Archiv für Civilistische Praxis т. XXII. Но въ 6 изданіи и Вангеровъ отказался отъ своего прежняго мнѣнія, отрицая во всѣхъ случаяхъ совершенное освобожденіе отъ требованія остальной части долга.

Итакъ первый вопросъ, т.-е. о правѣ кредиторовъ на дальнѣйшее удовлетвореніе изъ послѣдующаго имущества должника рѣшенъ наукою въ совершенно положительномъ смыслѣ.

Что касается того вопроса, могутъ ли права ихъ на будущее пріобрѣтеніе угаснуть вслѣдствіе давности, то во-

просъ этотъ разрѣшается весьма просто съ точки зрѣнія чистаго права. Все дѣло въ томъ, съ какого именно момента можетъ начаться для нихъ давностный періодъ? Если отъ момента прекращенія конкурса до момента новаго пріобрѣтенія должникомъ прошло 20, 30 или 40 лѣтъ, то все-таки это не будетъ давность въ отношеніи требованія кредиторовъ и права ихъ не угаснутъ. Давность для нихъ исчисляется со дня извѣстнаго имъ момента пріобрѣтенія должникомъ, и если съ этого момента въ теченіи времени, установленнаго для давности, они не предъявятъ своихъ требованій, то права ихъ несомнѣнно погасаютъ на общемъ основаніи прекращенія правъ путемъ давности.

Есть довольно замѣчательное мнѣніе, что конкурсъ представляетъ собою нравственное лицо, которое и является субъектомъ правъ на имущество несостоятельнаго. Такимъ образомъ съ прекращеніемъ конкурса уничтожается это лицо, а вслѣдствіе этого обязательство должника погасается за неимѣніемъ лица вѣрителя. Только тѣ имѣютъ право на послѣдующія пріобрѣтенія должника, которые не заявили своихъ требованій предъ конкурсомъ и не участвовали въ немъ. Ихъ право погашается, если они не предъявятъ его въ теченіи давности съ момента неисполненія обязательства.

ОБЪ ОХРАНИТЕЛЬНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ.

ГЛАВА III.

Вводъ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ.

Вводъ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ есть не болѣе какъ формальная юридическая принадлежность перехода права собственности отъ одного лица къ другому. Безъ этого перехода, безъ перемѣны лица владѣльца не мыслимъ самый вводъ. Ни прежніе законы, X т. ч. I, ни уставъ охранительнаго судопроизводста не назначаетъ никакого срока для ввода во владѣніе, такъ что переходъ имущества по извѣстному юридическому титулу можетъ состояться въ извѣстный моментъ, а вводъ во владѣніе можетъ послѣдовать въ промежутокъ времени болѣе или менѣе продолжительный, смотря по желанію новаго владѣльца. Вводъ слѣдовательно есть формальная реализація уже прежде пріобрѣтеннаго права на имущество, и законъ нигдѣ не запрещаетъ новому владѣльцу вступить въ фактическое осуществленіе своего права до ввода во владѣніе и не называетъ такого распоряженія самовольнымъ *). Впрочемъ мы этимъ никакъ не выражаемъ того, чтобы считали вводъ дѣломъ безполезнымъ, не имѣющимъ практическихъ послѣдствій для новаго владѣльца, а хотимъ сказать, что распоряженіе имуществомъ (безъ отчужденія онаго) возможно и безъ ввода во владѣніе. Взглядъ новаго законодательства на вводъ во владѣніе высказанъ въ мнѣніи государственнаго совѣта о порядкѣ охранительнаго судопроизводства 14 апрѣля 1866 г., гдѣ между

*) Не можетъ считаться исключеніемъ запрещеніе вступать во владѣніе имѣніемъ по запродажной записи (ст. 1684), ибо запродажная запись не можетъ считаться актомъ укрѣпленія.

прочимъ сказано слѣдующее: выраженное въ статьѣ 707 т. X ч. I зак. гражд. значеніе ввода во владѣніе, какъ передача права на недвижимое имущество и укрѣпленіе сего права въ отношеніи лицъ постороннихъ, должно быть удержано въ полной его силѣ потому въ особенности, что по Высочайше утвержденному 14 апрѣля 1866 года положенію объ устройствѣ нотаріальной части, утвержденіе актовъ на недвижимое имущество возлагается уже не на присутствіе суда, какъ то было прежде, а на старшаго нотаріуса, находящагося при мѣстномъ окружномъ судѣ. Посему распоряженіе о вводѣ во владѣніе по предварительномъ удостовѣреніи въ дѣйствительности акта и въ отсутствіи всякаго спора и запрещенія должно быть возложено, въ соотвѣтственность статьямъ 925 и 927 т. X ч. I законовъ гражданскихъ, на окружный судъ; согласно чему и самое совершеніе ввода, какъ вообще всякое исполненіе рѣшенія суда, должно производиться судебнымъ приставомъ на основаніи общихъ правилъ исполненія постановленій судебныхъ мѣстъ, въ уставѣ гражданскаго судопроизводства установленныхъ. Въ сдѣланной нами выпискѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ слова „и укрѣпленіе сего права въ отношеніи лицъ постороннихъ“. Это техническое выраженіе въ иностранной юридической литературѣ и западно-европейскихъ кодексахъ обыкновенно означаетъ лицъ не участвовавшихъ въ сдѣлкѣ. Но такъ какъ понятіе о постороннихъ лицахъ въ этомъ смыслѣ не проведено въ нашихъ законахъ, то и выраженіе мотива мнѣнія государственнаго совѣта не нашло себѣ мѣста въ самомъ текстѣ законовъ охранительнаго судопроизводства и осталось въ мотивахъ на степени теоретическаго чаянія. Поэтому обращаемся къ воззрѣнію на вводъ, какъ на передачу права на недвижимое имущество и укрѣпленіе сего права, воззрѣнію, которое высказано и въ текстѣ статьи 1432 уст. охран. суд. При этомъ дѣлается ссылка на ст. 707 т. X ч. I, въ которой говорится слѣдующее: укрѣпленіе правъ на имущество производится: 1) крѣпостными и явочными актами, то-есть: внесенными въ акты или книги, для сего установленныя, крѣпостями, записями, договорами и всякаго рода обязательствами; 2) актами домашними и 3) передачею самого имущества или вводомъ во владѣніе онымъ. Изъ текста этой статьи очевидно, что вводъ имѣетъ значе-

ніе лишь одного изъ способовъ укрѣпленія права на имущество и хотя въ этой статьѣ этого не выражено, но извѣстно всякому, что вводъ только послѣдствіе, аттрибутъ передачи имущества по другому предшествовавшему и болѣе важному юридическому основанію. Самостоятельнаго же значенія вводъ не имѣетъ никакого и невозможенъ безъ постановленія суда. Наконецъ для внѣшняго опредѣленія ввода (внутреннее значеніе этого института для насъ по крайней мѣрѣ еще недоступно) не лишне считаемъ привести выписку изъ рѣшенія гражд. кассац. департ. сената: вводъ во владѣніе составляетъ только обрядъ оглашенія общественною властью перехода правъ собственности къ другому лицу и т. д. Р. к. 1868 № 6. (См. Сводъ положеній и разсужденій Кассаціон. Сената (1866—1870) по вопросамъ матеріальнаго права. Изданіе Романа Кохманскаго. Одесса 1871 г. стран. 143).

Производство по вводу во владѣніе. На основаніи 1426 ст. уст. охранит. вводъ во владѣніе производится судебнымъ приставомъ. Вообще въ статьяхъ устава охранительнаго съ достаточною ясностью опредѣлены правила для произведенія вводовъ. Исключеніе изъ общаго порядка ввода чрезъ судебнаго пристава и безъ постановленія окружнаго суда удержалось для такъ называемыхъ пожалованныхъ имѣній (см. X т. ч. I ст. 497, 498, 940 и 931.) Въ выше приведенномъ мнѣніи государ. совѣта (въ мотивахъ) сказано: „статьи 926—933 дѣйствующихъ нынѣ законовъ гражданскихъ о вводѣ во владѣніе (т. X ч. I), относящіяся исключительно къ процессу, а не къ праву, государственный совѣтъ положилъ замѣнить новыми по настоящему предмету правилами. Изъ нихъ ст. 931, какъ относящаяся до имѣній, жалуемыхъ на правѣ майората въ западныхъ губерніяхъ, оставлена въ настоящее время безъ обсужденія.“ Но если ст. 931 оставлена безъ обсужденія, то дѣйствующее въ ней правило осталось безъ измѣненія. Но какимъ образомъ долженъ производиться вводъ пожалованными имѣніями не въ западныхъ, а иныхъ губерніяхъ—объ этомъ ничего не говорится (см. ст. 949 и слѣд. X т. ч. I). Смѣемъ предположить, что и эти статьи, хотя ни въ нихъ, ни въ другихъ статьяхъ не указывалось самаго порядка производства ввода во владѣніе, остались также безъ обсужденій. Гораздо важнѣе про-

бѣлъ въ уставѣ охранит. судопр. относительно ввода во владѣніе (по наслѣдству, по завѣщанію) имѣніями, заложенными въ кредитныхъ установленіяхъ (опекунскомъ совѣтѣ). При дѣйствующихъ прежде правилахъ, когда публикаціи производились при совершеніи актовъ, а не при вводахъ во владѣніе эти затрудненія устранялись прежде ввода во владѣніе. При существующемъ порядкѣ несоблюденіе извѣстныхъ правилъ (спеціальн. кредитн. установл.) можетъ замедлить вводъ во владѣніе и надѣлать большихъ хлопотъ. Поэтому необходимо заручиться данными, о которыхъ уставъ не упоминаетъ, устраняющими препятствія ко вводу во владѣніе. Данныя эти представляются при прошеніи о вводѣ во владѣніе, иначе окружный судъ за непредставленіе таковыхъ можетъ отказать въ постановленіи опредѣленія о вводѣ до представленія таковыхъ данныхъ *). (См. ст. 1329 X т. ч. I по прод. 63 г.) Какъ особенность новаго порядка въ отличіе отъ прежнихъ узаконеній должно быть отмѣчено требованіе закона, чтобы пріобрѣтатель имѣнія присутствовалъ при вводѣ во владѣніе (ст. 1426). Нѣкоторые находили это требованіе стѣснительнымъ для себя, но выработанное практикою правило посылать вмѣсто себя повѣреннаго едва ли удовлетворяетъ буквальному смыслу закона. Наконецъ новыми правилами (уст. охран. судоп.) допускается участіе при вводѣ мироваго судьи. Въ мотивахъ мнѣнія госуд. совѣта, на которое мы ссылались, сказано: Въ точную согласность статьи 11 Высочайше утвержденныхъ 29 сент. 1862 г. основныхъ положеній судопроизводства, государственный совѣтъ призналъ полезнымъ дѣйствующіе нынѣ законы дополнить правиломъ, что частныя лица, получивъ постановленіе суда о вводѣ во владѣніе, имѣютъ право обратиться съ просьбою о вводѣ къ мировому судьѣ. Совершеніе этого обряда, утверждающаго право собственности на недвижимое имѣніе при содѣйствіи лица столь важнаго, какъ мировой судья, получитъ болѣе огласки и значенія и будетъ вполнѣ соотвѣтствовать той цѣли, съ коей установленъ у насъ обрядъ ввода во владѣніе. Участіе въ семъ обрядѣ хранителя мира, этого существеннаго органа судебной власти, можетъ не

*) Впрочемъ руководящими въ этомъ случаѣ должно считать ст. 790, 1388 п. 2 и 1460—1463 X т. ч. I но къ сожалѣнію онѣ не согласованы съ уст. охран. суд.

рѣдко предупредить споры и пререканія и содѣйствовать къ охраненію правъ поземельной собственности. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ мировой судья беретъ, для содѣйствія ему, одного изъ состоящихъ при съѣздѣ судебныхъ приставовъ и не обязанъ самъ совершать исполнительныя дѣйствія по вводу, а только распоряжается дѣломъ и даетъ ему направленіе.“ Высказанные мотивы нашли оправданіе въ ст. 1435 и 1436 уст. охранит. Дѣятельность мироваго судьи, его компетентность по вводамъ въ настоящее время значительно расширилась съ того времени, какъ состоялось (8 марта 1871 года) Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о примѣненіи правилъ положенія о нотаріальной части къ выдачѣ данныхъ на пріобрѣтенныя крестьянами земли и о порядкѣ ввода во владѣніе этими землями въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы въ полномъ ихъ объемѣ. Эта важная законодательная мѣра, благодѣтельныя послѣдствія которой не замедлятъ оказаться въ дѣйствительной жизни, уже оцѣнена Юридическимъ Вѣстникомъ (№ 2, 1871 г. стр. 78—79) и потому не нуждается въ нашихъ комментаріяхъ. Не лишнимъ будетъ указать, что въ отличіе отъ прежняго порядка по уст. охранит. суд. совершеніе ввода во владѣніе отмѣчается на самомъ актѣ укрѣпленія (ст. 1431).

Вводъ во владѣніе лицъ, пріобрѣтшихъ право на имущество до изданія уст. охранит. судопр. При прежнемъ порядкѣ вводъ во владѣніе считался чисто одною формальностью, соблюденіемъ которой многіе пренебрегали. При введеніи устава охранительн. судопр. лица, права которыхъ на недвижимыя имущества были безспорны, поставлены были въ затруднительное положеніе относительно отчужденій своихъ недвижимыхъ имуществъ на томъ основаніи, что старшіе нотаріусы не утверждали выписей и вообще было затрудненіе въ переходѣ правъ на имущества, владѣльцы которыхъ не представили удостовѣреній о вводѣ ихъ во владѣніе. Хотя по основному началу никакой законъ не долженъ имѣть обратной силы и потому такіе владѣльцы могли быть освобождаемы отъ обязанности представлять удостовѣренія о вводѣ, но такъ какъ при изданіи процессуальныхъ законовъ это основное начало часто упускается изъ виду, то таковые владѣльцы были поставляемы отказомъ старшихъ нотаріу-

совъ въ жалкое и смѣшное положеніе. Волею-неволею приходилось вводиться во владѣніе. Къ этому надо присовокупить, что многіе сами не знали или не помнили были ли они введены во владѣніе или не были по прежнему порядку судопроизводства. Такимъ образомъ мы получаемъ двѣ категоріи лицъ: одни изъ нихъ, владѣя недвижимымъ, были убѣждены, что они не введены онымъ во владѣніе; другіе просто игнорировали свой вводъ или невводъ. Первой категоріи для ввода во владѣніе уже на основаніи правилъ охран. суд. слѣдовало предъявить подлежащему окружному суду актъ укрѣпленія, на переходъ недвижимыхъ имуществъ установленный (ст. 1424 уст. охран. суд. и всѣ слѣд.) Эта категорія лицъ часто претендовала на старшихъ нотаріусовъ за требованіе удостовѣреній о вводѣ во владѣніе при отчужденіи имуществъ. Вотъ почему намъ кажется умѣстнымъ обсудить здѣсь же: имѣютъ ли право старшіе нотаріусы требовать удостовѣреній о вводѣ при утвержденіи выписей. Мы полагаемъ, что принимая во вниманіе прежнія правила можно было бы и не стѣсняться отсутствіемъ удостовѣренія во вводѣ для лицъ, пріобрѣтшихъ право на недвижимыя имущества; но съ другой стороны отсутствіе прямаго указанія на этотъ предметъ закона, и ст. 168 нотар. полож., въ которой сказано: для удостовѣренія въ принадлежности имущества сторонѣ, отчуждающей оное, старшій нотаріусъ обязанъ справиться въ крѣпостныхъ, запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгахъ, а также въ реестрахъ крѣпостныхъ дѣлъ и въ указателяхъ къ этимъ книгамъ и реестрамъ, *или потребовать другихъ доказательствъ на принадлежность имущества согласно съ правилами, въ гражданскихъ законахъ установленными.* И самая форма реестровъ крѣпостныхъ дѣлъ (Правила и формы къ положенію о нотаріальной части, распубликованныя въ собраніи узакон. 1867 г. 18 апрѣля № 33), въ которыхъ числится рубрика, „время ввода во владѣніе“ давала достаточно основаній къ требованію удостовѣренія о вводѣ во владѣніе и снимала нареканіе съ нотаріусовъ якобы въ придирчивости. Виноваты не нотаріусы, а то обстоятельство, что при изданіи этихъ правилъ не было высказано, что сила ихъ не распространяется на предшествовавшіе переходы имуществъ. Впрочемъ въ Высочайше утвержденныхъ 27 іюня 1867 г. правилахъ о порядкѣ введенія

въ дѣйствіе положенія о нотаріальной части въ ст. 9 содержится слѣдующее правило: акты на недвижимыя имѣнія, совершенные прежнимъ порядкомъ у крѣпостныхъ дѣлъ, но еще не предъявленные ко вводу во владѣніе, представляются, по введеніи положеній о нотаріальной части, старшему нотаріусу, по мѣсту нахожденія имѣнія, для внесенія въ мѣстную крѣпостную книгу и для отмѣтки о томъ въ реестрѣ крѣпостыхъ дѣлъ на общемъ основаніи, но безъ взиманія крѣпостныхъ пошлинъ и съ тѣмъ еще изъятіемъ, что выпись на имѣніе выдается на простой бумагѣ. Въ этой статьѣ закона указано одно изъ предварительныхъ дѣйствій, необходимыхъ для осуществленія ввода. Что касается до лицъ, желающихъ удостовѣриться: были ли они или предшедствовавшіе имъ владѣльцы введены во владѣніе по прежнему порядку судопроизводства, то руководящими указаніями могутъ служить слѣдующія узаконенія. Вопервыхъ ст. 929 и 930 X т. ч. I, въ которой содержится слѣдующее правило: присутственнымъ мѣстамъ, коимъ на основаніи предшедшей статьи передаются вводные листы, вмѣняется въ обязанность сшивать оные и переплетать ежего дно и независимо отъ сего вести алфавитные реестры о всѣхъ вводахъ по названію имѣній со ссылкою на самые вводные листы (ст. 930 X т. ч. I). Эта статья олжна быть сопоставлена съ п. 21 послѣдующаго законоположенія. Въ этомъ п. 21 сказано: всѣ имѣющіеся въ упраздненныхъ судебныхъ мѣстахъ вводные листы, крѣпостныя книги, а равно запретительныя и разрѣшительныя сдаются по принадлежности, въ подлежащіе нотаріальные архивы, которые излишніе экземпляры разрѣшительныхъ и запретительныхъ книгъ присылаютъ въ департаментъ министерства юстиціи. Вовторыхъ, что касается до 929 ст., то въ ней говорится о вводѣ во владѣніе въ уѣздѣ, но не упоминается о вводѣ во владѣніе въ городахъ недвижимыми имуществами. Между тѣмъ мы находимъ въ этой статьѣ между прочимъ: члены временнаго отдѣленія уѣзднаго полицейскаго управленія. . . . . составляютъ вводный листъ, въ коемъ, изъяснивъ существо дѣла, означаютъ самое имущество, и за подписомъ вышеозначенныхъ стороннихъ людей и своимъ, представляютъ оный тому мѣсту, отъ коего о вводѣ во владѣніе дано повелѣніе, *а копію съ онаго со своею скрѣпою вручаютъ владѣльцу*. Такъ какъ при прежнемъ порядкѣ ко вводу относи-

лись равнодушно, владѣльцы сами при этомъ часто не присутствовали, слѣдовательно некому было и вручать копіи со скрѣпою, а если и присутствовали, то забывали получить копію. Тоже самое можно сказать и о вводахъ во владѣніе въ городахъ, съ тѣмъ отличіемъ, что поручалось мѣстной полиціи (квартальному надзирателю) ввести такого-то во владѣніе, объ исполненіи чего и доносила полиція городовому магистрату. *) Понятно, что квартальные надзиратели, имѣвшіе такъ много обязанностей, исполняли подобныя порученія самымъ спѣшнымъ образомъ, копіи со скрѣпою почти никому не выдавали за неимѣніемъ на то прямаго указанія въ законѣ — словомъ вводъ во владѣніе въ городахъ оставлялъ по самой своей обстановкѣ часто еще менѣе слѣдовъ, чѣмъ вводы въ уѣздахъ на негородской землѣ. Все сказанное нами приводитъ насъ къ убѣжденію, что великимъ прогрессомъ въ дѣлахъ вводовъ слѣдуетъ считать требованіе уст. охранит. суд. присутствія владѣльца имѣнія и отмѣтки о совершеніи ввода на самомъ актѣ укрѣпленій (ст. 1426 и 1431). При прежнемъ порядкѣ лица, даже получавшіе за скрѣпою копіи со вводныхъ листовъ, часто теряли ихъ; акты же укрѣпленія, на которыхъ сдѣлана отмѣтка о вводѣ, обыкновенно берегутся тщательнѣе.

Вводъ во владѣніе давностныхъ владѣльцевъ. Ни въ прежнихъ узаконеніяхъ, ни въ уставѣ охранит. судопр. не говорится ни слова о вводѣ во владѣніе пріобрѣтателей имущества по давностному завладѣнію или по праву земской давности. Съ изданіемъ устава охранит. суд. встрѣтилось препятствіе ко вводу такихъ владѣльцевъ во владѣніе, препятствіе, основанное на буквальномъ смыслѣ ст. 1424 уст. гражд. суд., а именно въ этой статьѣ сказано: для ввода во владѣніе недвижимымъ имуществомъ пріобрѣтатель долженъ предъявить окружному суду, въ округѣ коего оно находится, *актъ укрѣпленія, на переходъ недвижимыхъ имуществъ установленный.* Понято, что понятіе о давности исключаетъ возможность представленія акта укрѣпленія; давность есть фактъ, который доказывается фактами, а не актами, фактъ, подрывающій

*) Вводъ производился квартальн. надзират. при ратманѣ городоваго магистрата, присяжныхъ свидѣтеляхъ и сторонніхъ людяхъ, при чемъ употреблялось выраженіе: такой-то принялъ во владѣніе то-то.

значеніе самыхъ актовъ, на переходъ недвижимыхъ имѣній установленныхъ. Новая судебная практика представляетъ въ этомъ отношеніи любопытный примѣръ, и къ сожалѣнію этотъ чрезвычайно важный вопросъ, т. е. можетъ ли быть пріобрѣтатель имущества по давности введенъ во владѣніе этимъ имуществомъ, долженъ разрѣшиться на основаніи судебнаго толкованія, а не положительнаго текста закона. Познакомимся съ самымъ рѣшеніемъ. По кассаціонной жалобѣ повѣреннаго вдовы булочнаго мастера Анны Керетъ, присяжнаго повѣреннаго Юстина Полуянскаго на рѣшеніе московской судебной палаты (см. сборн. рѣш. 1870 г. № 339, стран. 611), вслѣдствіе указа правительствующаго сената по гражданскому кассаціонному департаменту (сборн. рѣш. за 1868 годъ № 449), московская судебная палата разсматривала жалобу повѣреннаго вдовы булочнаго мастера Анны Керетъ на опредѣленіе с.-петербурскаго окружнаго суда по просьбѣ о вводѣ во владѣніе домомъ. Обстоятельства сего дѣла заключаются въ томъ, что повѣренный вдовы Керетъ въ прошеніи, поданномъ въ с.-петербургскій окружный судъ, объяснилъ, что умершій въ 1855 году мужъ его довѣрительницы, по домашнему духовному завѣщанію, оставилъ ей все свое достояніе, въ томъ числѣ домъ, состоящій въ г. Гатчинѣ; что въ явкѣ этого завѣщанія с.-петербургскою гражданскою палатою 2 октября 1857 года было отказано, но Керетъ, вступившая со дня смерти мужа въ фактическое владѣніе оставленнымъ ей домомъ, спокойно, безспорно и непрерывно владѣетъ онымъ, въ видѣ собственности, болѣе 12 лѣтъ. Представляя въ доказательство сего полицейское свидѣтельство и два окладныхъ листа, а также ссылаясь, въ случаѣ надобности, на свидѣтельство окольныхъ людей, повѣренный Керетъ просилъ окружный судъ постановить опредѣленіе о вводѣ ея во владѣніе упомянутымъ домомъ. Окружный судъ, имѣя въ виду, что, по буквальному смыслу 925 и послѣд. ст. X т. I ч. и 1424 и послѣдующихъ статей уст. гражд. судопр., вводъ во владѣніе можетъ быть произведенъ только по представленіи акта укрѣпленія, удостовѣряющаго переходъ къ просителю права на недвижимое имѣніе, что слѣдовательно вводъ во владѣніе установленъ только для случаевъ перехода имущества отъ одного лица къ другому по актамъ укрѣпленія, что, между тѣмъ, отличительнымъ

признакомъ пріобрѣтенія правъ на имѣніе по давности служитъ именно отсутствіе надлежащаго акта укрѣпленія, доказывающаго принадлежность имѣнія владѣльцу, и что засимъ вводъ во владѣніе не можетъ быть допущенъ въ случаяхъ пріобрѣтенія имущества по праву земской давности, опредѣлилъ: въ ходатайствѣ повѣреннаго Керетъ отказать. На это опредѣленіе повѣренный Керетъ принесъ частную жалобу, въ которой объяснялъ, что хотя 925 ст. X т. I ч. и 1424 ст. уст. гражд. судопр. требуютъ для ввода во владѣніе представленія актовъ укрѣпленія, но это требованіе относится только къ имуществамъ, пріобрѣтеннымъ общими способами, указанными въ примѣч. къ 699 ст. X т. ч. I. посредствомъ актовъ укрѣпленія. Между тѣмъ есть исключительный способъ пріобрѣтенія, опредѣленный въ 533 ст. X т. ч. I, безъ актовъ укрѣпленія, въ которомъ самый фактъ владѣнія, по внутреннему содержанію 409 ст. уст. гражд. суд., замѣняетъ таковые акты. Если пріобрѣтеніе имѣнія совершается помимо акта укрѣпленія, то и вводъ во владѣніе, имѣющій значеніе передачи права на недвижимость, не можетъ быть совершаемъ на основаніи такого акта. Не допуская ввода во владѣніе потому, что объ немъ не упомянуто въ общихъ статьяхъ по сему предмету, пришлось бы не допускать и пріобрѣтенія права собственности на основаніи давности потому только, что о семъ способѣ не упоминается въ той статьѣ (примѣч. къ 699 ст.), гдѣ исчисляются способы пріобрѣтенія правъ на имущество. Независимо отъ сего, опредѣленіе окружнаго суда по настоящему дѣлу повѣренный Керетъ признавалъ неосновательнымъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) опредѣливъ въ 699 ст. X т. I ч. способы пріобрѣтенія правъ на имущество, законъ въ ст. 707 указываетъ на способы укрѣпленія, въ числѣ коихъ находится и вводъ во владѣніе. А какъ послѣ каждаго пріобрѣтенія права собственности на имѣніе законъ установляетъ вводъ во владѣніе, то и при пріобрѣтеніи помянутаго права на основаніи давности вводъ во владѣніе не могъ быть допускаемъ только въ такомъ случаѣ, еслибы о томъ въ законѣ было сдѣлано прямое исключеніе; за несуществованіемъ же подобнаго исключенія, выводъ, сдѣланный окружнымъ судомъ, вопреки общему смыслу закона, самъ собою долженъ упадать. 2) По ст. 533 т. X ч. I, спокойное,

безспорное и непрерывное владѣніе въ теченіи извѣстнаго времени, въ видѣ собственности, превращается въ право собственности, которое не стѣснено закономъ никакими ограниченіями и совершенно тождественно съ однородными правами, пріобрѣтаемыми другими способами, въ законѣ указанными. Вводъ во владѣніе, имѣя значеніе передачи права на недвижимое имущество и укрѣпленія сего права въ отношеніи лицъ постороннихъ, влечетъ для собственника весьма важныя послѣдствія и слѣдовательно отказъ въ оном пріобрѣтателю по праву давности былъ бы въ отношеніи его, съ одной стороны, нарушеніемъ общаго смысла законовъ, а съ другой лишеніемъ, вопреки 574 ст. X т. I ч., тѣхъ правъ, кои могли служить огражденіемъ его владѣнія, еслибы вводъ былъ произведенъ и 3) право давности установлено съ цѣлью устраненія неопредѣленности при пользованіи недвижимою собственностью. Отказывая въ вводѣ, эта цѣль не только не достигается, но владѣемое имущество, при отсутствіи притязаній на него, лишается единственнаго средства выйти изъ неопредѣленнаго положенія. Такимъ образомъ вводъ во владѣніе, какъ естественное послѣдствіе всякаго пріобрѣтенія недвижимаго имущества, долженъ быть допускаемъ и въ случаяхъ пріобрѣтенія по праву давности. Лицо ходатайствующее о томъ, примѣняясь къ 1424 и 1425 ст. охранит. судопр., представляетъ не актъ укрѣпленія, но факты, указывающіе давность владѣнія, и судъ, удостовѣрясь въ правильности онаго, при неимѣніи запрещенія и отсутствіи споровъ, долженъ постановить опредѣленіе о вводѣ во владѣніе. По симъ соображеніямъ повѣренный Керетъ просилъ судебную палату, отмѣнивъ опредѣленіе окружнаго суда, предписать ему разсмотрѣть правильность пріобрѣтенія Керетъ права собственности на основаніи земской давности и составить постановленіе о вводѣ ея во владѣніе помянутымъ домомъ.—Считая вопросъ исчерпаннымъ въ изложенномъ содержаніи жалобы повѣреннаго г-жи Керетъ, впрочемъ не въ смыслѣ адвокатскаго рецепта, который, какъ извѣстно, извлекается изъ тезисовъ рѣшеній кассаціон. деп. сената, мы прекращаемъ дальнѣйшую выписку изъ этого замѣчательнаго рѣшенія. Впрочемъ моск. судебн. палата опредѣлила: постановленіе с.-петербурскаго окружнаго суда объ отказѣ вдовѣ Керетъ во вводѣ во владѣніе домомъ,

оставшимся въ Гатчинѣ послѣ булочнаго мастера Іоанна Готлиба Керетъ, признать неподлежащимъ отмѣнѣ, оставивъ принесенную на оное жалобу повѣреннаго Керетъ безъ уваженія. Это опредѣленіе палаты было отмѣнено правительствующимъ сенатомъ по нарушенію 706 ст. уст. гражд. судопр., воспрещающей постановлять рѣшеніе о такихъ предметахъ, о коихъ не предъявлено требованія, и дѣло передано на разсмотрѣніе харьковской судебной палаты. Слѣдовательно и изъ самаго рѣшенія не получилось адвокатскаго рецепта весьма пригоднаго на случай неполноты или неясности закона. Если не ошибаемся, то харьковская судебная палата своимъ опредѣленіемъ, положившимъ конецъ этому дѣлу, удовлетворила ходатайство повѣреннаго Керетъ.

Публикація о вводѣ во владѣніе. Одна изъ принадлежностей ввода во владѣніе—печатаніе объявленія въ сенатскихъ объявленіяхъ на основаніи 1431 ст. уст. охранит. суд. Форма подобнаго объявленія распубликована при указѣ правительствующаго сената (по I департ.) отъ 13 марта 1867 г., и по этой формѣ должны доставляться въ сенатскую типографію объявленія о вводѣ во владѣніе. Представимъ наглядный образецъ въ томъ видѣ, какъ онъ появляется въ сенатскихъ объявленіяхъ. „Отъ.... старшаго нотаріуса объявляется, что въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ, согласно 1431 ст. Уст. Гражд. Суд. отмѣчено о вводѣ во владѣніе: 26870. 1871 г. января 5 государ. крест. В—го уѣзда села Оленокъ Ивана Петрова Коврова землею въ количествѣ 00 дес,, купленнаго у коллежскаго регистратора Семена Степанова Петрова по купч. соверш. 8 окт. 1870 г. и утвержденной 1870 г. октября 19, состоящ. С—аго уѣзда въ дачѣ села Липовецъ; цѣна имущества 000 р.; вып. пис. на л. въ 0 р., вз. пошл. 00 р. 00 к.“ Ст. 1431 уст. охранит. суд. должна быть сопоставлена со ст. 180 нотар. полож. Въ этой послѣдней сказано: о времени совершенія ввода во владѣніе имѣніемъ старшій нотаріусъ, по полученіи надлежащаго о томъ увѣдомленія отъ судебнаго пристава или мироваго судьи, также сообщаетъ въ сенатскую типографію. Изъ сего оказывается, что нотаріусъ безъ сообщенія лица, производящаго вводъ, можетъ не узнать о совершеніи ввода, слѣдовательно и публикаціи не послѣдуютъ, хотя бы вводъ въ дѣйствительности и былъ произведенъ. Во избѣжаніе подобнаго упу-

щенія новымъ владѣльцамъ не лишне справляться съ сенатскими объявленіями, а по выходѣ публикаціи пріобрѣсти тотъ №, въ которомъ она помѣщена, или по крайней мѣрѣ записать у себя на память № сенатскихъ объявленій и статью, въ которой припечатанъ вводъ.

Издержки по совершенію ввода во владѣніе. Въ гражданскомъ процессѣ каждое дѣйствіе сопровождается расходомъ. Вводъ во владѣніе также требуетъ издержекъ, хотя уставъ охранит. суд. ничего не говоритъ объ издержкахъ новаго пріобрѣтателя на совершеніе ввода во владѣніе. Издержки эти суть слѣдующія: 1) прогоны и суточныя судебному приставу, если вводъ совершается въ уѣздѣ; 2) плата судебному приставу за дѣйствія по вводу во владѣніе и 3) деньги на публикаціи о вводѣ во владѣніе. Въ какихъ размѣрахъ все это взимается уставъ охранит. суд. не опредѣляетъ. Впрочемъ мы знаемъ, что на основаніи Высочайше утвержденной 16 іюня 1866 г. временной таксы вознагражденія судебныхъ приставовъ пунктомъ 13 за совершеніе ввода во владѣніе приставу полагается 2 р., а на основаніи 14 пункта той же таксы могутъ быть опредѣлены прогоны и суточныя судебному приставу. Въ этомъ пунктѣ сказано: если повѣстка должна быть вручена, или другое какое либо дѣйствіе должно быть совершено приставомъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣетъ жительство, то онъ получаетъ прогонныя и суточныя деньги на точномъ основаніи правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 858 и 861 уст. гражд. суд. При чемъ время, употребленное на проѣздъ судебнаго пристава, исчисляется по поверстному сроку, опредѣленному статьею 300 уст. гражд. судопр., и суточныя деньги выдаются приставу, когда онъ на проѣздъ употребитъ и менѣе сутокъ. Впрочемъ изъ точнаго основанія 858 и 861 ст. уст. гражд. суд. нельзя извлечь точнаго указанія, въ какомъ размѣрѣ взимаются суточныя и въ особенности прогонныя деньги на проѣздъ гг. судебныхъ приставовъ. Нѣтъ сомнѣнія впрочемъ, что въ практикѣ на этотъ предметъ выработались и основанія и примѣры, но это далеко не то, что положительный и ясный текстъ закона, дающій впередъ возможность расчитать навѣрное издержки по совершенію ввода во владѣніе. Передъ нами лежитъ квитанція судебныхъ приставовъ (1867 г.) слѣдующаго содержанія: дана сія суд.

прист. моск. окруж. суда, что по городу.... и уѣзду его, титулярному совѣтнику такому-то (имя, отчество и фамилія), въ томъ, что деньги въ пользу судебныхъ приставовъ: за совершеніе ввода во владѣніе его (фамилія) такою то землею (названіе) 2 руб., на припечатаніе объявленія о вводѣ 3 руб. 6¼ к., за приложеніе печатей къ надписямъ по купчей крѣпости и вводнаго листа 10 коп., за учиненіе надписи на купчей и листѣ 20 коп., за одну повѣстку 25 коп. и увѣдомленіе полиціи о вводѣ 25 коп. и въ пользу его, пристава, на путевыя издержки столько-то, а всего столько то съ него (фамилія пріобрѣтателя) взысканы.... дня, 1867 г. Судебный приставъ такой-то, печать. Изъ этой квитанціи видно, что на припечатаніе объявленія о вводѣ взимается 3 руб. 6¼ коп. Квитанція эта выдана въ то время, когда по дѣйствующимъ правиламъ (уст. охранит. суд. еще не былъ обнародованъ) судебные пристава не сообщали нотаріусамъ, а непосредственно отъ себя отсылали взысканныя ими деньги въ сенатскую типографію, взамѣнъ же сообщенія старшему нотаріусу, какъ видно изъ квитанціи, увѣдомлялась полиція. Такимъ образомъ уже краткій періодъ времени между изданіемъ судебныхъ уставовъ и обнародованіемъ уст. охранит. вмѣстѣ съ положеніемъ о нотаріатной части успѣлъ отразиться на порядкѣ совершенія ввода.

Форма вводнаго листа и надписи на актѣ укрѣпленія. Вводный листъ—историческій памятникъ, замѣненный нынѣ надписью на актѣ укрѣпленія. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ представимъ образецъ вводнаго листа прежняго времени по вводу недвижимымъ городскимъ имуществомъ (домомъ). Названіе города возьмемъ произвольное, положимъ Телюкъ. Такимъ образомъ вводный листъ представится приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: 1855 года іюня 10 дня телюкскій квартальный недзиратель Успенскій при ратманѣ городоваго магистрата и присяжныхъ свидѣтеляхъ и сторонникъ людяхъ, дѣлалъ вводъ во владѣніе, вслѣдствіе отношенія телюкскаго городоваго магистрата отъ 6 іюня за № 151, согласно духовнаго завѣщанія, утвержденнаго въ (такой-то) палатѣ гражданскаго суда въ 10 день мая 1851 года, въ доставшійся телюкской мѣщанкѣ Степанидѣ Ефремовой Тучинцевой съ дѣтьми ея, дочерьми Варварою и Вѣрою Тучинцевыми, отъ умершаго мужа ея Петра Егорова Тучин-

цева, по означенному духовному завѣщанію, деревянный одноэтажный домъ съ принадлежащимъ къ оному надворнымъ строеніемъ и находящимся въ оном разнаго рода имуществомъ и землею, состоящій въ городѣ Телюкѣ 12 кварт. подъ № 5, и какъ при семъ вводѣ споровъ и исковъ никѣмъ не изъявлено, то она, Тучинцева, съ дѣтьми своими означеннымъ домомъ во владѣніе и введена. Означенный домъ съ принадлежащимъ къ оному строеніемъ телюкская мѣщанка Степанида Ефремова Тучинцева съ дочерьми своими Варварою и Вѣрою приняла, въ чемъ и руку за себя и за дочерей своихъ по ихъ безграмотству приложила. При семъ вводѣ находился Телюкскій мѣщанинъ Андрей Ивановъ. При семъ вводѣ во владѣніе свидѣтелемъ былъ Телюкскій 3-й гильдіи купецъ Степанъ Ивановъ Козицынъ. При семъ вводѣ находился Телюкскій мѣщанинъ Елисей Брызгаловъ. При семъ вводѣ находился Телюкскій мѣщанинъ Кириллъ Алексѣевъ Дужинъ. При семъ вводѣ находился Телюкскій купеческій братъ Никита Сизовъ. Присяжный свидѣтель Павелъ Цвѣтковъ. Подлинный подписали квартальный надзиратель Успенскій, ратманъ Гусевъ.—Въ этомъ образцѣ можетъ быть число свидѣтелей и слишкомъ велико, но это не умаляетъ значенія этого образца въ другихъ отношеніяхъ. Въ настоящее время взамѣнъ этого дѣлается, какъ извѣстно, надпись на самомъ актѣ укрѣпленія. Представимъ примѣръ подобной надписи: 1867 года августа 5 дня учинена сія надпись судебнымъ приставомъ петербургскаго окружнаго суда, что по г. Гатчинѣ и уѣзду его, въ томъ, что на основаніи исполнительнаго листа онаго суда, отъ 10 сентября 1866 года за № 8128, имѣніемъ, заключающимся въ пустошѣ „Липовка“, по сей купчей крѣпости, коллежскій секретарь Петръ Андреевъ Ливенцовъ во владѣніе имъ, приставомъ, введенъ сего 5 числа августа. Судебный приставъ с-петербургскаго окружнаго суда по г. Гатчинѣ и уѣзду его такой-то. Считаемъ нужнымъ оговориться, что С.-Петербургъ и Гатчина взяты нами произвольно и введены въ образецъ.

Юридическія послѣдствія ввода во владѣніе. Законодатель, какъ бы сознавая, что вводъ уже утратилъ свое внутреннее значеніе и между тѣмъ признавая его съ своей стороны необходимымъ, придаетъ вводу особенное значеніе, сопровож-

дая его извѣстными юридическими послѣдствіями для новаго пріобрѣтателя. Впрочемъ въ прежнихъ узаконеніяхъ послѣдствія ввода во владѣніе, какъ кажется, пріурочивались только ко вводамъ по купчимъ крѣпостямъ и по духовнымъ завѣщаніямъ (ст. 1524 и 1098 X т. ч. 1). Въ ст. 1524 постановлено: буде въ теченіи двухъ лѣтъ со дня прибитія къ судейскимъ дверямъ листа и опубликованія въ вѣдомостяхъ, по приложенной для сего формѣ о купчей крѣпости, никто не явится для спора, то впредь всякій споръ объ оной не долженъ имѣть мѣста. Въ книгѣ г. Кохманскаго (Сводъ положеній и разсужденій кассаціоннаго сената (1866—1870) по вопросамъ гражданскаго права. Одесса. 1871) на стран. 230 и слѣд. читаемъ:

1) Двухгодичный срокъ, установленный 1524 и 1525 ст. т. X ч. 1, срокъ для предъявленія спора противъ купчей крѣпости, отмѣняетъ ли общій срокъ десятилѣтней давности для отысканія собственности изъ чужаго владѣнія? На основаніи дѣйствовавшихъ законовъ независимо отъ ввода во владѣніе существовалъ отказъ. Обрядъ отказа заключался въ томъ, что послѣ ввода во владѣніе, судебное мѣсто, по распоряженію котораго онъ былъ произведенъ, выставляло на дверяхъ объявленіе о вводѣ, вызывая тѣхъ лицъ, которые имѣли на то право, предъявить споръ противъ перехода имущества къ другому владѣльцу (ст. 753 т. X ч. 1 изд. 1842). По истеченіи двухлѣтняго срока, присутственное мѣсто предписывало полицейскому мѣсту учинить отказъ, который совершался тѣмъ же порядкомъ, какъ и вводъ во владѣніе (ст. 757 т. X ч. 1 изд. 1842 г.). На основаніи изданія т. X ч. 1 св. зак. 1857 года отмѣнено постановленіе объ отказѣ, съ которымъ тѣсно былъ связанъ двухгодичный срокъ для предъявленія споровъ противъ всѣхъ пріобрѣтательныхъ актовъ на имущество. Двухгодичный срокъ удержался только въ отношеніи духовныхъ завѣщаній (ст. 1098 т. X ч. 1 изд. 1857 г.) и купчихъ крѣпостей (ст. 1524 т. X ч. 1). Этимъ двухгодичнымъ срокомъ, согласно буквальному смыслу ст. 1524 и 1525 т. X ч. 1, устраняются всѣ споры противъ купчей крѣпости, какъ акта укрѣпленія, но не устраняются споры о правѣ собственности на проданное имѣніе. Въ отношеніи споровъ о правахъ имущественныхъ дѣйствуетъ общая десятилѣтняя давность, ко-

торая имѣетъ силу безусловную, и никакой искъ, на основаніи ст. 692 т. X ч. 1 и ст. 213 т. X ч. 2, до истеченія общаго десятилѣтняго срока, не пресѣкается. Двухгодичный срокъ, опредѣленный ст. 1524 и 1525 т. X ч. 1, прекращаетъ только споръ объ актѣ укрѣпленія, дѣлаетъ его безспорнымъ, но не ограждаетъ неприкосновенности правъ собственности отъ споровъ до истеченія общей земской давности, ибо въ ст. 1525 сказано: „объявившій на *купчую крѣпость споръ* долженъ въ теченіи двухъ лѣтъ войти и въ самый искъ.“ Такъ понимала и такой смыслъ усвоивала ст. 1524 и 1525 т. X ч. 1 и наша судебная практика. Не восходя къ случаямъ болѣе отдаленнымъ, достаточно указать на Высочайше утвержденное 24 апрѣля 1861 г. мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу Тишина съ Жеребцовымъ, на рѣшенія общаго собранія 4, 5 и межев. департ. прав. сената по дѣламъ Хорощо со Свяцкимъ и Цилосони съ церковнымъ вѣдомствомъ (Ж. М. Ю. т. IV 1860 и т. XV 1863 г.). Всѣми этими рѣшеніями признано было, что двухгодичный срокъ, указанный въ ст. 1524 и 1525 т. X ч. 1, установленъ лишь для оспариванія самаго крѣпостнаго акта, но не для отысканія собственности изъ чужаго владѣнія, независимо отъ акта укрѣпленія. 1869 № 510.

2. Распространяется ли общій законъ о пріостановленіи теченія земской давности для несовершеннолѣтнихъ въ отношеніи опредѣленнаго ст. 1524 и 1525 т. X ч. 1 срока для начатія споровъ противъ купчихъ крѣпостей? Законъ пріостанавливаетъ безусловно теченіе земской давности по искамъ лицъ неправоспособныхъ, между прочимъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, доколѣ сіи лица, по недостиженію узаконеннаго возраста, находятся или должны находиться подъ опекой или попечительствомъ. На основаніи ст. 214 т. X ч. 2, несовершеннолѣтнему наслѣднику или преемнику правъ вотчинника, неискавшему своего имущества менѣе десяти лѣтъ, должно остаться для начатія иска столько времени, сколько оставалось въ день смерти его предшественника или въ день перехода къ нему правъ на имущество. На все время малолѣтства теченіе давности пріостанавливается. Съ достиженіемъ же совершеннолѣтія ему предоставляется право воспользоваться оставшимся давностнымъ сро-

комъ, съ тѣмъ что если остающійся срокъ менѣе двухъ лѣтъ, то предоставляются полные два года на предъявленіе иска. Хотя въ ст. 214 т. X ч. 2 говорится о пріостановленіи теченія десятилѣтней исковой давности для малолѣтнихъ, но, принявъ въ соображеніе ст. 9 уст. гр. суд. и цѣль закона, имѣющаго въ виду пріостановленіемъ теченія давностнаго срока оградить права лицъ неполноправныхъ, которымъ безусловно воспрещается принимать участіе въ производствѣ дѣлъ и вчинать иски (217 и 282 т. X ч. 1 и ст. 19 уст. гражд. суд.), нельзя не придти къ тому заключенію, что теченіе двухгодичнаго срока для предъявленія спора противъ купчей крѣпости пріостанавливается для малолѣтнихъ. 1869 № 510.

Относительно 1098 ст. въ той же книгѣ г. Кохманскаго на стран. 158 читаемъ: На основаніи ст. 1098, для предъявленія иска о недѣйствительности духовнаго завѣщанія, послѣ засвидѣтельствованія, опредѣляется двухлѣтній срокъ. Для малолѣтнихъ срокъ сей считается со дня вступленія ихъ въ совершеннолѣтіе. 1868 № 571. Длинными выписками изъ прекраснаго изданія г. Кохманскаго мы старались показать, что значеніе двухгодичнаго срока принимается условно. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное обсужденіе значенія этихъ ограниченій и возможности спора независимо отъ купчей крѣпости, какъ акта укрѣпленія; для нашей цѣли достаточно указать, что какъ бы условно ни примѣнялся двухгодичный срокъ, онъ все-таки составляетъ привилегію ввода по купчимъ крѣпостямъ и духовнымъ завѣщаніямъ. Въ курсѣ гражд. права К. П. Побѣдоносцева (т. I ч. 1 стр. 216, 217 и 218 (примѣч.), находимъ разборъ значенія двухгодичнаго срока.

Многоуважаемый авторъ курса между прочимъ говоритъ: судебная практика рѣдко рѣшалась примѣнять его тамъ, гдѣ онъ приходилъ въ столкновеніе съ общею давностью. Въ уставѣ охранит. судопр. въ ст. 1432 сказано: отмѣченный на семъ основаніи въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ день ввода во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ считается началомъ дѣйствительной передачи и укрѣпленія права на имущество (см. ст. 1431). Содержаніе этой статьи въ связи съ предыдущею даетъ громадное значеніе вводу во владѣніе.

Только со дня ввода во владѣніе начинается теченіе земской давности для новаго пріобрѣтателя имущества, по крайней мѣрѣ такой смыслъ придаемъ мы этому закону. Это должно бы кажется служить достаточнымъ побужденіемъ не пренебрегать вводомъ во владѣніе, къ которому конечно никого нельзя принудить. Но есть другое болѣе практическое соображеніе, заставляющее многихъ вводиться во владѣніе. Это—трудность отчужденія имущества, по которому владѣлецъ еще не введенъ во владѣніе на основаніи нотаріальнаго положенія. Но намъ кажется, что не слѣдовало бы дѣлать никакихъ затрудненій для пріобрѣтателя имуществъ не по купчимъ, дарственнымъ, а по духовнымъ завѣщаніямъ и праву наслѣдованія въ томъ случаѣ, когда предшествовавшіе владѣльцы не были введены во владѣніе, ибо умершихъ уже никакъ нельзя ввести во владѣніе, а наслѣдники не повинны въ упущеніяхъ наслѣдодателей относительно ввода во владѣніе.

Споры и жалобы на дѣйствія по вводу во владѣніе. Всякое дѣйствіе судебной власти можетъ вызвать неудовольствіе стороны, считающей свое право нарушеннымъ, точно тоже должно сказать и о дѣйствіяхъ власти исполнительной. Законъ это предвидѣлъ и потому говоритъ о спорахъ, жалобахъ, что они приносятся и разрѣшаются порядкомъ, въ ст. 962—967 сего устава указаннымъ (ст. 1433). Но какимъ бы порядкомъ ни приносились и ни разрѣшались споры и жалобы, остается все-таки неяснымъ, что такое споръ и жалоба, какое между ними различіе, кѣмъ они могутъ быть приносимы—однѣми ли сторонами неучаствующими во вводѣ, или безразлично, какъ стороною участвующею во вводѣ, такъ и посторонними заинтересованными лицами. Споръ, по нашему мнѣнію, заявляется стороною заинтересованною противъ ввода стороны участвующей. Спору этому не придается того значенія, какой онъ имѣлъ при прежнихъ узаконеніяхъ. Ст. 965 уст. гражд. суд. содержитъ слѣдующее правило: объявленіе спора или подача жалобы не останавливаютъ дѣйствій пристава по исполненію, развѣ бы о пріостановленіи ихъ послѣдовало опредѣленіе суда. Итакъ споръ, заявленный судебному приставу, не остановитъ ввода, хотябы на дѣйствія судебнаго пристава и была подана жалоба въ двухнедѣль-

ный срокъ со времени исполненія ввода (ст. 963 уст. гражд. суд.). Если же и этотъ срокъ былъ пропущенъ, то заинтересованной сторонѣ предоставляется право начать искъ въ общемъ порядкѣ. Сторона возбуждающая подобные споры и жалобы, напр. противъ границъ владѣнія, должна имѣть въ виду, что ей чаще бываетъ выгоднѣе начать искъ установленнымъ порядкомъ, чѣмъ возбуждать споры и подавать жалобы, потому что всѣ эти споры и жалобы, разрѣшаясь въ порядкѣ частнаго производства, лишаются права на кассаціонное разсмотрѣніе сенатомъ. Впрочемъ вопросъ этотъ болѣе относится къ исполненію судебныхъ рѣшеній и потому здѣсь не подлежитъ подробному разсмотрѣнію. Но допустивши, что споры и жалобы возбуждаются стороною не участвующею во вводѣ, мы не находимъ указанія на возможность жалобы со стороны участвующей во вводѣ, напр. на медленность судебнаго пристава, на отказъ его исполнить опредѣленіе суда о вводѣ за неотысканіемъ, положимъ, недвижимаго имущества и проч. Само собою разумѣется, что на практикѣ такія жалобы дѣйствительно поступаютъ и разрѣшаются не только окружными судами, но даже и судебными палатами по жалобамъ на опредѣленія окружныхъ судовъ въ порядкѣ частнаго производства.

Частныя производства, возникающія при вводѣ во владѣніе. Независимо отъ споровъ и жалобъ, о которыхъ говорится въ ст. 1433 и 1434, въ ст. 1437 упоминаются еще частныя производства. Въ ст. сказано: возникающія при вводѣ во владѣніе частныя производства разрѣшаются по соображеніи постановленій, изложенныхъ въ ст. 1424—1436, съ правилами объ исполненіи судебныхъ рѣшеній по сему уставу. Что такое эти частныя производства, составляютъ ли они что-нибудь независимое отъ тѣхъ споровъ и жалобъ, о которыхъ говорилось въ ст. 1433 и 1434, или эти частныя производства—послѣдствіе именно тѣхъ споровъ и жалобъ, о которыхъ говорилось въ ст. 1433 и 1434. Съ формальной стороны, принимая во вниманіе, что ст. 1437 не слѣдуетъ непосредственно за 1433 и 1434 и что въ ней дѣлаются ссылки на правила объ исполненіи судебныхъ рѣшеній безъ указанія на статьи этого отдѣла и что слѣдовательно ближе всего искать указанія въ ст. 1197—1199 уст. гражд. судопр.,

можно думать, что частныя производства составляютъ независимое явленіе отъ тѣхъ жалобъ и споровъ, о которыхъ упоминалось въ ст. 1433 и 1434. Потому что если предположить, что частныя производства суть послѣдствія жалобъ и споровъ, о которыхъ говорится въ 1433 и 1434 ст., и только указываютъ порядокъ ихъ разрѣшенія и возбужденія, то это противорѣчило бы ст. 966 уст. гражд. суд., въ которой указанъ порядокъ разрѣшенія жалобъ и споровъ; что же касается возбужденія частнаго производства, то и оно должно бы имѣть независимое положеніе отъ возбужденія споровъ и жалобъ; но въ чемъ это отличіе, мы указать не въ состояніи. Единственное объясненіе то, что частныя производства возбуждаются не тѣми лицами, которыми возбуждаются споры и жалобы, но и это объясненіе не выдерживаетъ критики, ибо тогда немыслимо существованіе 1434 ст., потому что искъ можетъ быть возбужденъ очевидно лишь стороною неучаствующею во вводѣ. Такимъ образомъ объясненіе со стороны формальлой приводитъ къ абсурду и надобно слѣдовательно полагать, что такъ-называемыя частныя производства тоже самое, что производства по жалобамъ и спорамъ.

Намъ остается указать нѣкоторые отличительные признаки новаго порядка ввода отъ прежняго. Эти отличительные признаки усматриваются изъ внимательнаго сличенія ст. 925 X т. ч. 1 со статьею 1424 уст. охранит. суд. Въ первой сказано: для ввода во владѣніе недвижимымъ имуществомъ пріобрѣтатель долженъ предъявить надлежащему присутственному мѣсту актъ укрѣпленія на оное, какъ-то: купчую крѣпость, или данную, дарственную или раздѣльную запись и тому подобныя укрѣпленія, для перехода недвижимыхъ имуществъ закономъ установленныя. Во второй говорится: для ввода во владѣніе недвижимымъ имуществомъ пріобрѣтатель долженъ предъявить тому окружному суду, въ округѣ коего оно находится, актъ укрѣпленія, на переходъ недвижимыхъ имуществъ установленный (ст. 1424 уст. охран. суд.). Такимъ образомъ въ прежней статьѣ законъ давалъ нѣкоторое понятіе объ актахъ укрѣпленія черезъ примѣрное перечисленіе, конечно не полное; новый законъ не даетъ ни малѣйшаго указанія на то, что онъ считаетъ актомъ укрѣпленія,

предполагая это общеизвѣстнымъ. Въ самой обстановкѣ совершенія ввода можно указать нѣкоторые признаки отличія. Они открываются изъ сличенія ст. 929 X т. ч. 1 съ 1427. На основаніи первой собирались сторонніе люди, которые подписывали вводный листъ вмѣстѣ съ членами полицейскаго управленія; на основаніи второй приглашаются всѣ смежные владѣльцы того имѣнія, сельскій мѣстный староста, свидѣтели преимущественно изъ живущихъ въ имѣніи лицъ, а также арендные владѣльцы и проч. Эти лица ничего не подписываютъ и неявка всѣхъ сихъ лицъ не останавливаетъ ввода во владѣніе. Очевидно новый законъ имѣетъ въ виду приглашать въ свидѣтели тѣхъ лицъ, которымъ болѣе другихъ извѣстны границы недвижимыхъ имѣній.

А. М. Хоткевичъ.

ЧТО ТАКОЕ БОЛЬШИНСТВО,

его отношенія къ меньшинству вообще и ко всякому члену меньшинства въ особенности? *)

Очень часто случается слышать въ нашихъ гостиныхъ слова: „хоть это и принято нашимъ обществомъ, но я не могу согласиться съ этимъ; я подалъ голосъ противъ и слѣдственно свободенъ подчиняться или не подчиняться рѣшенію этого общества".

Слова эти, по моему мнѣнію, показываютъ, что мы еще мало воспитаны въ публичной жизни и плохо понимаемъ что такое большинство и его значеніе. Постараемся объяснить это по мѣрѣ нашего умѣнья и силы, и показать какъ ошибочно думаютъ тѣ, которые, принадлежа къ какому-нибудь обществу, полагаютъ, что рѣшеніе большинства этого общества для нихъ не обязательно и что они свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, хотя бы рѣшеніе большинства и противорѣчило ихъ личнымъ мнѣніямъ.

Существованіе государства, общества, круга, предполагаетъ необходимость людей соединиться въ одно, для того чтобы дѣйствовать вкупѣ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей. Соединившись такимъ образомъ, общество или кругъ представляютъ одно юридическое лицо, какъ бы одного человѣка, цѣль и стремленія котораго опредѣлены, который дѣйствуетъ разумно для достиженія того, что сдѣлалъ мѣтою своихъ стремленій. Разумность есть необходимое условіе этого соединенія. Предполагать, что общество соединилось во имя неразумности—нельзя; это значило бы отвер-

*) Этотъ предметъ имѣетъ важное значеніе въ наукѣ права. Къ сожалѣнію авторъ ограничился одними общими соображеніями. Ред.

гать разумность созданія и пребыванія человѣка на землѣ. Ежели общество существуетъ во имя разумности, то и всякій человѣкъ, принадлежащій къ этому обществу, принадлежитъ къ нему во имя этой самой разумности и во имя свободы. Свобода есть такая же необходимая принадлежность человѣка въ обществѣ, какъ и самая разумность. Въ самомъ дѣлѣ: кто бы могъ меня заставить принадлежать къ какому нибудь обществу, ежели бы я не захотѣлъ этого самъ, принимая общество даже въ самомъ широкомъ его смыслѣ. Ежели я гражданинъ какого-нибудь государства, развѣ мнѣ могутъ помѣшать удалиться изъ него, жить въ одиночествѣ на какомъ-либо необитаемомъ островѣ, въ какомъ-нибудь захолустьѣ міра, гдѣ я не буду членомъ никакого общества, или сдѣлаться гражданиномъ другаго государства, другой мѣстности, другихъ законовъ. Ежели я не дѣлаю этого, значитъ я принадлежу своему государству, своей родинѣ во имя свободы; значитъ я безмолвно, но совершенно добровольно, совершенно свободно, принялъ на себя обязательство, во имя тѣхъ гарантій, которыя представляетъ для меня моя родина, т.-е. общество, къ которому я принадлежу, признавать справедливымъ и разумнымъ ея дѣйствія, подчиняться ея законамъ, нести на себѣ тяготу условій ея бытія. Ежели я не дѣлаю этого, общество, давшее мнѣ гарантію безопасности, нравственнаго развитія, разумной свободы, имѣетъ право отъ меня требовать исполненія тѣхъ условій, которыя оно налагаетъ на каждаго изъ своихъ членовъ, для того чтобъ общими силами достигать тѣхъ гарантій безопасности, нравственнаго развитія и свободы, которыя стоятъ во главѣ всякаго политическаго общества (государства) и которыя суть та разумная цѣль, для которой люди соединились въ общества и для которыхъ общество существуетъ. Условія безопасности, нравственнаго развитія и свободы есть то, что называется законами; потому-то исполненіе каждымъ членомъ общества законовъ этого общества и необходимо, что исполненіе это составляетъ гарантію существованія этого общества, то-есть предоставленіе всѣмъ членамъ его вообще и каждому въ особенности и безопасности, и нравственнаго развитія, и свободы въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для блага всѣхъ.

Предполагать, что всѣ люди могутъ думать одинаково,

есть фантазія, утопія, вещь несбыточная. Различіе мнѣній зависитъ отъ образованія, соціальнаго положенія, даже многихъ органическихъ и физіологическихъ причинъ. Прогрессъ есть ничто иное какъ стремленіе всѣхъ членовъ общества обобщить ходячія, присущія въ извѣстный историческій моментъ понятія, провести ихъ въ жизнь, сдѣлать ихъ плотію. Чѣмъ больше въ обществѣ обобщенныхъ отвлеченныхъ понятій, тѣмъ болѣе общество разумно, тѣмъ далѣе оно стоитъ на пути прогресса, Но такъ какъ выше уже сказано, что всѣ думать одинаково не могутъ, то и слѣдуетъ, что во всякомъ обществѣ надо обращать вниманіе на большее количество людей думающихъ одинаково, стремящихся къ одной и той же разумной цѣли, т.-е. на большинство.

Итакъ большинство есть всегда выраженіе:

1. Степени развитія этого общества.
2. Дѣйствительныхъ настоящихъ его потребностей.
3. Мѣрила его завоеваній на пути прогресса.

Меньшинство же, хотя и можетъ быть и умнѣе и развитіе большинства, но оно всегда выражаетъ:

1. Что есть большинство, которое не приняло мнѣнія меньшинства.
2. Что стремленія меньшинства не необходимы большинству, потому что оно ихъ или не понимаетъ, или не хочетъ.
3. Что стремленія меньшинства, будучи можетъ быть абсолютно разумны и даже разумнѣе стремленій большинства, потому-то и неразумны въ отношеніи къ цѣлому обществу, что не составляютъ необходимыхъ стремленій и потребности этого общества въ данный моментъ.

Это и есть причина, почему реформаторы, дѣйствующіе круто, не въ духѣ большинства, вмѣсто пользы всегда приносятъ вредъ. Они неправы, ежели не угадавъ дѣйствительной потребности общества (которое ежели пожелаетъ реформъ, само выдвинетъ ихъ впередъ, для того чтобы онѣ вели его къ тѣмъ разумнымъ перемѣнамъ, потребность которыхъ оно смутно чувствуетъ), вздумаютъ вести его насильно къ реформамъ, сознавая всю ихъ необходимость и не передадутъ этого сознанія большинству въ той формѣ, въ какой онѣ будутъ по плечу этому большинству.

Тотъ, кто хочетъ вести общество по пути прогресса или,

другими словами, его нравственнаго развитія, долженъ прежде всего спросить себя:

а) Знаетъ ли, изучилъ ли онъ дѣйствительныя потребности общества, которое онъ хочетъ вести.

б) Опредѣлилъ ли онъ себѣ ясно ту форму, въ которой улучшеніе должно проявиться, для того чтобы оно принято было большинствомъ безъ протеста, и наконецъ

с) Не вызоветъ ли реформа по своей несвоевременности такой протестъ, который по законамъ отраженія, вмѣсто того чтобы подвинуть общество впередъ, задержитъ его на пути или даже отодвинетъ назадъ.

Требовать отъ массъ, чтобы они ясно и опредѣлительно знали, чего они хотятъ—нельзя. Это есть принадлежность немногихъ избранныхъ. При потребности перемѣны масса чувствуетъ только какую-то неловкость, которую она опредѣлить не въ состояніи, чувствуетъ что то, что удовлетворяло ее вчера, нынче ее не удовлетворяетъ, и хотя вслѣдствіе этого желаетъ перемѣны, но требуетъ, какъ необходимаго условія, чтобы эта перемѣна произошла тихо и незамѣтно, т.-е. такъ, чтобы отвергая прошедшее во имя будущаго, прошедшее не оторвалось отъ настоящаго и будущаго вовсе, но слилось съ нимъ, составило какъ бы одно непрерывное цѣлое, а слѣдственно и не испугало своею непривычною новизною, однимъ словомъ такъ чтобы, несмотря на реформу, ничьи интересы не пострадали отъ этого. Такъ какъ всякая реформа совершается во имя блага всѣхъ, то и справедливо, чтобы эти всѣ, выражаемые большинствомъ, не были оскорблены или лишены хотя части и даже хотя временно тѣхъ благъ, которыя предоставляло имъ прошедшее.

Итакъ меньшинство только тогда мыслимо и разумно, когда оно, становясь во главѣ движенія, ведетъ общество тихо, безъ скачковъ и потрясеній къ той цѣли, которую онъ считаетъ необходимою для приданія большинству большей суммы благъ, и когда большинство не возмущается противъ этого предводительства.

Многіе могутъ сказать на это, что цѣль оправдываетъ средства, что массы сами не знаютъ, чего они хотятъ и что слѣдственно научить ихъ, улучшить ихъ бытъ, дать имъ большую сумму благъ и наслажденій не только позволительно, но даже должно и притомъ всѣми средствами, которыо

находятся подъ руками, только бы цѣль была достигнута. По теоріи оно можетъ быть и вѣрно, но на дѣлѣ выходитъ совершенно иначе. Въ самомъ дѣлѣ, чего же проще какъ сказать: этого у тебя нѣтъ—я хочу это тебѣ дать; твое дѣло только пользоваться тѣмъ, что тебѣ даютъ и чего у тебя до сихъ поръ не было, такъ какъ ты отъ этого въ выгодѣ. Но въ приложеніи выходитъ даже какъ будто наоборотъ. Такъ какъ то, что предлагаютъ массамъ, еще неизвѣстно, еще не испытано, еще не принесло гдѣ-нибудь и когда-нибудь обѣщаемой пользы, то и не удивительно, что массы не торопятся мѣнять вѣрное на невѣрное и подозрительно смотрятъ на то, что имъ предлагаютъ. Всякая мѣра, какая бы она ни была, только тогда и можетъ быть полезна, когда она дружно исполнена. Нерѣшительность, полумѣры ведутъ обыкновенно къ тому, что мѣра или не удается вовсе, или удается только въ половину. Масса, не будучи въ состояніи понимать всего, что есть благаго въ предлагаемой мысли, беретъ только то, что прямо на нее подѣйствовало. Неуспѣхъ всякой предлагаемой, но неудавшейся мѣры окончательно ее осуждаетъ, дѣлаетъ ее даже ненавистною. Система Лоу, организація труда Блана, національныя мастерскія временнаго французскаго правительства, даже фаланстерія Консидерана, суть вовсе не безумныя теоріи. Въ каждой изъ нихъ есть своя доля истины, истины, которая въ другомъ мѣстѣ, при другихъ условіяхъ, въ связи съ другими обстоятельствами, могла бы быть благодѣтельна, но въ то время и въ томъ видѣ, въ какомъ они были предложены обществу, а еще болѣе приложены къ дѣлу, онѣ сдѣлали имена предлагавшихъ ихъ или отчасти ихъ осуществившихъ чѣмъ-то ненавистнымъ.

То, что мы говорили о большихъ политическихъ обществахъ, можетъ быть совершенно одинаково примѣнимо и къ малымъ: ученымъ, литературнымъ, торговымъ и спеціальнымъ всякаго рода. Какъ тамъ, такъ и здѣсь предлагающее меньшинство должно знать съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло, и ежели мѣра отвергнута или хоть только произвела насмѣшку, ропотъ, неодобреніе—виновато не большинство, но тотъ, кто ее предложилъ.

Нельзя однако и порицать меньшинство за сдѣланное предложеніе. Надо только жалѣть о немъ, что оно сунулось въ

воду, не спросившись броду. Сколько было такихъ мѣръ, которыя будучи отвергнуты нынче вообще, завтра въ частности превозносились тѣми, которые вчера ихъ отвергли. Сколько наоборотъ такихъ мѣръ, которыя охуждаемыя въ частности, приняты были вообще. Это зависитъ отъ мѣста, времени, обстоятельствъ обстановки, тысячи разнообразныхъ условій, которыя сопровождали предложеніе и которыя предлагающій изучилъ. Сердиться на массу, то-есть на большинство, нельзя. Масса, точно также какъ и всякое индивидуальное лицо, находится подъ вліяніемъ извѣстной минуты и ужь конечно никому не придетъ въ голову осуждать кого бы то ни было за то, что онъ плакалъ при представленіи какой-нибудь драмы, или увлекся ораторской рѣчью. Отъ того, кто принялъ на себя роль вожатаго, зависѣло изучить всѣ условія того момента, при которомъ онъ сдѣлалъ свое предложеніе; а ежели онъ не изучилъ его, пусть пеняетъ самъ на себя—общество въ томъ не виновато.

На основаніи этого меньшинство, дѣлающее предложеніе, не имѣетъ права возмущаться противу того, что предложеніе не было принято. Ежели оно дѣлало его во имя блага всѣхъ, т.-е. большинства, и большинство не приняло его, то это значитъ, что оно не желаетъ этого предложенія; а ежели не желаетъ, то кто же имѣетъ право навязывать кому бы то ни было насильно то, чего онъ не желаетъ. Какъ сказано выше—можно жалѣть о томъ, что мѣра не принята; но претендовать, но жаловаться—было бы безумствомъ.

Еще большее безумство во имя того, что большинство не знаетъ само своей пользы, навязывать ему мѣру насильно или явно возставать противу мѣры имъ принятой. Это доказываетъ, что возстающій страшный новичокъ въ практической жизни. Кажется ужь и доказывать нечего, такъ это всѣмъ извѣстно, что мѣра, навязанная силою, привиться никогда не можетъ. Даже будучи принятой, ей еще много предстоитъ пути, для того чтобы она вполнѣ осуществилась. Ей надо бороться съ привычками, преданіемъ, лѣнью, даже съ частными, часто немаловажными интересами, которые въ принятіи новой мѣры видятъ свою гибель. Новаторъ долженъ обдумать все это, прежде нежели предложить свою мѣру и прежде всего долженъ проникнуться мыслію, что то, что кажется ему хорошимъ въ теоріи, дѣйствительно хорошо

и на практикѣ. Очень часто бываетъ, что теорія, которая на бумагѣ не встрѣчаетъ конечно сопротивленія, на практикѣ оказывается не только приложимою, но даже просто невозможною, что для нея въ приложеніи являются и ухабы и другія всякаго другаго рода препятствія, иногда даже непреодолимыя.

Принятое большинствомъ, значитъ по плечу ему. Воспитать массу вдругъ, въ одно мгновеніе — нельзя; для этого надобно годы, иногда десятки лѣтъ. Дѣлая предложеніе, надо соображаться съ развитіемъ и образованіемъ общества въ данную минуту, минуту, въ которую человѣкъ призванъ дѣйствовать и на этой-то минутѣ основывать свой успѣхъ. Кто представитъ себѣ общество больше развитымъ, нежели какъ оно есть дѣйствительно, тотъ не успѣетъ никогда заставить принять свое предложеніе. Скорѣе успѣетъ тотъ, кто предполагаетъ общество до такой степени плохенькимъ, что его надо учить съ азбуки. Но ученье это должно быть предложено въ такой формѣ, въ которой самолюбіе не было бы оскорблено; а главное, чтобы ученье это было бы предложеніе не въ скучной, ферульной формѣ, но въ пріятномъ и оживленномъ разсказѣ. Большинство не любитъ умъ, ежели онъ скученъ; оно скорѣе полюбитъ глупость, только бы она была весела. Общество вообще есть капризная женщина, избалованное дитя. Его надобно сперва тѣшить игрушками, для того чтобы оно впослѣдствіи выслушало дѣло. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы обществу надо было льстить: сохрани меня Богъ посовѣтовать это. Это была бы непростительная подлость.

Но знать, что по плечу другому и соображаться съ степенью его пониманія, не значитъ льстить. Вѣдь не будете же вы съ вашимъ дворникомъ говорить тѣмъ же языкомъ, какимъ вы говорите въ гостиной или въ засѣданіи какого-нибудь ученаго общества. Тутъ измѣненіе языка есть необходимая уступка тѣмъ общественнымъ условіямъ, при которыхъ существуетъ само общество, уступка тѣмъ отношеніямъ, которыя между реформаторомъ и обществомъ существуютъ.

Еще есть другая доктрина, послѣдователи которой говорятъ, что отсутствующіе имѣютъ право не принять того, что принято бывшими на лицо. Эта доктрина есть махіавелевская лазейка, которую употребляютъ господа, считающіе всѣ

средства хорошими для достиженія своихъ цѣлей. Конечно ежели общество, ученое ли оно, спеціальное ли или какое бы то ни было, не приглашало публично, черезъ газеты, своихъ членовъ къ засѣданію, или не приглашало особыми повѣстками, а между тѣмъ засѣданіе состоялось, тогда разумѣется всякій членъ имѣетъ полное право сказать, что не зналъ о томъ, что засѣданіе будетъ и слѣдственно считать себя какъ бы чуждымъ рѣшенія большинства, имѣетъ полное право жаловаться, что отсутствіемъ его воспользовались для того, чтобы постановить рѣшеніе, съ которымъ онъ несогласенъ. Тутъ онъ имѣетъ право протеста и то не противъ принятаго рѣшенія, но противъ нарушеннаго его права, выраженнаго неприглашеніемъ его въ засѣданіе. Ежели рѣшеніе соединено съ матеріальной потерею, онъ можетъ даже возбудить противъ управленія общества уголовный процессъ съ предъявленіемъ гражданскаго иска, доказывая, что неприглашеніе есть искусственный и нечестный способъ собрать искусственное большинство, противное интересамъ меньшинства. Но ежели, наоборотъ, приглашеніе въ засѣданіе было сдѣлано путемъ ли гласности, черезъ журналы, или спеціальной повѣсткой и членъ не поѣхалъ на это приглашеніе самъ по собственной волѣ, онъ теряетъ право протеста и жалобы на томъ основаніи, что будучи въ засѣданіи онъ могъ бы составить перевѣсъ и быть въ большинствѣ, такъ какъ бывали тысячи случаевъ, что самыя важныя мѣры принимались большинствомъ только одного голоса.

И. С.л.в.н.въ.

303 ст. Уложенія о Наказаніяхъ.

Недавно въ здѣшнемъ окружномъ судѣ разсматривалось, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, весьма любопытное въ юридическомъ отношеніи дѣло о бывшемъ городовомъ вице-унтеръ-офицерѣ, обвинявшемся въ кражѣ и въ истребленіи произведеннаго о ней дознанія при помощи въ совершеніи втораго преступленія и содѣйствіи писаря полицейской части, которому дознаніе это было вручено для отсылки по принадлежности. Дѣло заключалось именно въ томъ, что вице-унтеръ-офицеръ похитилъ изъ трактира надломленную полоскательную чашку, стоющую около 5 коп., и когда произведенное объ этомъ дознаніе было передано для отправленія писарю, то, сторговавшись съ послѣднимъ за 2 руб., дознаніе это съ нимъ вмѣстѣ уничтожилъ. При слѣдствіи и на судѣ похититель чашки объяснялъ, что чашку эту взялъ изъ трактира для шутки, въ ней никакой надобности не имѣлъ, и что чашка эта почти не имѣетъ никакой цѣнности, а если и согласился на предложеніе писаря уничтожить произведенное объ этомъ дознаніе, то сдѣлалъ это единственно съ цѣлью избавиться отъ взысканія за дѣяніе, по его мнѣнію, совершенно непреступное. Защитникъ, развивая эти доводы, оспаривалъ обвиненіе, формулированное по 169 ст. уст. о наказ., нал. мир. суд., и 303 ст. улож. о наказ., и въ своей рѣчи главнымъ образомъ указывалъ на то, *что обвиняемый, несмотря на уничтоженіе дознанія, все таки преданъ суду за преступленіе, этимъ дознаніемъ изслѣдованное и что съ другой стороны, при отсутствіи въ дѣяніи признаковъ кражи, оно не представляется преступнымъ, а поэтому и дознаніе, произведенное о такомъ непреступномъ дѣяніи, не можетъ быть отнесено къ тѣмъ документамъ или бумагамъ, долженствовавшимъ служить къ изслѣдованію престу-*

пленій, похищеніе или истребленіе которыхъ преслѣдуется 303 ст. улож., примѣненной къ его клиенту. Въ заключительномъ словѣ предсѣдательствующаго было между прочимъ высказано, что *законъ безразлично преслѣдуетъ похищеніе или истребленіе хранящихся въ присутственномъ мѣстѣ бумагъ какого бы то ни было значенія.*

Такимъ образомъ защитою и предсѣдательствующимъ выражены по разсматриваемому дѣлу два діаметрально противоположныхъ мнѣнія о смыслѣ 303 ст. Уложенія, возбуждающія весьма существенный вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи обвиняемыхъ по этой статьѣ и о вмѣняемости предусматриваемаго ею преступленія, а съ этимъ существеннымъ вопросомъ неразрывно связано еще нѣсколько другихъ, побочныхъ, на также непосредственно вліяющихъ на то или другое рѣшеніе дѣла.

Такъ какъ эти противоположныя мнѣнія высказаны по поводу практическаго примѣненія 303 ст. улож., то возбуждаемый ими вопросъ представляетъ живой интересъ, какъ для отвлеченной идеи правосудія, такъ и для участи каждаго, преслѣдуемаго по обвиненію въ преступленіи, караемомъ этою статьею суровымъ наказаніемъ. Кромѣ того такіе противоположные взгляды на толкованіе и примѣненіе этой статьи уже не въ первый разъ заявляются на практикѣ, а потому мы полагаемъ, что остановиться на разсмотрѣніи этихъ вопросовъ будетъ дѣломъ далеко не лишнимъ.

Вопросы эти мы формулируемъ такъ:

1. Преслѣдуетъ ли 303 ст. улож. о наказ. похищеніе или истребленіе документовъ и бумагъ, хранимыхъ въ присутственномъ мѣстѣ, или другомъ правительственномъ установленіи или управленіи (какъ это разъяснено касс. рѣш. прав. сен. по дѣлу Вериги 69 г. № 982) *безразлично, не взирая на то или другое ихъ значеніе;* или же *только тѣхъ изъ нихъ, „которые служили, или долженствовали служить къ изслѣдованію преступленій, или къ изобличенію преступниковъ, или же для доказательства какихъ-либо правъ.“*

2. Если статья эта преслѣдуетъ лишь похищеніе или истребленіе документовъ и бумагъ послѣдняго рода, то *присяжнымъ засѣдателямъ, или самому суду будетъ подлежать разрѣшеніе вопроса о томъ: служили ли похищенные документы и бумаги къ изслѣдованію и изобличенію преступленій, или нѣтъ,*

представляли ли они, или не представляли доказательство какихъ-либо правъ.

3. Въ данномъ случаѣ, когда вопросы о кражѣ чашки и объ истребленіи произведеннаго о томъ дознанія поставлены судомъ отдѣльно, *должны ли были присяжные, отвѣтивъ на вопросъ о кражѣ отрицательно, отвѣчать и на второй вопросъ, или этотъ вопросъ слѣдовало имъ оставить безъ отвѣта.*

4. Какъ долженъ бы былъ поступить судъ, если-бы присяжные, отвѣчая отрицательно на вопросъ о *кражѣ*, дали утвердительный отвѣтъ по вопросу объ *истребленіи произведеннаго о ней дознанія.*

5. Какое вліяніе относительно вмѣняемости послѣдняго преступленія можетъ имѣть возможность такъ или иначе возстановить истребленныя доказательства, собранныя по первому преступленію.

Изложенные вопросы столько же существенны въ каждомъ данномъ случаѣ, сколько казуистически трудны въ своемъ разрѣшеніи. Трудность эта обусловлена съ одной стороны редакціею 303 ст. въ Уложеніи, а съ другой тѣми толкованіями, которыя преподаны сенатомъ въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ по порядку постановки судомъ вопросовъ о понятіи даннаго преступленія и о его существенныхъ признакахъ.

„Кто похититъ или съ умысломъ истребитъ, говоритъ 303 статья, или повредитъ хранимые въ присутственномъ мѣстѣ документы, или иныя какого-либо рода бумаги или же такія вещи или предметы, которые служили или долженствовали служить къ изслѣдованію преступленій или къ изобличенію преступниковъ, или же для доказательства какихъ-либо правъ, тотъ смотря по важности сдѣланнаго имъ похищенія, истребленія или поврежденія и по другимъ обстоятельствамъ дѣла, приговаривается“ и т. д. Размѣщеніе запятыхъ въ текстѣ приведенной статьи *) указываетъ раздѣленіе объекта преступленія на слѣдующія двѣ категоріи: 1) документы и 2) иныя какого-либо рода бумаги, вещи и предметы служащіе къ изслѣдованію преступленій, изобличенію преступниковъ и доказательству какихъ-либо правъ. Намъ кажется, что недаромъ въ текстѣ этой статьи не пе-

*) Въ частныхъ изданіяхъ Уложенія знаки препинанія разставлены иначе.

редъ каждымъ „или“ стоитъ запятая; само по себѣ взятое такое основаніе, конечно, довольно шатко, но оно становится достаточно прочнымъ въ виду слѣдующихъ соображеній, вытекающихъ изъ смысла какъ 303 ст., такъ и другихъ, преслѣдующихъ однородныя съ нею преступленія.

Въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ, или иномъ установленіи кромѣ документовъ (въ томъ числѣ и книгъ, какъ это разъяснено касс. рѣш. прав. сен. № 982—69 г., коимъ разсыльная книга отнесена къ документамъ упомянутой 303 ст. Улож.), бумагъ, вещей, или предметовъ съ означеннымъ въ этой статьѣ уголовнымъ и гражданскимъ интересомъ, хранятся дѣла вполнѣ оконченныя и текущая переписка, или наряды, неимѣющіе того или другаго изъ указанныхъ интересовъ. Очевидно, что похищеніе, или истребленіе дѣлъ, бумагъ и т. п. такого рода не будетъ имѣть вовсе уголовнаго характера, или же составитъ преступленіе или проступокъ совершенно иного рода и инымъ порядкомъ преслѣдуемаго. Мы, напр., помнимъ дѣло изъ своей судебной практики, въ которомъ обвинялся занимавшійся по частному найму въ одномъ присутственномъ мѣстѣ въ кражѣ изъ архива нѣсколькихъ давно порѣшенныхъ окончательно дѣлъ. Слѣдствіемъ было обнаружено, что обвиняемый, похищая разновременно и понемногу хранимыя въ шкафахъ архива дѣла *продавалъ ихъ лавочнику* для обертки товара, оклейки и т. п. употребленія. Понятно, что къ такому дѣянію обвиняемаго, соотвѣтствующему простой кражѣ, или растратѣ (смотря по роду обязанностей и цѣли найма обвиняемаго), не мыслимо примѣненіе 303 ст. улож., и лавочникъ не можетъ подлежать за покупку дѣлъ преслѣдованію, какъ укрыватель предусмотрѣннаго ею преступленія, хотя бы и зналъ, что принимаетъ дѣла, похищенныя изъ присутственной камеры.

Въ приведенномъ примѣрѣ похищеніе *имѣло корыстную* ъ, но могутъ встрѣтиться случаи, не отмѣченные такимъ характеромъ. Случаи такіе, по нашему мнѣнію, ненаказуемы, во 1-хъ потому, что не соотвѣтствуютъ признакамъ подходящихъ къ тому преступленій, а во 2-хъ и оттого, что противъ нихъ имѣется достаточная гарантія въ 9 п. 416 ст. уложенія объ утратѣ дѣлъ чиновниками, при которой виновный не подлежитъ преслѣдованію, подобно тому

какъ не подлежитъ онъ преслѣдованію за побѣгъ, напр., изъ-подъ стражи безъ взлома, насилія и сообщества, а преслѣдуются только лица, по нерадѣнію которыхъ бѣжалъ виновный.

Такимъ образомъ кража изъ присутственнаго мѣста, предусмотрѣнная въ 303 ст. уложенія о наказ., представляется ограниченною кругомъ извѣстныхъ, перечисленныхъ въ ней объектовъ преступленія.

При такомъ исключительномъ свойствѣ разсматриваемаго нами преступленія, въ каждомъ данномъ случаѣ представляется неизбѣжнымъ рѣшеніе чрезвычайно трудно-уловимаго въ частностяхъ и чрезвычайно чувствительнаго для обвиняемнго вопроса о томъ, къ какой категоріи объектовъ кражи, или истребленія, преслѣдуемыхъ, или не преслѣдуемыхъ, слѣдуетъ отнести въ каждомъ данномъ случаѣ тотъ документъ, бумагу, вещь, или предметъ, который окажется похищенныиъ, истребленнымъ или поврежденнымъ. Прокурорскій надзоръ, разсматривая предварительное слѣдствіе, конечно не можетъ обойти рѣшеніе этого вопроса, непосредственно вліяющаго на то или другое дальнѣйшее направленіе дѣла, но весьма часто могутъ встрѣтиться на судебномъ слѣдствіи такія обстоятельства, которыя поколеблятъ, или заставятъ усомниться въ выводахъ обвинительнаго акта, и слѣдовательно этотъ вопросъ весьма часто придется рѣшать и въ судебномъ засѣданіи или присяжнымъ засѣдателямъ, если рѣшеніе такого вопроса относить къ области факта, или суду въ противномъ случаѣ. Судъ въ этомъ дѣлѣ явится, думаемъ, болѣе компетентнымъ, нежели присяжные засѣдатели, и вотъ почему:

Для того чтобы опредѣлить свойство любого изъ объектовъ преступленія, предусмотрѣнныхъ 303 ст. улож., необходима не только судейская опытность, но и вообще близкое знакомство съ служебными порядками, однимъ словомъ, требуется извѣстнаго рода *спеціальность*. За разсыльною книгой, напр., сенатъ въ упомянутомъ выше рѣшеніи призналъ документальное значеніе, но извѣстно, что существуетъ въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ очень много книгъ и реестровъ, признаніе за которыми такого значенія будетъ нерѣдко весьма сомнительнымъ и спорнымъ; затѣмъ разрѣшеніе вопроса, служило ли, напр., извѣстное дознаніе, про-

токолъ, или бумага къ изобличенію и изслѣдованію, или нѣтъ, имѣли ли они доказательное значеніе въ гражданскомъ правѣ,—требуетъ не только такой опытности и такого спеціальнаго знакомства, но и обширнаго юридическаго образованія. Такихъ качествъ, конечно, возможно искать лишь въ составѣ суда, но не въ присяжныхъ засѣдателяхъ.

Правительствующій сенатъ въ кассаціонномъ рѣшеніи по дѣлу Поликайнъ № 55—68 г. призналъ, что „вопросъ клонящійся къ разъясненію сомнѣнія о правѣ собственности на украденную вещь, относится *къ юридической сторонѣ дѣла*, и потому вопросъ этотъ, *какъ и всѣ вообще вопросы, касающіеся гражданскаго права, ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать обсужденію и разрѣшенію присяжныхъ засѣдателей.*“ Слѣдовательно, при разсмотрѣніи дѣлъ по преступленіямъ, преслѣдуемымъ 303 ст., разрѣшеніе вопроса, служила ли бумага, или какой-либо предметъ „для *доказательства какихъ-либо правъ*“ непремѣнно должно принадлежать суду, а не присяжнымъ. Такимъ образомъ задача—опредѣлить составъ преступленія раздѣлится между присяжными и судомъ; но иного вывода и нельзя сдѣлать, если преступленіе, кромѣ фактическихъ признаковъ, опредѣляется и признаками юридическими.

При такомъ смѣшанномъ характерѣ состава преступленія, предусматриваемаго 303 ст. улож., кассаціонныя рѣшенія, разъясняющія 751, 755 и 760 ст. уст. угол. суд., не могутъ служить при разсмотрѣніи такого преступленія руководствомъ, хотя ими и требуется обозначеніе въ вопросѣ, постановленномъ судомъ для разрѣшенія присяжнымъ засѣдателямъ, „*всѣхъ существенныхъ признаковъ того преступнаго дѣянія, которое составляетъ предметъ обвиненія, всѣхъ тѣхъ дѣйствій, изъ совокупности которыхъ слагается законное понятіе о преступленіи.*“

Итакъ, вопросъ, предложенный судомъ присяжнымъ по признакамъ преступленія, означеннаго въ 303 ст. улож., не долженъ заключать въ себѣ выраженій этой статьи „которые служили, или долженствовали служить къ изслѣдованію преступленій или къ изобличенію преступниковъ, или же для доказательства какихъ-либо правъ,“ потому что выраженія эти „*юридическія*,“ а не „*общепонятныя*“ (касс. рѣш. № 871—69 г. и № 859—68 г.) и кромѣ того представляютъ собою

„*юридическую оцѣнку признаковъ преступленія*," лежащую на обязанности суда, а предоставленіе такой оцѣнки присяжнымъ засѣдателямъ „*расширило бы ихъ права*" (касс. рѣш. № 305—69 г. по дѣлу Никитина). Но, съ другой стороны, въ этомъ вопросѣ непремѣнно должны быть упомянуты всѣ *фактическіе* признаки преступленія, т.-е. подробное, по возможности, обозначеніе содержанія документа, или бумаги, или цѣли, съ которою хранились вещи, или предметы, юридическая оцѣнка значенія которыхъ опредѣлится уже самимъ судомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію третьяго изъ возбуждаемыхъ 303 ст. вопросовъ, а именно, должны ли присяжные, разрѣшая дѣло о кражѣ чашки и истребленіи произведеннаго о томъ дознанія и отвергая первое обстоятельство, отвѣтить по второму, необходимо выяснить слѣдующее, неизбѣжное въ этомъ случаѣ недоразумѣніе: солидарны ли, или нѣтъ, въ составѣ преступленія, какъ оно опредѣлено по существующей редакціи 303 ст., два понятія: 1) о самомъ преступленіи eo ipso и 2) объ актахъ, служащихъ къ его изслѣдованію и изобличенію, и какое отношеніе къ вмѣняемости этихъ двухъ понятій преступленія должны имѣть: 1) моментъ его совершенія и 2) моментъ его разсмотрѣнія на судѣ.

Оговорка „*или долженствовали служить*" въ редакціи 303 ст. разрушаетъ, по нашему мнѣнію, такую солидарность: „преступленіе" *могло* остаться недоказаннымъ, „преступники" *могли быть* не изобличены, но документы, акты, или бумаги „*долженствовали* служить" къ тому, чтобы первое было доказано, а вторые изобличены, и похищающій, или истребляющій ихъ *не знаетъ*, какъ отнесется къ нимъ судъ, приметъ ли ихъ, какъ доказательство, или оставитъ безъ уваженія, а слѣдовательно совершаетъ наказуемое преступленіе, *если только отъ такого похищенія, или истребленія преступленіе дѣйствительно осталось недоказаннымъ, преступники не были изобличены, или какія-либо права потеряли возможность осуществленія.* Въ противномъ же случаѣ, если совершенное похищеніе, или истребленіе не помѣшало такому дѣлу правосудія, напримѣръ, при сохраненіи копій, или дубликатовъ похищеннаго, и если виновный въ томъ объ этомъ обстоятельствѣ не зналъ, то, мы полагаемъ, онъ долженъ преслѣ-

доваться лишь за покушеніе на это преступленіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ „*не послѣдовало преднамѣреннаго виновнымъ, или инаго отъ его дѣйствій зла*“ (ст. 10 улож. о наказ.), хотя имъ и „сдѣлано все, что онъ считалъ нужнымъ для приведенія своего намѣренія въ исполненіе и это зло не совершилось только по особеннымъ *непредвидѣннымъ имъ* обстоятельствамъ, или вслѣдствіе безвредности употребленныхъ средствъ“ (ст. 115 улож.).

Такимъ образомъ и относительно вліянія на вмѣняемость двухъ моментовъ: а) совершенія преступленія и б) его разсмотрѣнія на судѣ, нельзя сказать ничего безусловнаго. Если преступленіе доказано на столько, что оказалась возможность предать обвиняемаго суду, безъ всякаго ущерба относительно уликъ, то похищеніе произведеннаго, напримѣръ, о немъ дознанія можетъ лишь составить предметъ вопроса о *покушеніи* при тѣхъ, конечно, условіяхъ, о которыхъ упомянуто выше. Если же, напротивъ того, виновный остался именно вслѣдствіе похищенія такого дознанія безъ преслѣдованія, т.-е. если дѣло о немъ именно потому прекращено обвинительною властью, то похищеніе, или истребленіе получаетъ характеръ *совершившагося* преступленія.

Изъ смысла 303 ст., а также изъ опредѣляемыхъ ею наказаній, *отъ ссылки до рабочаго дома „смотря по важности сдѣланнаго похищенія,“* необходимо допустить, что этимъ закономъ составитель Уложенія стремился обезпечить для правосудія возможность сохраненія открытыхъ слѣдовъ преступленія, или собранныхъ доказательствъ какого-либо права по дѣламъ, производящимся въ присутственныхъ мѣстахъ, и поэтому, вмѣненіе преступленія, какъ вполнѣ совершеннаго, не можетъ игнорировать вышеуказаннаго существеннаго, мотива, и составъ преступленія, для того чтобы оказаться полнымъ, не можетъ обойтись безъ характеристическаго въ данномъ случаѣ признака, состоящаго въ неисправимомъ уничтоженіи доказательствъ права, или преступленія.

Примѣняя эти общія соображенія къ изложенному выше дѣлу, гдѣ *въ одномъ и томъ же лицѣ совпадаютъ оба преступленія*: и кража, и истребленіе ея доказательствъ, мы полагаемъ, что въ виду послѣдовавшаго уже преданія обвиняемаго суду по первому преступленію, онъ могъ подлежать за второе только обвиненію, какъ покусившійся; сообразно

этому слѣдовало бы, полагаемъ, поставить вопросы и суду. При этомъ присяжные засѣдатели послѣ отрицательнаго отвѣта на первый вопросъ, могли бы отвѣтить утвердительно на второй, и *въ такихъ отвѣтахъ не было бы противорѣчія*: обвиняемый, истребляя дознаніе, очевидно дѣйствовалъ съ цѣлью уничтожить улики и не зналъ конечно, что можетъ ожидать его на судѣ. То соображеніе, которое высказано было защитою объ отсутствіи всякой преступности въ истребленіи дознанія о дѣяніи, закономъ не воспрещенномъ, имѣетъ значеніе лишь для юридической оцѣнки этого дѣянія и въ моментъ разсмотрѣнія его на судѣ, но никакъ не для того, или другаго отвѣта присяжныхъ, которые, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могли оставить второй вопросъ безъ разрѣшенія.

Если, какъ мы старались доказать, и въ данномъ случаѣ, когда одно и тоже лицо совершаетъ оба преступленія, и кражу и истребленіе дознанія о ней же, эти преступленія *не представляются солидарными*, а, напротивъ того, совершенно взаимно независимы, то, понятно, что и въ другихъ случаяхъ, *когда каждое изъ этихъ преступленій имѣетъ особаго субъекта*, такая солидарность еще менѣе мыслима. Необходимо лишь одно, чтобы истребленный, или похищенный актъ удостовѣрялъ *дѣйствительное, а не кажущееся преступленіе*, и въ этомъ только условіи проявляется единство, связывающее оба преступленія однимъ кореннымъ признакомъ.

Вышеизложенными доводами и соображеніями разрѣшаются четвертый и послѣдній изъ разсматриваемыхъ нами вопросовъ о томъ, какъ бы поступилъ судъ послѣ такого приговора присяжныхъ, въ которомъ отрицалась бы кража, но признавалось бы истребленіе дознанія, и какое значеніе въ данномъ случаѣ для опредѣленія свойства и степени вины подсудимаго имѣло преданіе его суду по обоимъ обвиненіямъ, несмотря на истребленіе имъ дознанія по первому.

Статья наша далеко не исчерпываетъ собою всѣхъ частныхъ вопросовъ, возникающихъ при примѣненіи разсматриваемаго ею закона, вопросовъ разнообразныхъ до безконечности, смотря по той, или другой комбинаціи, въ которой являются на дѣлѣ спорные и въ высшей степени разнохарактерные признаки предусматриваемаго имъ преступленія, Мы желали только, воспользовавшись практическимъ слу-

чаемъ, указать нѣсколько примѣровъ примѣненія этой исключительной, какъ по характеристикѣ преступленія въ редакціи, такъ и по обусловленному ею порядку судопроизводства, статьи Уложенія и разсмотрѣть нѣсколько возбуждаемыхъ ею вопросовъ и недоразумѣній, намѣтивъ, въ общихъ чертахъ, и тотъ путь, въ которомъ должно преслѣдоваться это преступленіе съ предварительнаго слѣдствія и до постановки вопросовъ.

Изъ сказаннаго нами очевидно, съ какою осторожностью слѣдуетъ возбуждать дѣла такого рода, сколько сложныхъ и разнообразно сочетающихся условій требуется для опредѣленія состава преступленія и для его вмѣняемости обвиняемому, какъ разносторонне и осмотрительно должно отнестись къ дѣлу предварительное слѣдствіе и съ какою тщательностью должно быть оно провѣрено на судѣ, и, наконецъ, сколько трудностей предстоитъ неизбѣжно одолѣть при постановкѣ вопросовъ и ихъ разрѣшеніи на половину присяжными и на половину судомъ.

Такая осторожность, тщательность и мелочная подробность необходимы въ особенности при томъ широкомъ объемѣ, который приданъ 303 статьею уложенія понятію о предусматриваемомъ ею преступленіи, и при томъ просторѣ въ выборѣ наказаній, который предоставленъ ею суду.

Все высказанное нами по занимающему насъ вопросу, конечно, не имѣетъ никакой претензіи на непреложность положеній, на полное устраненіе всякихъ въ данномъ случаѣ сомнѣній и на отсутствіе слабыхъ мѣстъ. Статья наша не болѣе какъ юридическій этюдъ на заданную практикою тему, и если мы позволили себѣ высказать нѣсколько отвлеченныхъ положеній, если мы прибѣгали къ умозрительнымъ выводамъ, то потому только, что вопросъ возникаетъ на практикѣ, что отъ того, или другаго взгляда на дѣло *(и помимо его фактической основы)* подсудимому или угрожаетъ ссылка въ отдаленнѣйшія мѣста сибири съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или улыбается полное освобожденіе отъ суда. Вопросъ, слѣдовательно, *вызванъ жизнію*, а въ виду такого повода толкованія и разъясненія врядъ ли могутъ быть названы дѣломъ праздным.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что, устанавливая порядокъ приложенія къ дѣлу закона, редактированнаго подоб-

но 303 ст. улож., трудно избѣгнуть слабыхъ мѣстъ, бѣдныхъ юридическою логикою. Въ этой статьѣ въ нѣсколькихъ словахъ и притомъ сгруппированныхъ такъ, что далеко не исключаютъ возможности спора даже въ грамматическомъ отношеніи, очерчено весьма широкое по своему объему понятіе преступленія, или вѣрнѣе, нѣсколько преступленій, весьма разнообразно обусловленныхъ для вмѣняемости, и затѣмъ во второй ея половинѣ это установленное первою половиною понятіе вдругъ исчезаетъ совершенно, замѣняясь „*пособничествомъ*“ и ради только опредѣленія размѣра наказанія т.-е. по совершенно внѣшней причинѣ.

По всему этому немыслимы въ дѣлѣ примѣненія этой статьи какія либо непреложныя аксіомы, логически непогрѣшимые выводы, и неизбѣжны будутъ до пересмотра этого закона тѣ, или другія практическія ошибки, ограничить по возможности число которыхъ и было задачею настоящей статьи.

П. Н. Обнинскій.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Костромскаго Окружнаго Суда.

I.

Устройство перегородки, отдѣляющей комнату питейнаго дома отъ квартиры сидѣльца или хозяина завѣденія, не составляетъ нарушенія правилъ устава о питейномъ сборѣ, подлежащаго взысканію, по 701 ст. улож. о нак.

1871 года сентября 20 дня, по указу Его Императорскаго Величества Костромской Окружный Судъ, въ 2 уголовномъ отдѣленіи, въ г. Костромѣ, въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдательствующій товарищъ предсѣдателя А. А. Кобылинъ, Члены: И. Л. Соколовъ, Д. И. Герасименко, при и. д. секретаря С. А. Филиповѣ и при товарищѣ прокурора Н. А. Крупицкомъ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, слушалъ дѣло о крестьянинѣ деревни Доманина Андреѣ Матвѣевѣ Скородумовѣ, обвиняемомъ въ нарушеніи правилъ устава о питейномъ сборѣ. 6 мая сего года приставъ 1 стана костромскаго уѣзда, въ селѣ Залужьѣ, составилъ протоколъ о томъ, что въ содержимомъ въ томъ селѣ крестьяниномъ деревни Доманина Андреемъ Матвѣевымъ питейномъ домѣ устроена тесовая перегородка, гдѣ имѣетъ квартиру прикащикъ Матвѣева, безсрочно-отпускной рядовой Гурьянъ Ильинъ Куперштейнъ; протоколъ утвержденъ подписомъ прикащика Куперштейна и понятыхъ. При повѣркѣ осмотра судебнымъ слѣдователемъ оказалось, что питейное заведеніе Андрея Матвѣева Скородумова находится на деревенской площади, состоитъ изъ избы, имѣющей одну комнату со входомъ прямо съ улицы. При допросѣ Скородумовъ объяснилъ, что во время осмотра становымъ приставомъ питейнаго дома его, въ селѣ Залужьѣ, въ заведеніи была перегородка, недоходившая до потолка четверти на полторы; за перегородкой стояла только одна постель,

на которой спалъ ночью бывшій его прикащикъ Куперштейнъ. На основаніи изложеннаго, по обвинительному акту, составленному, согласно съ заключеніемъ управляющаго акцизными сборами, товарищемъ прокурора окружнаго суда Сорохтинымъ, крестьянинъ Андрей Матвѣевъ Скородумовъ преданъ суду Костромскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 701 ст. улож. о наказ. На судебномъ слѣдствіи, въ засѣданіи окружнаго суда подсудимый Скородумовъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что хотя въ содержимомъ имъ питейномъ домѣ дѣйствительно была перегородка, но дверь для входа за перегодку была постоянно заперта и тамъ помѣщалась только постель для ночлега сидѣльца. По разсмотрѣніи дѣла окружный судъ нашелъ: 1) что крестьянинъ Андрей Матвѣевъ Скородумовъ преданъ суду, по обвиненію въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 701 ст. уложен. о наказан. 2) что, на основаніи 701 ст. уложенія питейные дома или шинки закрываются, а содержатели ихъ подвергаются денежному взысканію, если эти дома или шинки не имѣютъ выхода на улицу или помѣщаются не въ нижнемъ этажѣ, или занимаютъ болѣе одной комнаты. 3) что ни протоколами осмотра заведенія становымъ приставомъ и судебнымъ слѣдователемъ, ни другими обстоятельствами дѣла не обнаружено, чтобы питейный домъ Скородумова помѣщался не въ нижнемъ этажѣ, или не имѣлъ бы выхода на улицу; что, засимъ, разрѣшенію окружнаго суда подлежитъ вопросъ: занималъ ли питейный домъ Скородумова болѣе одной комнаты? Въ протоколѣ, составленномъ приставомъ, означено, что въ питейномъ домѣ Скородумова была устроена тесовая перегородка; но затѣмъ, въ протоколѣ не содержится никакихъ удостовѣреній того, чтобы и за перегородкой помѣщалось питейное заведеніе, т. е. чтобы тамъ хранились или продавались питья; напротивъ того изъ протокола видно, что помѣщеніе за перегородкой было квартирою приказщика Куперштейна, а посему не можетъ быть признано, что питейный домъ Скородумова занималъ болѣе одной комнаты. По силѣ 2 пункта примѣч. къ 325 ст. уст. о пит. сборѣ перегородокъ и закрытыхъ отдѣленій не должно быть въ комнатѣ, занимаемой питейнымъ домомъ; устройство же перегородокъ, отдѣляющихъ квартиру сидѣльца или хозяина заведенія отъ комнаты питейнаго дома, не воспрещается. По точному смыслу 3 пункта того же примѣчанія, квартира хозяина питейнаго заведенія или сидѣльца можетъ находиться въ одной связи съ заведеніемъ подъ условіемъ, чтобы дверь въ оную была постоянно заперта, входъ въ ктартиру строго воспрещался бы посѣтителямъ заведенія и въ ней ни хранились, ни приготовлялись, ни распива-

лись бы напитки посторонними лицами. По симъ соображеніямъ и за отсутствіемъ обвиненія Скородумова въ нарушеніи условій, постановленныхъ въ 3 пун. примѣч. къ 325 ст. уст. о пит. сборѣ, для помѣщенія квартиры сидѣльца въ одной связи съ заведеніемъ, окружный судъ постановилъ: на основаніи 1 пункта 771 ст. уст. угол. судопр. признать крестьянина Андрея Матвѣева Скородумова по суду оправданнымъ.

Московской Судебной Палаты.

I.

Юридическое отношеніе отвѣтчика, служащее основаніемъ привлеченія его къ отвѣту, не можетъ быть измѣняемо, по произволу истца, во время производства дѣла. Истецъ, предъявляя искъ къ наслѣдникамъ отвѣтчика, обязанъ доказать въ какой мѣрѣ каждый изъ нихъ воспользовался наслѣдствомъ. (Ст. 332 уст. гражд. суд. и т. X ч. I ст. 1259).

1871 года сентября 10 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата, по 2 гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента Е. Е. Люминарскаго, въ составѣ членовъ: А. И. Вейденгамера, Ф. В. Вешнякова, Д. С. Охлябинина и М. Н. Лопатина, при участіи товарища прокурора Ф. Ф. Крахтъ, разсматривала апелляціонное дѣло о взысканіи вдовою гвардіи поручика Софьею Пановою съ опекунши надъ имѣніемъ гвардіи ротмистра Семена Мосолова, жены его Елизаветы Мосоловой, 900 руб.—Въ сентябрѣ 1869 года со стороны вдовы гвардіи поручика Софьи Пановой предъявленъ былъ искъ къ опекуншѣ надъ имѣніемъ гвардіи ротмистра Семена Мосолова, вдовѣ Елизаветѣ Мосоловой. Требованіе искового прошенія состояло въ томъ, чтобы взыскать съ имѣнія Мосолова должныя ей, Пановой, деньги 900 р. сер. При исковомъ прошеніи приложено письмо Елизаветы Мосоловой 10 іюля 1865 года къ истицѣ, въ которомъ она признаетъ долгъ мужа, сдѣланный имъ въ 1858 году и выражаетъ готовность принять всѣ зависящія отъ нея, какъ опекунши, мѣры къ немедленной уплатѣ тѣхъ денегъ изъ опеки. Повѣренный истицы представилъ удостовѣреніе шуйской дворянской опеки, выданное въ ноябрѣ 1869 г. о томъ, что опекуномъ при имѣніи умершаго Мосолова состоитъ штабсъ-капитанъ Домашневъ, что Елизавета Мосолова состоитъ только попечительницею надъ несовершеннолѣтнею наслѣдницею и дочерью Анастасіею и что

кромѣ Елизаветы и Анастасіи наслѣдницею къ имѣнію Мосолова состоитъ старшая дочь Елизаветы, коллежская секретарша Александра Снѣжкова. Елизавета Мосолова въ письменномъ объясненіи утверждая, что сознаніе ею долга ея мужа не обязываетъ ее уплачивать оный, объяснила, что деньги должны быть взысканы съ имѣнія умершаго ея мужа. Затѣмъ 22 ноября 1869 г. повѣренный Пановой обратился во владимірскій окружной судъ съ прошеніемъ, въ коемъ объяснилъ, что хотя на засѣданіи, бывшемъ 18 ноября онъ и просилъ судъ вызвать къ отвѣту по настоящему дѣлу опекуна надъ имѣніемъ Мосолова штабсъ-капитана Домашнева, но въ настоящее время онъ его устраняетъ отъ отвѣта по неимѣнію въ виду малолѣтнихъ наслѣдниковъ и оставляетъ отвѣтчицею Елизавету Мосолову, какъ за себя, такъ и по попечительству надъ несовершеннолѣтнею Анастасіею. Владимірскій окружный судъ заочнымъ рѣшеніемъ, состоявшимся 24 марта 1870 г., постановилъ въ искѣ Пановой отказать. На это рѣшеніе принесена повѣреннымъ Пановой, коллежскимъ ассесоромъ Малафеевымъ апелляціонная жалоба, въ коей онъ проситъ отмѣнить рѣшеніе окружнаго суда и должныя Пановой деньги съ имѣнія умершаго Мосолова. Товарищъ прокурора судебной палаты далъ по этому дѣлу слѣдующее заключеніе: такъ какъ Мосолова опекуншей никогда не была, а состояла лишь попечительницей, и истицей не доказано, чтобы она воспользовалась какою-либо частію изъ имущества Мосолова, то нельзя не признать, что искъ предъявленъ къ ней неправильно, а потому онъ, товарищъ прокурора, и полагалъ бы опредѣленіе окружнаго суда, какъ правильное, утвердить. Выслушавъ заключеніе товарища прокурора и сообразивъ обстоятельства сего дѣла съ законами, московская судебная палата находитъ во 1-хъ, что кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената (1869 г. № 164) въ разъясненіе 332 ст. уст. гражд. суд. выражено, между прочимъ, что всякій искъ, проистекаетъ изъ особливаго отношенія къ извѣстному лицу, которое не можетъ быть, по произволу истца, переносимо на другое лицо, непричастное къ тому отношенію, изъ коего возникло требованіе; во 2-хъ, что со стороны истицы, отношеніе Елизаветы Мосоловой къ предъявленному Пановою иску опредѣлялось съ существеннымъ измѣненіемъ, а именно въ исковомъ прошеніи Мосолова разсматривалась Пановою какъ опекунша надъ имѣніемъ умершаго Мосолова, а впослѣдствіи, когда изъ представленнаго со стороны истицы удостовѣренія обнаружилось, что опекуномъ надъ этимъ имѣніемъ состоитъ другое лицо, а не Елизавета Мосолова, то повѣренный Пановой просилъ считать послѣднюю отвѣтчицею какъ за себя, такъ и по печительству

надъ несовершеннолѣтнею дочерью ея Анастасіею Мосоловою, наконецъ въ апелляціонной жалобѣ повѣренный Пановой рѣшеніе окружнаго суда опровергаетъ между прочимъ тѣмъ, что онъ искалъ не съ наслѣдницъ Мосолова, въ правахъ наслѣдства неутвержденныхъ, а съ имѣнія его; въ 3-хъ, что отыскивая съ имѣнія Мосолова, истица не могла устранять отъ отвѣтственности по иску—опекуна, какъ единственное лицо, которое въ силу закона могло отвѣчать по подобному иску (уст. суд. граж. ст. 19). Отыскивая же съ наслѣдницъ Елизаветы и Анастасіи, на обязанности истицы лежало доказать въ какой мѣрѣ каждая изъ нихъ воспользовалась наслѣдствомъ (зак. гр. ст. 1259), тѣмъ болѣе что въ числѣ наслѣдниковъ къ имѣнію Мосолова состоитъ и совершеннолѣтняя Александра Снѣжкова, къ которой несмотря на это искъ вовсе предъявляемъ не былъ. На основаніи вышеизложеннаго московская судебная палата постановляетъ: утвердить рѣшеніе владимірскаго окружнаго суда. Судебныя издержки на основаніи 868 ст. уст. гр. суд. обратить на апелляторшу Панову. Копію сего рѣшенія съ производствомъ окружнаго суда возвратить во владимірскій окружной судъ.

II.

Одно сомнѣніе въ законности владѣнія не можетъ служить основаніемъ къ признанію владѣльца недобросовѣстнымъ. Добросовѣстный владѣлецъ, при отсужденіи имѣнія настоящему хозяину, обязанъ возвратить сему послѣднему доходы, полученные со дня предъявленія иска о возникшемъ противъ владѣнія его спорѣ (т. X ч. I зак. гражд. ст. 529 и 530).

1871 года сентября 17 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата, по 2-му гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента Е. Е. Люминарскаго, въ составѣ членовъ: А. И. Вейденгаммера, Ф. В. Вешнякова и М. Н. Лопатина, при участіи товарища прокурора Ф. Ф. Крахтъ, разсматривала апелляціонное дѣло о выдѣлѣ казнѣ причитающихся вдовѣ генералъ-майора Ладыгиной указныхъ частей изъ имѣнія мужа ея, имѣнія, находящагося во владѣніи вдовы генералъ-майора Фонъ-Райзеръ. Присяжный попечитель по дѣламъ несостоятельной должницы вдовы генералъ-майора Елизаветы Михайловой Ладыгиной, уполномоченный по сему дѣлу министромъ финансовъ управляющій тверскою казенною палатою дѣйствительный статскій совѣтникъ Жизневскій, 30 іюня 1870 года подалъ въ тверской окружный судъ прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что опредѣленіемъ тверскаго окружна-

го суда 23 іюня состоявшимся, вдова генералъ-майора Елизавета Ладыгина признана несостоятельною должницею и ему предоставлено право разыскать принадлежащее Ладыгиной имѣніе для обращенія на него взысканія безспорнаго казеннаго долга необезпеченнаго залогомъ въ 214.992 руб. 4¾ коп. съ % съ 1 іюля 1869 года по содержанію въ 184⅜ годахъ питейныхъ откуповъ въ Воронежской губерніи. Ладыгиной принадлежитъ право на указныя части изъ имѣнія умершаго мужа ея генералъ-майора Николая Иванова Ладыгина, доставшагося ему частію по наслѣдству изъ рода Ладыгиныхъ, частію изъ рода г. Жуковской, урожденной княжны Мещерской, частію же благопріобрѣтеннаго. Имѣніе, оставшееся по смерти Ладыгина, заключается: а) въ дошедшемъ изъ рода Ладыгиныхъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ сельцѣ Алексѣйцовѣ съ разнаго рода постройками и деревняхъ: Норфинѣ, Рѣпинѣ, Федотковѣ, Фальковѣ и Гороховцѣ и Весьегонскаго уѣзда въ деревняхъ: Новомъ Суморовкѣ (Медвѣдковѣ тожъ) и б) въ благопріобрѣтенномъ, находящемся Вышневолоцкаго уѣзда сельцѣ Шебановѣ съ разною постройкою и движимостію и деревняхъ: Горкѣ, Жеребцовѣ, и Михалевѣ, въ 2-хъ усадебныхъ мѣстахъ земли съ выстроеннымъ на ней домомъ и флигелемъ въ г. Вышнемъ Волочкѣ, и Весьегонскаго уѣзда въ деревняхъ Борисовѣ, Куземкинѣ и Бреневѣ, а также въ движимомъ имуществѣ и капиталѣ, оставшемся въ селѣ Алексѣйцовѣ Вышневолоцкаго уѣзда. Къ этому имѣнію опредѣленіемъ гражданской палаты 21 декабря 1864 года утверждена наслѣдницею вдова генералъ-майора Екатерина Петрова Фонъ-Райзеръ, которая была введена имъ во владѣніе и отдала на выкупъ два селенія Федотково и Фальково и выкупную за оныя ссуду 19560 р. получила; по двумъ же селеніямъ Весьегонскаго уѣзда Медвѣдкову (Сумароково тожъ) и Малому Куземкину происходитъ переписка объ обращеніи ихъ на выкупъ. Изъ всего означеннаго имѣнія, согласно 1148 ст. X т. ч. I Ладыгиной слѣдуетъ ⅐ часть изъ недвижимаго и ¼ изъ движимаго. Цѣны же сему имѣнію въ настоящее время опредѣлить невозможно. Вслѣдствіе чего, на основаніи 218 ст. уст. гражд. суд. Жизневскій просилъ окружный судъ постановить опредѣленіе о выдѣлѣ ему причитающихся г. Ладыгиной седьмой части изъ недвижимаго и четвертой изъ движимаго имѣнія мужа ея Николая Ладыгина и впредь до выдѣла сихъ частей на означенное имѣніе, находящееся во владѣніи вдовы Фонъ-Райзеръ, наложить запрещеніе. При этомъ прошеніи Жизневскій представилъ слѣдующіе документы: а) копію резолюціи тверскаго окружнаго суда 23 іюня 1870 г. о признаніи вдовы генералъ-майора Ладыгиной несостоятельною должницею; б) копію резолюціи того же суда о назначе-

нiи г. Жизневскаго присяжнымъ попечителемъ по дѣламъ несостоятельной должницы Ладыгиной; в) прошеніе генералъ-майора Николая и Елизаветы Ладыгиныхъ о продажѣ первымъ послѣдней недвижимаго имѣнія, находящагося въ залогѣ по содержимому откупу Ладыгина по Воронежской губерніи, поданное въ воронежскую казенную палату 8 ноября 1843 г.; г) доношеніе содержателя питейныхъ сборовъ титулярнаго совѣтника Григорія Лаворки о согласіи на принятіе отъ г. Ладыгина принадлежащихъ ему частей откупа; д) постановленіе воронежской казенной палаты 23 декабря 1843 г. о передачѣ Дуниною, Борковскою, Ладыгиною и Зозулевскимъ принадлежащихъ имъ частей по содержимымъ откупамъ; е) копію опредѣленія тверской гражданской палаты 21 декабря 1864 г. объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ недвижимому имѣнію г. Ладыгина, дошедшему ему изъ рода Ладыгиныхъ, а равно и благопріобрѣтенному—вдовы генералъ-майора Фонъ-Райзеръ, съ тѣмъ чтобы помянутыя лица приняли на себя обязанность по принятіи имѣнія во владѣніе отвѣтствовать во всемъ касающемся каждаго изъ нихъ. Затѣмъ 11 августа 1870 г. г. Жизневскій подалъ въ окружный судъ объявленіе, при коемъ представилъ метрическое свидѣтельство, выданное причтомъ Спасо-Георгіевской церкви Вышневолоцкаго уѣзда села Млева о бракосочетаніи генералъ-майора Ладыгина съ Елизаветою Михайловною 7 января 1827 г. Засимъ г. Жизневскій 9 октября сего же 1870 года подалъ второе исковое прошеніе, коимъ ходатайствуетъ: 1) признать за нимъ право на полученіе четвертой части изъ доходовъ съ имѣнія Ладыгина, со дня его смерти, 2) о выдѣлѣ ему согласно 1148, 1155 и 1315 ст. X т. I ч. и 1408—1419 ст. уст. гражд. суд. причитающихся вдовѣ генералъ-майора Елизаветѣ Ладыгиной указныхъ частей изъ доставшагося генералъ-майоршѣ Фонъ-Райзеръ по наслѣдству движимаго и недвижимаго имѣнія генералъ-майора Ладыгина, и кромѣ того впредь до учиненія сего выдѣла согласно 609 ст. уст. гр. суд. наложить на помянутое имѣніе, въ суммѣ 17.152 р. 72 к., запрещеніе. При этомъ прошеніи представлены слѣдующіе документы: копія съ копіи вводнаго акта о вводѣ Вышневолоцкимъ уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ Петра и Леонида Ушаковыхъ, Клеопатру Соловьеву и Екатерину Фонъ-Райзеръ во владѣніе имѣніемъ умершаго генералъ-майора Ладыгина; копія съ копіи вводнаго акта, составленнаго временнымъ отдѣленіемъ Весьегонскаго уѣзднаго полицейскаго управленія 15 іюля 1866 г. о вводѣ Екатерины Фонъ-Райзеръ во владѣніе имѣніемъ покойнаго Ладыгина; прошеніе г. Фонъ-Райзеръ, поданное ею въ тверскую гражданскую палату о раздѣлѣ имѣнія

между ею и вдовою покойнаго Елизаветою Ладыгиною; копія донесенія Вышневолоцкаго полицейскаго управленія отъ 3 іюля сего года за № 10791-мъ, послѣдовавшаго въ тверскую казенную палату о вводѣ г. Фонъ-Райзеръ во владѣніе; выписка изъ уставныхъ грамотъ, составленныхъ покойнымъ Ладыгинымъ на селенія Вышневолоцкаго и Весьегонскаго уѣздовъ, перешедшихъ по наслѣдству къ г. Фонъ-Райзеръ, удостовѣренная въ вѣрности тверскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ 8 октября сего года; опись движимому и недвижимому имѣнію, оставшемуся послѣ смерти генералъ-майора Ладыгина, составленная по указу вышневолоцкой дворянской опеки 23 іюля 1864 г. приставомъ 1 стана Масловымъ, изъ коей видно, что г. Фонъ-Райзеръ поступило въ наслѣдство: движимаго имѣнія, оставшагося за надѣломъ крестьянъ, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ земли удобной и неудобной 2211 дес. 260½ саж., доходовъ съ сего имѣнія въ годъ оброковъ 3334 р. и движимаго, за исключеніемъ процентныхъ бумагъ на сумму 17,050 руб., 2296 руб. 92¾ коп.; копія отношенія весьегонской дворянской опеки г. управляющему тверскою казенною палатою отъ 25 ноября 1869 г. за № 362, изъ котораго видно, что принятое въ вѣдѣніе опеки имѣніе Ладыгина заключалось въ 2849 дес. 969 саж. земли недвижимаго имѣнія на 1426 р., движимаго и государственномъ билетѣ на сумму 17.050 р. и кромѣ того наличныхъ деньгахъ: 406 р. 25 к., присланныхъ изъ вышневолоцкой дворянской опеки и 275 р. 88½ к., представленныхъ опекуномъ. Ихъ этихъ денегъ 4656 руб. 1 коп. слѣдующія на часть г. Ладыгиной отосланы въ Весьегонское уѣздное казначейство на уплату ея долга по откупамъ, а остальныя деньги выданы г. Фонъ-Райзеръ какъ наслѣдницѣ. На публичномъ по сему дѣлу засѣданіи окружнаго суда г. Жизневскій заявилъ, что Фонъ-Райзеръ вмѣстѣ съ законною частію, которую должно возвратить Ладыгиной, должна возвратить и доходы съ этой части. Цѣнность имущества имъ опредѣлена на основаніи описи, составленной при принятіи имѣнія въ опеку, но при выдѣлѣ эта цѣнность должна увеличиться, такъ какъ нѣкоторыя селенія не вошли въ опись. Эта цѣнность имъ опредѣлена для наложенія запрещенія, при томъ просилъ судъ обратить вниманіе на то, что Фонъ-Райзеръ въ 1865 году просила гражданскую палату произвести раздѣлъ имѣнія между ею и Ладыгиною, слѣдовательно Фонъ-Райзеръ знала, что не все имѣніе принадлежитъ ей; почему и просилъ судъ признать владѣніе Фонъ-Райзеръ недобросовѣстнымъ и срокъ для выдѣла считать со времени подачи Фонъ-Райзеръ прошенія въ гражданскую палату, т.-е. съ 1865 г.—Противъ этого повѣренный со стороны отвѣт-

чицы Сухоручкинъ возразилъ, что онъ не оспариваетъ требованія на $^1/_7$ часть недвижимаго и $^1/_4$ движимаго имущества, которыя должны быть выдѣлены изъ имѣнія его довѣрительницы. Другія же требованія истца являются или преждевременными или недоказанными. Ладыгина только теперь является наслѣдницею умершаго своего мужа.—Прошеніе же Фонъ-Райзеръ, поданное въ гражданскую палату въ 1865 году о раздѣлѣ, не можетъ имѣть значенія, такъ какъ Ладыгина нигдѣ не просила и до сихъ поръ не утверждена въ правахъ наслѣдства. Затѣмъ требованія истца о признаніи владѣнія его довѣрительницы недобросовѣстнымъ не могутъ быть признаны, такъ какъ Фонъ-Райзеръ получила имѣніе въ силу закона и распорядилась имъ добросовѣстно. Что же касается до ходатайства истца наложить запрещеніе на имѣніе его довѣрительницы, то 609 ст. уст. гр. суд. не можетъ быть примѣнима, такъ какъ: 1) иска тутъ нѣтъ, а 2) его довѣрительница не споритъ противъ принадлежащей Ладыгиной законной части. Тверской окружный судъ нашелъ: 1) что право казны, какъ кредитора несостоятельной должницы Ладыгиной, на выдѣлъ ей одной седьмой части изъ недвижимаго и одной четвертой части изъ движимаго имѣнія, доставшагося Екатеринѣ Фонъ-Райзеръ послѣ смерти Николая Ладыгина, должно быть признано за казною, какъ основанное на 1155 и 1148 ст. X т. ч. I св. зак. гражд. и признанное довѣреннымъ Екатерины Фонъ-Райзеръ, во владѣніи которой находится имѣніе послѣ умершаго Ладыгина; 2) что Екатерина Фонъ-Райзеръ, какъ владѣвшая имѣніемъ, оставшимся послѣ Ладыгина, въ силу судебнаго опредѣленія и при томъ безспорно, должна быть признана добросовѣстною владѣлицею (ст. 1309 т. X ч. I.) и необязана возвращать доходовъ съ имѣнія полученныхъ; 3) что настоящій искъ за силою 1148 и 1185 ст. т. X ч. I и въ виду признанія его правильнымъ со стороны отвѣтчицы, слѣдуетъ признать вполнѣ достовѣрнымъ; а такъ какъ имѣніемъ оставшимся послѣ Ладыгина, Фонъ-Райзеръ владѣетъ на неограниченномъ правѣ собственности и можетъ во всякое время отчуждать оное, что лишитъ истца возможности получить удовлетвореніе, то требованіе присяжнаго попечителя Жизневскаго объ обезпеченіи его иска является правильнымъ и согласнымъ съ 591 ст. уст. гр. суд. Затѣмъ въ виду того, что со стороны отвѣтчицы не послѣдовало возраженій противъ цѣнности имѣнія, доставшагося Фонъ-Райзеръ послѣ Ладыгина, опредѣленной истцомъ въ 74.267 р. 62 коп. сер. недвижимому и въ 3.723 руб. $91^3/_4$ коп. сер. движимому, а также противъ документовъ, представленныхъ истцомъ въ подтвержденіе этой оцѣнки, слѣдуетъ

признать правильнымъ обезпечить настоящій искъ въ суммѣ 11.540 р. 60 к. сер. (ст. 1148 т. X ч. 1, 593 и 594 ст. уст. гражд. суд.); 4) что ходатайство истца о раздѣлѣ наслѣдства, какъ преждевременное и въ виду 258 ст. уст. гр. суд., должно быть признано неподлежащимъ удовлетворенію и 5) что настоящій искъ предъявленъ въ суммѣ 17.152 р. 72 к., изъ этой суммы настоящимъ рѣшеніемъ отвергнуто право на искъ доходовъ въ количествѣ 5.612 р. 12 коп. сер., т.-е. около $^1/_3$ части суммы всего иска, а потому согласно 870 ст. уст. гр. суд. судебныя издержки должны быть обращены на истца въ $^1/_3$ части и на отвѣтчицу въ остальныхъ $^2/_3$ частяхъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ и руководствуясь 609 ст. уст. гр. суд., тверской окружный судъ рѣшеніемъ, состоявшимся 13 октября 1870 г., опредѣлилъ: 1) признавъ за присяжнымъ попечителемъ по дѣламъ несостоятельнаго должника вдовы генералъ-майора Елизаветы Ладыгиной право на выдѣлъ седьмой части изъ недвижимаго и четвертой части изъ движимаго имѣнія, оставшагося послѣ смерти генералъ-майора Николая Ладыгина, въ ходатайствѣ его, попечителя, о признаніи за нимъ права на четвертую часть доходовъ съ имѣнія Ладыгина со дня его смерти отказать; 2) въ обезпеченіе иска наложить запрещеніе въ суммѣ 11.540 р. 60 к. на недвижимыя имѣнія, перешедшія къ вдовѣ генералъ-майора Екатеринѣ Фонъ-Райзеръ по наслѣдству послѣ Николая Ладыгина; 3) ходатайство присяжнаго попечителя о судебномъ раздѣлѣ оставить безъ разсмотрѣнія; 4) судебныя издержки возложить въ $^2/_3$ на отвѣтчицу и въ $^1/_3$ части на истца. Въ апелляціи на это рѣшеніе присяжный попечитель по дѣламъ несостоятельнаго должника, вдовы генералъ-майора Елизаветы Ладыгиной, дѣйствительный статскій совѣтникъ Жизневскій ограничивается возраженіями противъ той части рѣшенія окружнаго суда, въ которой отказано присяжному попечителю въ признаніи за нимъ права на четвертую часть доходовъ съ имѣнія Ладыгина со дня его смерти. Жалуясь на рѣшеніе окружнаго суда по сему предмету, апелляторъ проситъ о взысканіи съ генеральши Фонъ-Райзеръ причитающихся на указныя части вдовы Ладыгиной доходовъ, собранныхъ со дня смерти Ладыгина и о возложеніи на нее же Фонъ-Райзеръ всѣхъ судебныхъ издержекъ по настоящему дѣлу. При апелляціи представлено предписаніе министра финансовъ за № 1172 управляющему тверскою казенною палатою о принесеніи по этому дѣлу апелляціонной жалобы. Въ объясненіи противъ апелляціи отъ повѣреннаго отвѣтчицы содержится требованіе объ утвержденіи частей рѣшенія окружнаго суда, обжалованныхъ со стороны апеллятора. Въ концѣ объясненія выраже-

но ходатайство объ обращеніи судебныхъ издержекъ на казну и объ отмѣнѣ распоряженія окружнаго суда о наложеніи запрещенія на имѣніе Фонъ-Райзеръ. Товарищъ прокурора московской судебной палаты далъ по этому дѣлу слѣдующее заключеніе: разрѣшеніе существа настоящаго дѣла зависитъ отъ опредѣленія свойства владѣнія Фонъ-Райзеръ.—Согласно 529 ст. I ч. X т. существеннымъ условіемъ для опредѣленія добросовѣстности владѣнія считается сознаніе владѣльца, что владѣемое имъ имѣніе не принадлежитъ другому лицу, при чемъ въ 530 ст. того же т. и ч. указывается, что одно сомнѣніе въ законности владѣнія еще не даетъ права къ признанію самого владѣнія недобросовѣстнымъ. Однако же со дня объявленія отъ судебнаго мѣста о предъявленіи спора владѣніе хотя и не прекращается, но владѣлецъ съ этого времени обязанъ сохраненіемъ получаемыхъ доходовъ. Примѣняя этотъ законъ къ настоящему дѣлу, нельзя не признать, что Фонъ-Райзеръ не было извѣстно о правѣ владѣнія на это имѣніе другаго лица, тѣмъ болѣе что Ладыгина ничѣмъ не заявила о желаніи своемъ осуществить свое право на это имѣніе, а потому онъ, товарищъ прокурора, полагалъ бы рѣшеніе окружнаго суда утвердить и владѣніе Фонъ-Райзеръ признать добросовѣстнымъ. Выслушавъ заключеніе товарища прокурора и разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла въ предѣлахъ апелляціонной жалобы московская судебная палата находитъ, что отвѣтчица Фонъ-Райзеръ, бывъ утверждена въ правахъ наслѣдства установленною властію и въ той части имущества, которая слѣдовала на указную часть Ладыгиной, за вступленіемъ послѣдней или вмѣсто нея кого другаго въ наслѣдственныя права къ этой части и за неразрѣшеніемъ установленнымъ порядкомъ просьбы Фонъ-Райзеръ, поданной 10 іюля 1865 г. въ тверскую гражданскую палату о раздѣлѣ между ею, Фонъ-Райзеръ, и вдовою Ладыгиною наслѣдственнаго имѣнія, на точномъ основаніи 529, 530 и 626 ст. зак. гр. должна быть признана добросовѣстною владѣлицею принадлежавшей Ладыгиной части имущества до тѣхъ поръ, пока не было ей, Фонъ-Райзеръ установленнымъ порядкомъ объявлено о предъявленномъ на эту часть имущества искѣ отъ настоящаго по дѣлу истца. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что рѣшеніе окружнаго суда объ обезпеченіи присужденнаго имъ въ пользу казны съ Фонъ-Райзеръ иска, а равно и о возложеніи на послѣднюю отвѣтственности въ судебныхъ издержкахъ въ размѣрѣ двухъ третей представляется вполнѣ правильнымъ и согласнымъ съ 590, 595, 604 и 870 ст. уст. суд. гр., а потому и неподлежащимъ измѣненію, московская судебная палата постановляетъ: со вдовы генералъ-

майора Фонъ-Райзеръ взыскать въ пользу казны доходы, полученные ею съ наслѣдственнаго послѣ генералъ-майора Ладыгина имущества со времени объявленія ей о настоящемъ искѣ т.-е. съ 28 іюля 1870 года.—Рѣшеніе окружнаго суда относительно доходовъ отмѣнить, оставивъ оное въ прочихъ частяхъ, за необжалованіемъ, безъ разсмотрѣнія; судебныя издержки апелляціоннаго производства распредѣлить на основаніи 776, 870 и 872 ст. уст. суд. гр. между обѣими сторонами. Копіи сего рѣшенія препроводить въ тверскіе казенную палату и окружный судъ, въ послѣдній съ возвращеніемъ производства окружнаго суда.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ МОСКОВСКОЮ СУДЕБНОЮ ПАЛАТОЮ.

XXX.

Можетъ ли обвинительная власть на основаніи предварительнаго слѣдствія составить актъ о преслѣдованіи, по 1467 ст. улож. о наказ., того, кто при необходимой личной оборонѣ (101—103 ст. улож. о наказ.,) превзойдетъ положенные оной предѣлы и нанесетъ нападавшему на него смерть?

Крестьянинъ Антоновъ сознался, что защищая свою жизнь и имущество отъ нападенія ѣхавшаго съ нимъ на одной лошади безсрочно-отпускнаго рядоваго Дементьева, нанесъ ему нѣсколько ранъ, отъ коихъ послѣдній умеръ на мѣстѣ происшествія. Прокурорскій надзоръ призналъ возможнымъ преслѣдовать Антонова за то, что нарушивъ условія необходимой обороны, онъ нанесъ Дементьеву смерть послѣ уже отвращенія грозившей ему опаспости (1467 ст. улож. о наказ.) Для того чтобы судить о томъ, выступилъ ли извѣстный подсудимый изъ полагаемыхъ необходимой обороной предѣловъ, нужно предварительно опредѣлить находился ли онъ, дѣйствительно, въ состояніи необходимой обороны при условіяхъ 101 ст. улож. о наказ. Необходимость обороны по закону составляетъ одну изъ причинъ, по которой содѣянное не должно быть вмѣняемо въ вину (92 ст. улож. о наказ.) Въ процессуальномъ отношеніи всѣ причины невмѣняемости можно раздѣлить: 1) на причины, которыя по своей очевидности не требуютъ провѣрки ихъ на судѣ и 2) на причины, которыя не отличаются этимъ качествомъ. Къ первой категоріи, по общему смыслу рѣш. кас. деп. 1869 г. № 619, слѣдуетъ относить дѣтскій возрастъ обвиняемыхъ и признаніе ихъ установленнымъ порядкомъ безумными или сумасшедшими, а ко второй—необходимость обороны и всѣ остальныя причины, исчисленныя въ 92 ст. улож. о нак. При разрѣшеніи вопросовъ о вмѣняемости законодатель предоставилъ обвинительной власти

только разрѣшеніе вопросовъ о причинахъ невмѣняемости первой категоріи, такъ какъ онѣ могутъ быть поставлены на твердыхъ основаніяхъ и безъ провѣрки ихъ на судебномъ слѣдствіи, Поэтому нельзя не признать, сказано въ палатскомъ опредѣленіи 9-го сентября, что состояніе необходимой обороны не можетъ служить препятствіемъ къ преданію подсудимаго суду за совершенное имъ дѣяніе, потому что опредѣленіе необходимости обороны принадлежитъ суду и присяжнымъ. А засимъ уже самъ собою разрѣшается и поставленный выше вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Нельзя преслѣдовать за выступленіе изъ предѣловъ необходимой обороны, если по закону, какъ значится выше, не предоставлено прокурорскому надзору, составляющему обвинительный актъ, право входить въ обсужденіе сего состоянія необходимой обороны, какъ одной изъ причинъ невмѣняемости, обсужденіе и оцѣнка которой всецѣло принадлежитъ съ одной стороны поддерживающему обвиненіе на судѣ прокурору, а съ другой—суду, разсматривающему дѣло по существу, но никакъ не обвинительному учрежденію, поставленному совершенно въ иныя условія. Посему судебная палата предала означеннаго крестьянина Антонова суду за совершенное имъ дѣяніе, безъ указанія того—находился ли онъ въ состояніи необходимой обороны или выступилъ изъ предѣловъ оной.

XXXI.

Какимъ закономъ предусмотрѣно дѣяніе подсудимаго, который по просьбѣ беременной женщины далъ ей средство для изгнанія плода, между тѣмъ отъ средства послѣдовалъ не только выкидышъ, но и смерть самой беременной женщины?

Обстоятельствами дѣла обнаружено, что крестьянка Воронкова, задумавъ вытравить незаконно-прижитаго ребенка, обратилась къ крестьянкѣ Козловой съ просьбою дать ей для этого какое нибудь абортивное средство. Козлова согласилась и предложила ей выпить сѣрнокислой мѣди. Чрезъ нѣсколько дней Воронкова умерла отъ отравленія, выкидышъ же произошелъ отъ воспалительнаго состоянія въ желудкѣ и кишкахъ. Подобный случай прямо въ законѣ не предусмотрѣнъ. Въ улож. о наказ. истребленіе плода раздѣляется на два вида: истребленіе плода съ согласія беременной женщины (1462 ст.) и безъ ея согласія и вѣдома (1461 ст.). При второмъ видѣ упоминается о случаяхъ, когда операція эта сопровождалась разстройствомъ здоровья или смертью беременной женщины, между тѣмъ, говоря объ истребленіи плода съ согласія сей послѣдней, законъ (1642 ст.) объ этихъ послѣдствіяхъ не упоминаетъ ни слова. Причина та-

кого молчанія заключается въ томъ, что истребленіе плода, сопровождавшёеся смертью беременной, есть только одинъ изъ тѣхъ случаевъ неосторожнаго лишенія жизни, когда эта неосторожность (напр. въ 1459 ст.) была вызвана другимъ преступленіемъ. Поэтому подъ дѣйствіемъ приведенной 1462 ст. можетъ быть подведена только одна часть дѣянія подсудимой Козловой, а именно изгнаніе ею плода изъ утробы Воронковой съ ея согласія. Что же касается до послѣдовавшаго отъ того отравленія самой Воронковой, то преступленіе это должно быть разсмотрѣно съ другой точки зрѣнія. Отравленіе, какъ видно, послѣдовало при содѣяніи Козловой другаго преступленія, причинившаго оное хотя безъ прямаго на убійство умысла. Существующія же на сей предметъ узаконенія (108 и 109 ст.) постановляютъ то общее правило, что если подсудимый, при содѣяніи какого нибудь преступленія, тѣмъ самымъ, хотя безъ прямаго умысла, учинилъ еще другое болѣе тяжкое, то мѣра наказанія опредѣляется ему по совокупности преступленій (152 ст.). Такимъ образомъ отравленіе Воронковой должно быть разсмотрѣно какъ отдѣльное преступленіе въ совокупности съ другимъ ея дѣяніемъ. Опредѣляя свойство сего преступленія, слѣдуетъ остановиться на томъ соображеніи, что Козлова, рѣшившись дать Воронковой сильно дѣйствующее вещество для вытравленія плода, не могла не сознавать всѣхъ вѣроятныхъ послѣдствій своего дѣянія, не могла не знать и не предвидѣть, что отъ этого средства Воронкова должна была подвергнуться опасности и даже самой смерти. По признакамъ своимъ такое дѣяніе, если не по буквѣ закона, то по цѣли и внутреннему содержанію его, наиболѣе сходствуетъ съ предусмотрѣннымъ 1458 ст. преступленіемъ, имѣющимъ въ виду преслѣдованіе подсудимаго, который безъ прямаго умысла на убійство, долженъ былъ предвидѣть возможность такого важнаго послѣдствія своего дѣянія, чего нельзя не усмотрѣть въ сознательныхъ дѣйствіяхъ подсудимой Козловой. По симъ соображеніямъ судебная палата (докладъ 30 сентября) пришла къ заключенію о необходимости преслѣдованія Козловой по 151, 152, 1462 и 1458 ст. улож. о наказаніяхъ.

XXXII.

Подъ какую статью закона подходитъ кража кондукторомъ товара изъ сопровождаемаго имъ поѣзда желѣзной дороги?

Основанія, по коимъ дѣяніе это отнесено къ 1651 ст. улож. о нак., подробно изложены въ опредѣленіи палаты, помѣщенномъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ кн. 2-я 1871 года стр. 80.

XXXIII.

Какою статьею закона предусмотрѣнъ побѣгъ изъ Сибири водворяемаго рабочаго?

Московскимъ прокурорскимъ надзоромъ составленъ былъ обвинительный актъ о бѣжавшемъ съ водворенія изъ Сибири Куликовѣ, котораго предполагалось за побѣгъ предать суду по 313 ст. улож. о наказ. Но судебная палата по нижеслѣдующимъ соображеніямъ пришла къ другому взгляду. Водвореніе есть особенный видъ ссылки, которое, относясь къ наказаніямъ исправительнымъ, назначалось прежде лицамъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній, вмѣсто заключенія въ арестантскихъ ротахъ и рабочихъ домахъ (10 ст. уст. о ссыльныхъ), а теперь назначается между прочимъ военнымъ арестантамъ, оказавшимся неспособными къ работамъ въ ротахъ военнаго вѣдомства (1125 ст. уст. о содер. подъ стражею XIV кн. изд. 1857 г.), къ каковой категоріи лицъ принадлежитъ и названный подсудимый. Такіе арестанты, сосланные въ Сибирь и приписанные тамъ къ обществу, именуются водворяемыми рабочими (10 ст. уст. о ссыльныхъ) и за преступленія и проступки судятся по общимъ законамъ (885 ст. уст. о ссыльныхъ). Въ отношеніи правъ состоянія и права выѣзда изъ мѣста жительства (886 ст.) они подлежатъ тѣмъ ограниченіямъ, кои установлены въ статьяхъ 43, 48, 49 улож. о наказ. и въ статьѣ 1086 уст. о содерж. подъ стражею, опредѣляющихъ послѣдствія наказанія, соединеннаго съ заключеніемъ въ арестантскихъ ротахъ и рабочихъ домахъ. Эта одинаковость послѣдствій для водворяемыхъ рабочихъ и арестантовъ, освобожденныхъ изъ названныхъ мѣстъ заключенія подъ надзоръ общества или полиціи, даетъ основаніе къ тому выводу, что водворяемые рабочіе за побѣги изъ мѣста назначеннаго для ихъ жительства, должны подлежать той же отвѣтственности, какой подвергаются за сіе лица, отданныя по освобожденіи изъ арестантскихъ ротъ подъ надзоръ общества или полиціи, а сіи послѣдніе, за самовольное оставленіе мѣста назначеннаго для ихъ жительства, подлежатъ преслѣдованію по 63 ст. уст. о нак., замѣнившей собою прежде дѣйствовавшія статьи 355 и 356 кн. I т. XV изд. 1857 года. Изъ сего явствуетъ, что водворенные рабочіе за побѣгъ изъ мѣста жительства должны подлежать дѣйствію приведенной 63 ст., а не 313 ст. ул. о нак., которая, предусматривая побѣги изъ ссылки въ каторгу, на поселеніе и на житье, ничего не говоритъ о побѣгѣ съ водворенія. Въ такомъ смыслѣ разрѣшенъ былъ поставленный выше вопросъ судебною палатою при докладѣ дѣла о Куликовѣ 30-го сентября.

XXXIV.

Дѣла, слѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія у мировыхъ судей, должны ли быть присоединяемы къ предварительному слѣдствію по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, если по тѣмъ и другимъ обвиняется одинъ и тотъ же подсудимый?

На разсмотрѣніе судебной палаты часто поступаютъ дѣла, соединенныя изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ производствъ, изъ коихъ одни имѣютъ предметомъ своимъ преступленія, подсудныя общимъ судебнымъ мѣстамъ, а другія—дѣянія, подлежащія преслѣдованію въ порядкѣ частнаго обвиненія (5 и 511 ст. уст. уг. суд.).—Производства эти большею частію присоединяются къ дѣлу судебными слѣдователями, потому что оныя получаютъ они отъ мировыхъ судей, которые, узнавъ что находящееся у нихъ подъ судомъ лицо состоитъ въ то же время подъ слѣдствіемъ у слѣдователей, препровождаютъ къ нимъ и свое производство для присоединенія къ общему о немъ дѣлу (на основ. 205 ст. уст. уг. суд.).—Изъ сего выходитъ, что къ дѣлу напримѣръ о грабежѣ присоединяются дѣла о томъ же подсудимомъ по обвиненію его въ угрозахъ, оскорбленіи и другихъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія преступленіяхъ.—Изъ такого смѣшенія обвиненій различныхъ по закону направленій проистекаетъ медленность, которая обусловливается съ одной стороны тѣмъ, что обвиненіе частнаго порядка, по своей процессуальной особенности (157 ст. ул. о нак. и 35 ст. уст. уг. суд.), не всегда можетъ получить движеніе одновременно съ обвиненіемъ общаго порядка, а съ другой стороны тѣмъ, что частное обвиненіе не всегда можетъ подлежать разсмотрѣнію обвинительной камеры судебной палаты (201 ст. уст. угол. суд.), такъ какъ оное имѣетъ иногда въ виду преступленіе или подсудное мировымъ учрежденіямъ (131, 140, 142 ст. уст. о наказ. и друг.) или окружнымъ судамъ безъ участія присяжныхъ (напримѣръ 2 отд. 1483 ст. ул. о нак.).—Поэтому-то судебная палата, разсматривая дѣло крестьянина Полозова, высказала взглядъ, который не всегда одинаково проводится въ дѣлахъ предварительнаго слѣдствія и даже прокурорскаго надзора.—По поводу доклада 9 сентября, судебная палата усмотрѣла, что обвиняемый по 271 ст. ул. о нак. въ сопротивленіи власти крестьянинъ Полозовъ обвиняется въ тоже время въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 142 и 139 ст. уст. о нак., и что дѣла о сихъ преступленіяхъ препровождены были мировыми судьями безъ постановленія приговоровъ къ судебному слѣдователю, производившему дѣло по обвиненію Полозова въ преступленіи, подсудномъ окружному су-

ду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (201 ст. уст. уг. суд.). Дѣла частнаго обвиненія имѣютъ ту процессуальную особенность, что не влекутъ за собою никакого наказанія въ случаѣ примиренія обиженныхъ съ обвиняемымъ (18, 19, 20 ст. уст. о нак.).—Обязывая мировыхъ судей и предсѣдателей съѣздовъ въ дѣлахъ этого рода, до постановленія приговора, склонять стороны къ миру (120 и 165 ст. уст. угол. суд.), законъ тѣмъ самымъ относитъ эти дѣла къ числу тѣхъ, разбирательство которыхъ *исключительно свойственно мировымъ учрежденіямъ*.—Изъ сего прямо вытекаетъ, по рѣшенію сената 1870 г. № 619, тотъ выводъ, что въ случаѣ обвиненія кого-либо кромѣ того въ преступленіи, подсудномъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, *передача до постановленія приговора всякаго, подлежащаго примирительному разбирательству дѣла, въ какомъ бы оно положеніи ни находилось, изъ мироваго установленія въ суды общіе, была бы несогласна съ разумомъ и цѣлью закона*. Опираясь на эти соображенія, судебная палата, сказано въ опредѣленіи ея, признала, что при обвиненіи Полозова въ преступленіи, подсудномъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, не предстояло никакой надобности въ передачѣ въ общіе суды другихъ о Полозовѣ дѣлъ, подлежащихъ преслѣдованію въ порядкѣ частнаго обвиненія, потому что мировыя установленія въ данномъ случаѣ безъ всякаго процессуальнаго неудобства могли и должны были разрѣшить подлежащія ихъ разсмотрѣнію дѣла съ тѣмъ лишь условіемъ, что въ случаѣ осужденія Полозова приговоры свои обязаны были передать въ общіе суды (213 ст. уст. угол. суд.) для соображенія ихъ по правиламъ о совокупности преступленій (152 ст. ул. о нак.). Вслѣдствіе сего дѣло о Полозовѣ по обвиненію его по 271 ст. улож. о нак. передано было въ окружный судъ (201 ст. уст. уг. судопр.), а другія о немъ дѣла—въ подлежащія судебныя установленія.

XXXV.

Еще по поводу 549 ст. устава уголовнаго судопроизводства.

Опредѣленіемъ палаты преданы были суду 18 человѣкъ крестьянъ за сопротивленіе властямъ (271 и 273 ст. ул. о нак.).—На судебное слѣдствіе явились только 16 человѣкъ, а двое по законной причинѣ въ судъ не прибыли.—Окружный судъ, согласно вердикта присяжныхъ, призналъ наличныхъ подсудимыхъ оправданными, а относительно отсутствовавшихъ вошелъ съ представленіемъ въ палату (549 ст. уст. уг. суд.), объясняя, что въ настоящее время подсудимые эти должны быть отъ преслѣдованія освобождены, въ виду того что не предстоитъ уже на-

добности въ сужденіи ихъ, такъ какъ обвиняемые съ ними въ одинаковомъ преступленіи сотоварищи ихъ признаны невиновными.— Но судебная палата не признала съ своей стороны (докладъ 30 сентября) оправдательнаго приговора о 16 крестьянахъ *„новымъ обстоятельствомъ, могущимъ измѣнить въ чемъ либо подсудность или порядокъ судопроизводства по дѣлу объ остальныхъ двухъ подсудимыхъ*, потому что обнаруженныя въ отношеніи сихъ послѣднихъ улики остались въ прежней силѣ и судебнымъ слѣдствіемъ еще не провѣрены и не опровергнуты. Посему окружному суду не предстояло правильнаго основанія уклоняться отъ назначенія вновь судебнаго засѣданія для постановленія приговора объ отсутствовавшихъ прежде подсудимыхъ по тому соображенію, что о нихъ состоялось опредѣленіе о преданіи суду, а также и потому, что не все равно быть освобожденнымъ отъ преслѣдованія судебною палатою или оправданнымъ по суду присяжными засѣдателями: въ первомъ случаѣ остается еще возможность привлеченія подсудимыхъ вновь къ суду по открывшимся новымъ уликамъ (24 ст. уст. уг. суд.), чего невозможно уже во второмъ случаѣ (21 ст. уст. уг. суд.).

XXXVI.

Всѣ ли дѣла о жестокомъ обращеніи съ женою должны слѣдовать въ порядкѣ частнаго обвиненія?

Дѣла о жестокомъ обращеніи съ женою въ процессуальномъ отношеніи могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: 1) на возбуждаемыя въ общемъ порядкѣ, когда жестокое обращеніе имѣло послѣдствіемъ смерть потерпѣвшаго супруга или лишеніе его разсудка, зрѣнія, слуха, языка или одного изъ членовъ тѣла и 2) на возбуждаемыя только по жалобѣ супруговъ въ порядкѣ частнаго обвиненія во всѣхъ прочихъ случаяхъ (Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, напечатанное въ сбор. узакон. 1871 года за май № 441).—Прокурорскимъ надзоромъ нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ дѣла о жестокомъ обращеніи безразлично направляются къ порядку частнаго обвиненія, а судебные слѣдователи производятъ по нимъ слѣдствія лишь при наличности жалобы потерпѣвшаго.—Тогда какъ изъ соображенія изложеннаго, сказано въ палатскомъ опредѣленіи 4 октября, явствуетъ, что дѣла первой категоріи должны слѣдовать въ порядкѣ прокурорскаго обвиненія и что предварительное слѣдствіе по онымъ можетъ быть начато и безъ жалобы потерпѣвшаго супруга.

XXXVII.

Предоставлено ли судебному слѣдователю оконченное предварительное слѣдствіе передавать другому слѣдователю, производящему слѣдствіе о другомъ преступленіи того же подсудимаго?

Судебный слѣдователь г. Москвы по окончаніи предварительнаго слѣдствія о крестьянинѣ А., обвиняемомъ въ кражѣ вещей изъ аптеки, передалъ его другому слѣдователю, въ участкѣ коего производилось дѣло о томъ же подсудимомъ по обвиненію его вмѣстѣ съ товарищами въ кражѣ со взломомъ.—Передача эта мотивирована тѣмъ, что подсудимый А. долженъ судиться по правиламъ о совокупности преступленій на основаніи 152 ст. улож. о нак.—Разсматривая предварительное слѣдствіе по докладу одного изъ членовъ (530 ст. уст. уг. суд.), судебная палата нашла, что дѣйствія слѣдователя нельзя признать вполнѣ правильными *). По закону судебный слѣдователь, окончивъ предварительное слѣдствіе и объявивъ о семъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, обязанъ препроводить его къ прокурорскому надзору (476—478 ст. уст. уг. суд.).—Изъ этого общаго правила не сдѣлано никакого исключенія для тѣхъ случаевъ, когда подсудимый находится еще подъ слѣдствіемъ у другаго слѣдователя по другому дѣлу. Причина этого понятна. По окончаніи предварительнаго слѣдствія наступаетъ обрядъ преданія обвиняемаго суду. Первоначально дѣйствующимъ лицомъ при преданіи суду является прокурорскій надзоръ. Онъ разсматриваетъ подлежитъ ли дѣло вѣдѣнію его власти (510 ст.), произведено ли слѣдствіе съ достаточною полнотою (512 ст.) и слѣдуетъ ли подсудимаго предать суду или же дѣло о немъ должно быть передано въ мировыя учрежденія или прекращено, или пріостановлено (518 ст.). Ему же принадлежитъ разрѣшеніе вопроса о томъ—можно ли дать дѣлу дальнѣйшее движеніе въ виду: а) совокупности преступленій подсудимаго, когда важнѣйшее изъ нихъ уже вполнѣ разслѣдовано, а для обнаруженія обстоятельствъ дѣянія менѣе важнаго необходимо продолжительное время и б) отсутствія нѣкоторыхъ подсудимыхъ, когда относительно наличныхъ всѣ обстоятельства приведены въ ясность (515 и 516 ст.).—При такомъ требованіи закона прокурорскому надзору необходимо, чтобы всѣ дѣла, по окончаніи предварительнаго слѣдствія, тотчасъ же

*) Приводимый здѣсь палатою взглядъ вытекаетъ изъ соображенія относительно примѣненія 205 и 213 ст. См. вопросъ № 1-й.

поступали бы на его усмотрѣніе.—Только при этомъ условіи возможно, чтобы всѣ дѣла получали движеніе правильное и своевременное.—Отсюда явствуетъ, что передача слѣдователемъ оконченныхъ дѣлъ не къ прокурорскому надзору, а въ другой слѣдственный участокъ для присоединенія къ другому о томъ же подсудимомъ дѣлу на основаніи правилъ о совокупности преступленій, противорѣчитъ какъ всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, такъ и тому, что правила о совокупности преступленій относятся или до суда, постановляющаго приговоръ, или до прокурорскаго надзора, направляющаго дѣло къ законному порядку, но никакъ не до слѣдователей, собирающихъ только матеріалъ для полнаго обнаруженія истины на слѣдствіи судебномъ (рѣш. кас. деп. 1866 г. № 91). Подобная передача дѣлъ не оправдывается и судебною практикою.—Передавая дѣло въ другой слѣдственный участокъ на основаніи совокупности преступленій, слѣдователь не въ состояніи знать дѣйствительно ли переданное имъ дѣло получитъ предполагаемое движеніе. Нерѣдко случается, что переданное дѣло или дѣло, къ коему оное пріобщается, подлежитъ прекращенію, пріостановленію и передачѣ въ мировыя установленія, такъ какъ все это зависитъ отъ прокурора. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ означенная передача дѣлъ является безполезною и вызываетъ медленность.—Медленность эта бываетъ особенно чувствительна въ тѣхъ случахъ, когда представляется надобность переданное слѣдователю дѣло возвращать для дополненія (512 ст.).—Въ виду сихъ соображеній (опредѣленіе 9 августа) судебная палата признала, что означенная передача дѣлъ изъ одного участка въ другой не оправдывается ни закономъ, ни практикою, о чемъ, на основаніи 2 п. 249 ст. учрежд. судебн. установ., увѣдомила для руководства и судебнаго слѣдователя указомъ.

Членъ Московской Судебной Палаты Д. Тихомировъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ПО ПОВОДУ ИСПОЛНЕНІЯ СУДЕБНЫХЪ РѢШЕНІЙ ПО УСТАВАМЪ 20 НОЯБРЯ 1864 ГОДА.

Улучшивъ во многихъ отношеніяхъ прежде дѣйствовавшую систему нашего гражданскаго процесса, уставы 20 ноября, какъ уже многими и неоднократно замѣчено, не составляютъ однакоже такого законодательнаго акта, который бы не оставлялъ мѣста желаніямъ еще большихъ улучшеній. Есть въ нихъ не мало всякаго рода пробѣловъ, недосмотровъ и постановленій, искажающихъ основные принципы, положенные въ ихъ основаніе.

Объ одномъ изъ такихъ недосмотровъ мы намѣрены поговорить въ настоящей замѣткѣ.

Я предъявляю искъ къ опредѣленному отвѣтчику. Пока идетъ дѣло о призывѣ его къ суду, я имѣю по закону всѣ средства къ тому, чтобы онъ если не явился въ судъ, то по крайней мѣрѣ могъ узнать, что противъ него начатъ процессъ. Для этой цѣли между прочимъ существуютъ публикаціи въ вѣдомостяхъ и затѣмъ, явится ли отвѣтчикъ къ суду или не явится, будетъ ли онъ жить на одномъ мѣстѣ въ теченіи всего процесса или перемѣнитъ свое мѣстопребываніе, не заявивъ о томъ суду, для меня все равно. Если явится и затѣмъ перемѣнитъ свое мѣстожительство, безъ вѣдома о томъ суда, то всѣ слѣдующія ему повѣстки и бумаги будутъ отсылаться все-таки въ то мѣсто, которое было прежде заявлено, и если не найдутъ его тамъ, то будутъ оставляться въ канцеляріи суда. Отговариваться невѣдѣніемъ о нихъ онъ по закону (310 ст.) не можетъ. Разъ, слѣдовательно, будетъ доставлена повѣстка или бумага отвѣтчику въ извѣстномъ мѣстожительствѣ, и онъ далѣе во все послѣдующее теченіе процесса предполагается живущимъ въ этомъ мѣстѣ, пока не заявитъ суду о его перемѣнѣ.

Но вотъ процессъ конченъ, рѣшеніе постановлено и подлежитъ при извѣстныхъ условіяхъ исполненію. Я указываю, какъ на способъ исполненія, на принадлежащее отвѣтчику недвижимое имѣніе, и, положимъ, этотъ способъ представляется въ данномъ случаѣ единственнымъ.

Судебный приставъ, на котораго возложено исполненіе рѣшенія, обязанъ по закону (942 ст.) прежде всего сообщить отвѣтчику „лично или по мѣсту его пребыванія *) повѣстку объ исполненіи“ и въ этой повѣсткѣ предварить его, „что если онъ не исполнитъ рѣшенія добровольно, то, по истеченіи назначеннаго въ повѣсткѣ срока, будетъ приступлено къ понудительному исполненію такимъ-то способомъ“ (3 п. 943 ст.). Срокъ этотъ при обращеніи взысканія на недвижимое имѣніе назначается въ повѣсткѣ двухмѣсячный (1095 ст.) со дня врученія ея.

Составивъ такую повѣстку, судебный приставъ отправляется съ нею къ должнику по указанному симъ послѣднимъ или истцомъ въ процессѣ мѣстожительству, и вдругъ оказывается, что должникъ неизвѣстно куда переѣхалъ или же просто неизвѣстно гдѣ скрывается. Какъ долженъ поступить въ этомъ случаѣ судебный приставъ? Неужели же рѣшеніе суда должно оставаться безъ исполненія по невозможности вручить должнику повѣстку объ исполненіи, невозможности, созданной самимъ должникомъ съ цѣлью избѣжать взысканія?

Уставъ не даетъ намъ никакихъ данныхъ, по которымъ мы могли бы прійти къ удовлетворительному въ интересахъ правосудія разрѣшенію поставленныхъ вопросовъ.

Повѣстка объ исполненіи, говоритъ законъ (942 ст.), сообщается по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 282—289. Въ 282 ст., наиболѣе для насъ интересной, читаемъ: „повѣстка, вмѣстѣ съ приложеніями, вручается самому отвѣтчику, если же судебный приставъ *не застанетъ его дома*, то отдаетъ повѣстку домашнимъ его, или завѣдывающему его имѣніемъ, либо домомъ, или тому изъ сосѣдей, который согласится доставить повѣстку и дастъ въ *томъ росписку*.“ Изъ буквальнаго смысла этой статьи явствуетъ, что приставъ можетъ вручить повѣстку объ исполненіи поименованнымъ въ ней лицамъ тогда лишь, когда не застанетъ отвѣтчика дома. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ *домомъ* разумѣется здѣсь мѣстопребываніе отвѣтчика, его domicilium, гдѣ

*) О какомъ мѣстопребываніи идетъ здѣсь рѣчь, законъ умалчиваетъ. Но въ виду того, что и само назначеніе предсѣдателемъ суда судебнаго пристава находится отчасти въ зависимости отъ мѣстожительства отвѣтчика, показаннаго въ исполнительномъ листѣ или, что тоже, заявленнаго суду при процессѣ, можно думать, что рѣчь идетъ объ этомъ именно мѣстопребываніи.

онъ живетъ и имѣетъ свое домашнее хозяйство. Несомнѣнно также, что подъ домомъ нельзя разумѣть домъ, хотя и принадлежащій отвѣтчику, но въ которомъ онъ не живетъ: нельзя *не застáть* меня дома тамъ, гдѣ нельзя также и *застать*. Точно также нельзя считать домомъ отвѣтчика непринадлежащій ему домъ или имѣніе, въ которыхъ онъ когда-то жилъ. Выраженіе: „*не застанетъ*“ предполагаетъ собою мѣстопребываніе отвѣтчика въ моментъ посѣщенія его судебнымъ приставомъ.

Но можетъ случиться, что судебный приставъ не только не застанетъ отвѣтчика въ принадлежащемъ ему имѣніи или, лучше сказать, можетъ случиться, что отвѣтчикъ окажется вовсе тамъ не живущимъ, но не найдетъ никого и изъ поименованныхъ въ 282 ст. лицъ не потому, что не могъ ихъ *отыскать* (285 ст.) по какимъ-либо случайнымъ причинамъ, а потому, что ихъ и вовсе тамъ нѣтъ или, хотя и есть напр. сосѣдъ, но сосѣдъ, нежелающій или несоглашающійся доставить должнику повѣстку, или арендаторъ имѣнія, котораго законъ, повидимому, не признаетъ за лицо, могущее принять повѣстку, ибо о немъ ничего не говорится въ 282 ст.; считать же его за завѣдывающаго имѣніемъ должника или за одного изъ его домашнихъ, по нашему мнѣнію, никакъ нельзя. Какимъ, спрашивается, образомъ можетъ быть въ этомъ случаѣ исполнено требованіе 942 ст., чтобы повѣстка объ исполненіи была доставлена должнику, прежде чего и самое исполненіе рѣшенія какимъ бы то ни было способомъ невозможно? Какимъ способомъ заставить должника получить повѣстку?

Очевидно, что такого способа Уставы 20 ноября не установили. Говорится, правда, въ 945 ст., что если взыскатель и отвѣтчикъ не укажутъ избраннаго ими мѣста, куда всѣ бумаги и повѣстки должны быть имъ доставляемы, или не увѣдомятъ о перемѣнѣ онаго, то онѣ оставляются въ канцеляріи суда. Но такой порядокъ соблюдается только по полученіи уже отвѣтчикомъ повѣстки объ исполненіи (944 ст.), а намъ важно разыскать его *для врученія* этой повѣстки. Очевидно далѣе, что хотя въ рукахъ взыскателя находится съ одной стороны исполнительный листъ, а съ другой есть въ виду принадлежащее должнику недвижимое имѣніе, но онъ все-таки ничего не можетъ получить до тѣхъ поръ, пока не отыщетъ самого должника; а эти розыски могутъ продолжаться до безконечности.

Несомнѣнно, что здѣсь допущена самая вредная и ничѣмъ неоправдываемая аномалія. Безконечно важно, чтобы и интересы должника были обставлены достаточными гарантіями, чтобы съ него не было взыскано ничего лишняго, чтобы ему дана была возможность расплатиться съ взыскателемъ безъ особеннаго

ущерба всему его экономическому status'у, неизбѣжнаго въ большей части случаевъ при публичной продажѣ имѣнія. Но существенно важно и то, чтобы рѣшенія суда могли быть приведены въ исполненіе, несмотря ни на какія уловки со стороны должника. Этому-то требованію, по нашему мнѣнію, и не удовлетворяютъ постановленія 942 и послѣдующихъ статей.

Намъ кажется, что было бы болѣе цѣлесообразнымъ установить правило, что должникъ и послѣ постановленія судебнаго рѣшенія не можетъ перемѣнить заявленнаго имъ суду мѣстожительства безъ вѣдома о томъ суда, подвергаясь въ противномъ случаѣ послѣдствіямъ, указаннымъ въ приведенной уже выше 310 ст., хотя мы должны сознаться, что и такое постановленіе не во всѣхъ случаяхъ гарантировало бы взыскателя, напр. въ случаяхъ, когда отвѣтчикъ не явился къ суду по вызовамъ чрезъ публикаціи и противъ него постановлено заочное рѣшеніе.

Что затронутый нами вопросъ имѣетъ довольно важное практическое значеніе, это доказывается статьей г. Веритовскаго: „Итоги дѣятельности судебныхъ приставовъ“ *), гдѣ въ числѣ другихъ вопросовъ, возбужденныхъ въ практикѣ судебныхъ приставовъ округа московской судебной палаты, значится и вопросъ: „Могутъ ли судебные пристава, по предъявленіи къ нимъ исполнительныхъ листовъ, оставлять свои повѣстки въ канцеляріи судебныхъ мѣстъ объ избранныхъ взыскателемъ способахъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда должники, послѣ выдачи изъ судебнаго мѣста листа съ означеніемъ ихъ жительства, измѣняютъ таковое безъ заявленія о перемѣнѣ, съ цѣлью избѣжать понудительныхъ мѣръ, примѣняясь въ данномъ случаѣ къ ст. 945 уст. гражд. судопр.?“ Мы не знаемъ, къ какому рѣшенію пришли гг. судебные пристава, но изъ предыдущаго, кажется, достаточно ясно, что съ точки зрѣнія буквы Уставовъ 20 ноября вопросъ этотъ къ сожалѣнію долженъ быть разрѣшенъ отрицательно.

С. Милашевичъ.

---

*) Юрид. Вѣстн. 1871, № 5, стр. 28.

II.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА ЗАМѢТКУ Г. ОБНИНСКАГО „145 СТАТ. НАВЫВОРОТЪ“.

Въ 4-й книжкѣ „Юридическаго Вѣстника“ напечатана замѣтка г-на Обнинскаго подъ заглавіемъ „ст. 145 Уст. Гражд. Судопр. навыворотъ“.

Не раздѣляя взгляда, высказаннаго авторомъ этой замѣтки, постараемся заступиться за неизвѣстнаго намъ мироваго судью, подвергшагося очень нелестному и, по нашему мнѣнію, незаслуженному нареканію. Какъ видно изъ замѣтки г-на Обнинскаго, дѣло заключается въ томъ, что мировой судья прекратилъ производство гражданскаго дѣла за неразысканіемъ отвѣтчика. Другихъ подробностей намъ почерпнуть неоткуда, поэтому постараемся догадаться, какъ происходило дѣло. По полученіи исковой просьбы, мировой судья вѣроятно послалъ отвѣтчику повѣстку о вызовѣ въ судъ черезъ разсыльнаго или полицію (ст. 58, 61, 62 уст. гражд. судопр.) по мѣсту жительства его, указанному истцемъ. Судя по смыслу рѣшенія, мы полагаемъ, что эта повѣстка была возвращена мировому судьѣ съ удостовѣреніемъ завѣдывающаго домомъ, или дворника, или полиціи и т. п. о томъ, что отвѣтчикъ въ означенномъ домѣ не живетъ. Возможно ли было бы въ этомъ случаѣ примѣненіе ст. 64 уст. гражд. судопр., т. е. врученіе повѣстки завѣдывающему домомъ? Намъ кажется—нѣтъ. Въ ст. 64 говорится о случаѣ отсутствія вызываемаго, и конечно отсутствія временнаго. Нельзя допустить, чтобы законъ въ этомъ случаѣ подъ словомъ „*отсутствіе*“ разумѣлъ совершенное ненахожденіе вызываемаго лица въ указанномъ мѣстѣ жительства. Итакъ что же остается дѣлать мировому судьѣ? истецъ указалъ на мѣсто жительства отвѣтчика, который не получилъ повѣстки потому, что это указаніе не вѣрно: мѣсто жительства его неизвѣстно.

Посмотримъ теперь, насколько подходятъ къ дѣлу законы, на которые указываетъ авторъ замѣтки. Ст. 210 къ описываемому

имъ дѣлу очевидно относиться не можетъ, ибо въ ней говорится о подсудности иска противъ отвѣтчика, который находится за границею или мѣстожительство коего истцу неизвѣстно, а въ настоящемъ случаѣ мѣсто жительства отвѣтчика указано, и не за границей. Для вызова къ суду согласно ст. 210 требуется представленіе денегъ на публикацію (стт. 293 и 263 п. 5), чего истцемъ не исполнено. Стт. 442—444, какъ относящіяся до существа иска, не могутъ разрѣшить вопроса о томъ, вправѣ ли былъ мировой судья постановить рѣшеніе при невозможности выдать отвѣтчику повѣстку за невѣрнымъ указаніемъ мѣста его жительства. На томъ же основаніи нейдетъ къ дѣлу и ст. 145, ибо мировой судья, какъ и всякій другой судъ, согласно ст. 4 уст. гражд. судопр., не вправѣ разрѣшить гражданское дѣло до выслушанія объясненія противной стороны, или до истеченія назначеннаго для представленія онаго срока. Кто же будетъ утверждать, что срокъ этотъ истекъ для отвѣтчика по настоящему дѣлу, когда онъ можетъ быть проживаетъ за 1000 верстъ отъ Москвы и до сихъ поръ пребываетъ въ совершенномъ невѣдѣніи о предъявленномъ къ нему искѣ? Ближе всѣхъ указанныхъ г-мъ Обнинскимъ законовъ подходила бы къ настоящему дѣлу на первый взглядъ ст. 147, но при внимательномъ разсмотрѣніи ея и она оказывается непримѣнимою. По силѣ этой статьи мировой судья откладываетъ разрѣшеніе дѣла и назначаетъ тяжущимся новый срокъ на явку, а неявившемуся вновь посылаетъ повѣстку. Спрашивается: куда же онъ пошлетъ повѣстку отвѣтчику по дѣлу, описанному г-мъ Обнинскимъ?

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній намъ кажется, что путь избранный мировымъ судьею есть единственно возможный и законный, при чемъ мы полагаемъ только, что въ *опредѣленіи* мироваго судьи (которое мы никогда не рѣшимся назвать рѣшеніемъ, ибо существо иска не разрѣшено и истцу не возбранено начать вновь искъ съ болѣе точнымъ указаніемъ мѣста жительства отвѣтчика или съ объясненіемъ, что оно ему неизвѣстно) не совсѣмъ вѣрна ссылка на законы. По нашему взгляду точнѣе бы было выразиться такъ: „за неточнымъ указаніемъ мѣста жительства отвѣтчика, примѣняясь къ п. 1 ст. 269 уст. гражд. судопр., просьбу истца оставить безъ движенія“.

Судя по тону, которымъ написана разбираемая нами замѣтка, можно предположить, что высказываемый авторомъ взглядъ; ясенъ для него до очевидности: онъ даже считаетъ излишнимъ съ юридической стороны анализировать приведенное имъ *рѣшеніе-курьёзъ*. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, ибо, сколько намъ извѣстно, практика московскихъ мировыхъ судей идетъ прямо въ разрѣзъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ г-мъ Обнинскимъ.

Случай, про который разсказываетъ онъ, не единичный; врядъ ли есть одинъ мировой судья въ Москвѣ, которому бы не приходилось постановлять опредѣленій въ родѣ того, которое вызвало непонятное для насъ негодованіе автора.

Очень можетъ быть, что вызываемый, въ данномъ случаѣ, отвѣтчикъ, когда принесли въ его домъ повѣстку мироваго судьи, преспокойно сидѣлъ дома и не думалъ мѣнять мѣста жительства. Люди опытные въ дѣлахъ житейскихъ съумѣютъ такъ или иначе притвориться выѣхавшими изъ Москвы и, увернувшись хотя на время отъ полученія повѣстки, обмануть такимъ образомъ правосудіе. Но вѣдь это мировому судьѣ неизвѣстно. Онъ можетъ *неофиціально* предполагать это и *неофиціально* стараться возстановить истину, указать неразвитому истцу, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Эта обязанность въ положительномъ законѣ не указана: ее диктуетъ совѣсть, а большая или меньшая опытность судьи указываетъ къ тому средства. Такого рода дѣятельность мироваго судьи не можетъ быть предметомъ обсужденія въ юридическомъ журналѣ, ибо ее ни уловить, ни провѣрить невозможно. Держась же буквально предписаній положительнаго закона, врядъ ли могъ мировой судья постановить другое опредѣленіе, которое притомъ не могло нанести существеннаго вреда истцу, если смотрѣть на этотъ актъ не какъ на *рѣшеніе*, а какъ на частное *опредѣленіе*, которое согласно ст. 891 уст. гражд. судопр., можетъ быть отмѣнено помимо съѣзда тѣмъ же судьей, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ.

Высказавъ свой взглядъ на поднятый г-мъ Обнинскимъ вопросъ, мы смѣло повторяемъ, что до сихъ поръ въ практикѣ мировыхъ судей намъ не приходилось встрѣчать другаго пониманія ст. 145 уст. гражд. судопр. Мы были бы очень счастливы, еслибы замѣтка г-на Обнинскаго и наше на нее возраженіе вызвало болѣе обстоятельное разрѣшеніе этого вопроса въ печати. Въ такомъ случаѣ мы бы благодарили въ душѣ г-на Обнинскаго за его починъ. Учрежденіе нашихъ мировыхъ судебныхъ установленій еще недавно вызванное къ жизни, нуждается и въ научныхъ и практическихъ пособіяхъ, и въ безпристрастной оцѣнкѣ его дѣйствій компетентными лицами.

Владиміръ Давыдовъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ИНОСТРАННЫЕ ЮРИДИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

Der Gerichtssaal. Zeitschrift für Strafrecht und Strafprozesz. 1871 Heft. 1—4.

Въ этомъ отдѣлѣ мы намѣрены слѣдить по возможности за лучшими, посвященными разработкѣ права, иностранными періодическими изданіями, причемъ будемъ останавливаться лишь на тѣхъ изъ помѣщаемыхъ въ нихъ статей, которыя, поскольку можемъ судить, окажутся наиболѣе интересными вообще, либо въ особенности представятъ интересъ для русскаго читателя.

Начинаемъ нашъ обзоръ съ журнала *Gerichtssaal*, издаваемаго извѣстными представителями науки уголовнаго права въ Германіи, каковы: Бернеръ, Глазеръ, Озенбрюгенъ, Цахаріэ, Шварце, Гіе-Глюнекъ и пр. Вступивъ нынѣ въ двадцать третій годъ своего существованія, журналъ этотъ, говоря вообще, остался вѣренъ своему давнему направленію—служить проводникомъ правильныхъ *научныхъ* воззрѣній въ сферѣ уголовнаго права и уголовнаго процесса; но при этомъ нельзя не сказать, что въ послѣднее время въ содержаніи его замѣчается нѣкоторая блѣдность, нѣкоторое отсутствіе жизненности. Въ вышедшихъ доселѣ четырехъ тетрадяхъ этого двухмѣсячнаго журнала можно указать на двѣ статьи, которыя выдѣляются въ ряду прочихъ интересомъ своего содержанія и сравнительно живымъ, яснымъ изложеніемъ. Одна изъ нихъ трактуетъ *Объ уголовномъ правѣ по отношенію къ телеграфу* (Das Telegraphen-Strafrecht) другая *О свидѣтеляхъ и экспертахъ на судебномъ слѣдствіи.*

Вотъ вкратцѣ содержаніе первой статьи.

Возникшія съ изобрѣтеніемъ телеграфа правовыя отношенія лишь медленно входятъ въ кругъ дѣятельности законодательствъ. Объясняется это частью сравнительною новизною, недавностью изобрѣтенія, частью же тою подвижностью и измѣнчивостью,

которыя въ такой степени характеризуютъ его развитіе, такъ что недоставало сколько-нибудь твердаго, устойчиваго основанія, на коемъ законодательство въ своихъ опредѣленіяхъ могло бы опереться. Такимъ образомъ въ сферѣ гражданскаго права законодательство во всѣхъ странахъ оставалось доселѣ относительно телеграфа въ положеніи почти совершенно страдательномъ. Затѣмъ въ уголовныхъ кодексахъ европейскихъ державъ уже рано, правда, встрѣчаются карательныя постановленія, вызванныя потребностью дать законную охрану новоизобрѣтенному способу корреспонденціи; но постановленія эти страдаютъ крайнею отрывочностью, неполнотой, и только въ новомъ уложеніи Германской Имперіи сдѣлана попытка, хотя и не вполнѣ удачная, по возможности обнять связанные съ телеграфомъ преступленія и проступки и привести ихъ въ систему.

Что касается до науки права, то любопытно, что нѣмецкая литература отстала въ этомъ случаѣ отъ французской и итальянской. Первое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, спеціально посвященное „телеграфному праву“, вышло лишь въ 1871 году *); до того времени о предметѣ этомъ трактовалось въ отдѣльныхъ, разсѣянныхъ по юридическимъ журналамъ статьяхъ **), между тѣмъ какъ уже прежде появились особыя сочиненія о телеграфномъ правѣ въ Италіи ***) и Франціи ****). Всѣ эти сочиненія, однако, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ гражданскія юридическія отношенія, порождаемыя путемъ телеграфныхъ сношеній; уголовнаго же телеграфнаго права они едва касаются. Пополнить этотъ пробѣлъ въ юридической литературѣ — такова попытка, которую предпринялъ авторъ названной выше статьи въ *Gerichtssaal* о „телеграфно-уголовномъ правѣ“, д-ръ Дамбахъ (юрисконсультъ при главной дирекціи телеграфовъ въ Берлинѣ), держась при томъ преимущественно постановленій германскаго уголовнаго кодекса.

Совокупность обусловленныхъ телефрафомъ преступныхъ дѣяній авторъ подраздѣляетъ на *пять* большихъ группъ, а именно: I. проступки противъ исключительнаго права государства на устройство телеграфныхъ сообщеній; II. проступки противъ теле-

---

*) Das Telegraphen Recht, von *Dr. Meili*.

**) Списокъ этихъ статей см. у Мейли.

***) *Serafini*, il telegrapho in relazione alla giurisprudenza civile e commerciale. Pavia. 1862. Сочиненіе это перевелъ на французскій языкъ и снабдилъ примѣчаніями Лавьяль де-Ламельеръ.

****) *Hepp*, de la correspondance privée postale ou télégraphique dans ses rapports avec le droit civil, le droit commercial, le droit administratif et le droit pénal. Paris. 1864.

графныхъ сооруженій и пр.; III. проступки относительно выпущенныхъ телеграфнымъ управленіемъ марокъ телеграфныхъ; IV. проступки, совершаемые должностными лицами телеграфнаго управленія и другими служащими при телеграфѣ; V. проступки, посредствомъ телеграфа учиняемые.

I. Телеграфная регалія впервые установлена была во Франціи (декретъ 27 декабря 1851). За нарушеніе ея положены — тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до одного года и денежный штрафъ отъ 1000 до 10,000 фр. Примѣру Франціи въ провозглашеніи телеграфной регаліи послѣдовали вскорѣ нѣкоторыя другія державы (Нидерланды, Швейцарія и пр.). Въ Германіи же, до учрежденія Сѣверо-Германскаго Союза, телеграфная регалія существовала въ одной лишь Саксоніи, и только союзная, а съ нею имперская конституція провозгласила телеграфъ учрежденіемъ государственнымъ. Но при этомъ въ имперскомъ уголовномъ кодексѣ оказывается пропускъ, а именно: не опредѣлено какому наказанію подлежатъ нарушители этого права государства.

II. Какія именно телеграфныя сооруженія пользуются покровительствомъ закона? По мнѣнію нашего автора, тѣ только, что служатъ для публичнаго употребленія, а не для частныхъ цѣлей; въ этомъ смыслѣ толкуетъ онъ выраженія германскаго уголовнаго кодекса „предназначенныя для публичныхъ цѣлей (öffentliche Zwecke) телеграфныя сооруженія“, выдѣляя изъ числа таковыхъ тѣ телеграфы, которые не принимаютъ депешъ отъ публики, хотя устроены и не исключительно для пользы частныхъ лицъ; такъ, наримѣръ, линіи, связывающія между содою отдѣльныя министерства, или устроенныя внутри зданія парламента, или соединяющія каменно-угольныя станціи желѣзной дороги съ бангофомъ, или служащія для регулированія газовыхъ и водопроводныхъ сооруженій города, и пр. За умышленное поврежденіе такихъ, предоставленныхъ общему пользованію телеграфныхъ учрежденій, имѣвшее послѣдствіемъ задержку или разстройство въ ихъ дѣйствіи, германскій законъ назначаетъ тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ; если же такое поврежденіе произведено по неосторожности, то заключеніе въ тюрьмѣ до одного года или денежный штрафъ до трехсотъ талеровъ (ст. 317 и 318 имп. угол. код.) О простыхъ полицейскихъ нарушеніяхъ телеграфныхъ порядковъ кодексъ особыхъ узаконеній не содержитъ.

Въ предлежавшемъ рейхстагу проектѣ уложенія полагалось сверхъ того усилить наказаніе въ случаѣ, если вслѣдствіе поврежденія телеграфа причинятся кому-либо тяжкое увѣчье или смерть. Предположеніе это, однако, не прошло, ибо при обсуж-

деніи въ рейхстагѣ возникло сомнѣніе въ возможности такого случая, когда чрезъ замедленіе или замѣшательство въ телеграфныхъ сообщеніяхъ наносится человѣку увѣчье или смерть, а депутатъ Ласкеръ прямо заявилъ, что онъ при всѣхъ усиліяхъ не можетъ даже представить себѣ такой случай. Указывая, съ своей стороны, что такой случай очень возможенъ, авторъ излагаемой нами статьи выводитъ отсюда, какъ неудобно вообще издавать законы, спеціально относящіеся до техническихъ предметовъ, не обладая потребными техническими свѣдѣніями и не справляясь съ ними.

Ш. Телеграфныя марки, на подобіе почтовыхъ, введены были сначала въ Пруссіи (1864 г.), затѣмъ въ Испаніи и послѣдовательно въ Бельгіи, Франціи, Даніи, Англіи, Сѣверо-Германскомъ Союзѣ, Баваріи и Швейцаріи. При назначеніи наказаній за поддѣлку этихъ марокъ въ однихъ законодательствахъ (какъ въ баварскомъ) сдѣлана просто ссылка на отдѣлъ наказаній за обманъ, въ другихъ же (какъ въ Бельгіи, Франціи и Швейцаріи) опредѣленія о поддѣлкѣ марокъ почтовыхъ перенесены на марки телеграфныя.

Проступки относительно телеграфныхъ марокъ суть: а) поддѣлка марокъ и б) пользованіе марками, уже бывшими въ употребленіи. Германскій уголовный кодексъ предусматриваетъ только первый сличай, то-есть поддѣлку, назначая за нее тюремное заключеніе не ниже трехъ мѣсяцевъ (ст. 275); относительно же пользованія марками, потерявшими свою цѣнность, въ виду молчанія кодекса, остаются въ силѣ, по словамъ д-ра Дамбаха, постановленія союзнаго закона отъ 16-го мая 1869 г. о введеніи телеграфныхъ марокъ, а именно: совершившій означенный проступокъ подвергается взысканію четверной за марку пошлины.

IV. Преступленія и проступки должностныхъ лицъ телеграфнаго управленія, связанные съ особыми условіями ихъ службы, состоятъ, во первыхъ, въ поврежденіи ими телеграфныхъ сооруженій и, во вторыхъ, въ подлогѣ депешъ и нарушеніи тайны телеграммъ.

За поступки, имѣвшіе послѣдствіемъ поврежденіе телеграфа, служащіе при ономъ подлежатъ дѣйствію тѣхъ же упомянутыхъ выше статей 317 и 318, въ коихъ предусмотрѣны таковые же поступки, совершенные частными лицами; но законъ счелъ нужнымъ силу этихъ статей распространить сверхъ того и на „небрежное исполненіе долга“ телеграфными чиновниками, повлекшее за собою остановку или замѣшательство въ дѣйствіи телеграфа. Опредѣленіе это г. Дамбахъ находитъ чрезмѣрно строгимъ, ибо,

по словамъ его, противъ *небрежности* въ исполненіи долга справедливѣе употреблять мѣры дисциплинарныя, а не уголовныя.

Разбирая затѣмъ ст. 355 имп. угол. код. (подлогъ телеграммъ и нарушеніе тайны оныхъ) авторъ останавливается въ особенности на томъ опредѣленіи этой статьи, коимъ гарантируются тайна и неприкосновенность телеграфной корреспонденціи. Законъ наказываетъ заключеніемъ въ тюрьмѣ не ниже трехъ мѣсяцевъ чиновниковъ телеграфнаго вѣдомства, которые „вскроютъ или утаятъ депеши въ случаяхъ, закономъ не предусмотрѣнныхъ, или недозволеннымъ образомъ сообщатъ кому-либо содержаніе оныхъ". Редакція эта, по замѣчанію г. Дамбаха, возбуждаетъ недоразумѣніе: изъ нея оказывается, что вскрытіе и утайки депешъ должны подлежать наказанію всякій разъ, когда на то нѣтъ особаго *закона*, между тѣмъ какъ передача третьему лицу содержанія депеши должна пройти безнаказанно для служащаго, если на передачу эту имѣлось *дозволеніе* хотя бы не закона, а только начальства. Непонятно, почему такая разница во взглядѣ, почему вскрытіе или утайка депеши должны быть наказаны строже, чѣмъ сообщеніе содержанія ея третьему лицу

V. Къ преступленіямъ и проступкамъ, непосредственнымъ орудіемъ которыхъ можетъ послужить телеграфъ, авторъ относитъ преимущественно подлогъ акта и оскорбленіе. Не каждая телеграмма подходитъ подъ понятіе акта, а лишь такія, которыя, по выраженію германскаго уголовнаго кодекса (ст. 297), важны для доказательства какихъ-либо правовыхъ отношеній, напримѣръ, торговыя, коммиссіонныя и пр. Кто подложно, подъ чужимъ именемъ, изготовитъ такую, имѣющую значеніе документа, телеграмму, или въ подлинной учинитъ поддѣлку и снесетъ оную на телеграфную станцію для отправки, тотъ становится виновнымъ въ подлогѣ документа. Что касается затѣмъ до наносимаго чрезъ телеграфъ оскорбленія чести, то г. Дамбахъ полагаетъ, что такое оскорбленіе не можетъ почитаться *публичнымъ*, ибо въ намѣреніи отправителя только доставить оскорбительную телеграмму по адресу, а не предавать ее гласности; телеграфные же чиновники обязаны строжайшимъ молчаніемъ о депешахъ, чрезъ нихъ пересылаемыхъ. Наконецъ, по вопросу о томъ, когда должно считать оконченнымъ оскорбленіе, причиняемое чрезъ отсылку телеграфической депеши, авторъ того мнѣнія, что оскорбленіе совершилось какъ только депеша открыто передана телеграфной станціи для отправки. Въ такомъ же смыслѣ высказался и судъ, приговоривъ къ наказанію подсудимаго, обвинявшагося въ отправкѣ изъ Брауншвейга въ Гитцингъ (резиденцію бывшаго короля Ганноверскаго) телеграммы, которая содержала оскорбленіе чести его величества короля Прусскаго, хотя теле-

грамма эта и не дошла еще по назначенію, а была перехвачена на пути.

Въ статьѣ „О призывѣ свидѣтелей и экспертовъ къ судебному слѣдствію и о приводѣ ихъ къ присягѣ“, авторъ ея, оберъ-прокуроръ Гаагеръ, возстаетъ противъ столь распространеннаго, по его словамъ, въ германской судебной практикѣ обычая вызывать къ судебному слѣдствію всѣхъ почти свидѣтелей и экспертовъ, которые спрошены были на предварительномъ слѣдствіи, хотя бы показанія ихъ относились къ обстоятельствамъ неважнымъ. Это ведетъ лишь къ потерѣ времени, къ обремененію вниманія присяжныхъ, напрасно растягивая и замедляя судебное производство. Затѣмъ относительно присяги свидѣтелей и экспертовъ авторъ также порицаетъ практику германскихъ судовъ, по которой присяга отбирается отъ всѣхъ дающихъ показанія на судебномъ слѣдствіи. Слишкомъ частое употребленіе присяги способно лишь умалить важность и святость этого акта. Авторъ совѣтуетъ держаться въ этомъ случаѣ порядка, предписываемаго законодательствами Швейцаріи, по которому свидѣтели и эксперты приводятся къ присягѣ лишь тогда, когда этого требуютъ прокуроръ или обвиняемый, или когда это сочтетъ нужнымъ судъ.

Изъ прочихъ, помѣщенныхъ въ *Gerichtssaal* статей укажемъ на пространное, съ обычною основательностью автора изложенное, но довольно скучное изслѣдованіе Глазера о томъ „какъ проведено начало: *non bis in idem* въ уголовныхъ процессахъ англійскомъ и французскомъ.“

II.

Новѣйшія сочиненія по уголовному праву.

Желая посильно содѣйствовать вашему журналу, я предлагаю свои услуги по части юридической библіографіи и на первый разъ сообщаю вамъ то немногое, что мнѣ удалось собрать о вновь вышедшихъ книгахъ по уголовному праву. Малочисленность появившихся за послѣднее время въ Германіи и Франціи юридическихъ сочиненій обусловливается недавнею войной. Только съ прекращеніемъ братоубійственной рѣзни двухъ великихъ народовъ юридическій трудъ начинаетъ мало по малу появляться на свѣтъ.

Studien ueber den strafbaren Betrug v. D-r Grezzicki. Lemberg. (Изслѣдованіе о наказуемомъ обманѣ. Гречицкаго).

Для наказуемости обмана, по мнѣнію автора, необходимы три условія.

1) Имущественное право, какъ объектъ преступленій.

2) Дѣйствіе, коимъ, посредствомъ сокрытія истины, нарушаются чьи-либо имущественныя права,

и 3) умыселъ (dolus).

Авторъ разсматриваетъ относительно перваго условія вопросы о нарушеніи будущихъ правъ, правъ казны, права владѣнія; излагаетъ ученіе объ обманѣ при недозволенныхъ сдѣлкахъ; объ обманѣ въ дѣлахъ кредитныхъ и т. д.

Относительно втораго условія авторъ занимается преимущественно спорнымъ вопросомъ о томъ, насколько возможенъ обманъ посредствомъ одного простаго умолчанія. Затѣмъ указываетъ на значеніе воли въ гражданскомъ процессѣ, ложныхъ свѣдѣній, прошеній милостыни подъ вымышленнымъ предлогомъ и т. д.

Касаясь третьяго условія, авторъ разбираетъ вопросъ о необходимости animus lucri faciendi, о тождествѣ лицъ обманутаго и потерпѣвшаго, о совершеніи преступленіи и наказанія за него.

Отъ подлога обманъ отличается въ принципѣ тѣмъ, что пер-

вое есть *публичное* преступленіе, нарушеніе publica fides, а послѣднее *частное* преступленіе. Отсюда послѣдовательно выводится ненаказуемость поддѣлки частныхъ документовъ. Въ книгѣ еще трактуется объ отношеніи обмана къ конкурренціи и о банкротствѣ. Введеніемъ въ книгу служитъ историко-догматическое изложеніе понятій объ обманѣ, а заключеніемъ — разборъ новѣйшаго австрійскаго проекта уголовнаго кодекса.

Ueber das Periculum beim Kaufe v. D-r Hophmann Wien (О страхѣ или рискѣ при договорѣ купли-продажи).

То начало, что этотъ рискъ по заключеніи договора купли-продажи переходитъ на покупщика, принадлежитъ къ числу особенностей древнеримскаго права. Германское право держится противоположнаго воззрѣнія, которое по мнѣнію автора и соотвѣтствуетъ юридическому сознанію новаго времени. Изъ этой именно точки и исходятъ прусскіе и австрійскіе гражданскіе законы, Code civil и общегерманское торговое право. Авторъ разсматриваетъ условные договоры этого рода, срочные и коммиссіонерные, покупки на пробу и по пробѣ, альтернативныя покупки, куплю будущихъ вещей и т. д. Тутъ же излагается вопросъ о страхованіи. Все изложеніе—сравнительное.

Вѣнская общая судебная газета издала сборникъ избранныхъ рѣшеній кассаціоннаго суда за 1869 и 1870 года, а D-r Шимковскій—сборникъ рѣшеній того же суда по всѣмъ вопросамъ уголовнаго и гражданскаго права. Первый содержитъ 13 рѣшеній, относящихся къ уголовному судопроизводству. Въ сборникѣ излагается какъ содержаніе дѣла, такъ и нерѣдко содержаніе доклада. Главнымъ образомъ разработано ученіе о постановкѣ вопросовъ присяжнымъ. Книга Шимковскаго расположена по кодексамъ и распадается на 16 отдѣловъ, изъ которыхъ 13-й и слѣдующіе относятся къ уголовному праву и процессу. При краткомъ изложеніи существа дѣла, авторъ главнымъ образомъ разработалъ тезисы права. Авторъ указываетъ газеты, журналы и т. п. источники, откуда онъ собралъ матеріалы. Книга снабжена хорошими указателями.

Ueber den dolus beim Diebstahl. v. D-r Ullmann. Prag. (Объ умыслѣ въ кражѣ. Ульмана).

Въ этомъ сочиненіи, написанномъ съ знаніемъ дѣла и ясностью, авторъ становится въ ряды противниковъ такъ называемаго lucri animus. По его мнѣнію умыселъ въ кражѣ идетъ лишь на то, чтобы посредствомъ похищенія завладѣть чужою вещью. Авторъ думаетъ, что корыстное намѣреніе никоимъ образомъ не можетъ служить признакомъ кражи, какъ по самой сущности этого намѣренія, такъ и потому, что оно изъято изъ области судебныхъ

доказательствъ. Въ первой части своего изслѣдованія авторъ излагаетъ ученіе о древне-римскомъ furtum въ связи съ вопросомъ объ animus lucri, которое хотя и считалось однимъ изъ главныхъ признаковъ умысла, но не было послѣдовательно выдержано. Римское право вообще не шло далѣе animus rem sibi habendi. Авторъ характеризуетъ умыселъ по германскому, французскому и русскому праву, разбираетъ взглядъ кодекса сѣверо-германскаго союза и новаго общегерманскаго уложенія. Онъ не соглашается съ воззрѣніемъ перваго, ибо въ немъ корыстное намѣреніе считается существеннымъ признакомъ; не удовлетворяется также и послѣднимъ, ибо въ немъ все таки указывается цѣль, для которой похититель предназначаетъ похищенную вещь. По мнѣнію автора, кража остается кражей и въ томъ случаѣ, еели вещь похищена съ цѣлью разрушить ее. Этимъ онъ становится въ противорѣчіе съ господствующимъ ученіемъ, по которому цѣль похищенія опредѣляетъ юридическій характеръ дѣянія, при чемъ эта цѣль не должна быть смѣшиваема съ „знаніемъ о послѣдствіяхъ.“ Тотъ, кто похищаетъ вещь съ цѣлью разрушить ее, совершаетъ похищеніе потому только, что иначе онъ не можетъ разрушить вещь. Еслибы онъ могъ это сдѣлать иначе, то ему не было бы надобности похищать. Завладѣніе вещью въ подобномъ случаѣ далеко не такъ существенно, какъ тогда напримѣръ, когда похититель хочетъ самъ воспользоваться вещью или подарить ее другому. Если похищеніе произведено съ цѣлью нанести другому ущербъ посредствомъ лишенія его вещей, необходимыхъ, напримѣръ, для работъ, то и въ этомъ случаѣ, несмотря на новый мотивъ, фактъ присвоенія и держанія вещи остается тотъ же. Авторъ излагаетъ различіе между кражей и самоуправнымъ завладѣніемъ и подробно разсматриваетъ вопросъ о кражѣ документовъ (за исключеніемъ тѣхъ, коими доказывается право собственности). По мнѣнію автора кража документовъ только тогда можетъ быть признаваема кражей, когда они, по своему антикварному или какому либо иному значенію, имѣютъ самостоятельную цѣнность, такъ что отсутствіе экономической цѣнности документа ведетъ къ тому, что дѣяніе, имѣющее всѣ признаки кражи, не можетъ быть признано таковою, потому что оно не затрогиваетъ имущественныхъ правъ лица потерпѣвшаго. Противъ этого вывода можно возразить, что документы, бумаги, независимо отъ своей цѣнности, составляютъ предметъ имущественнаго права и что для понятія о „чужомъ имуществѣ“ не требуется понятія о цѣнности его.

Zur Lehre von den gewerbs- und gewohnheitsmäszigen Verbre-

chen v. Dr. Dochow. Jena (Къ ученію о преступленіяхъ въ видѣ ремесла или постоянно *).

Ремесломъ авторъ признаетъ постоянное занятіе, направленное къ наживѣ, занятіе, при которомъ имѣется въ виду неопредѣленный рядъ одинаковыхъ или однородныхъ дѣяній. Привычка возникаетъ изъ болѣе ими менѣе частаго повторенія извѣстнаго дѣянія. Центръ тяжести преступнаго ремесла авторъ полагаетъ въ томъ, что виновный имѣетъ тутъ въ виду болѣе или менѣе продолжительный источникъ доходовъ. Воля его направлена на совершеніе преступленій, число и время которыхъ остаются неопредѣленными. Въ этой неопредѣленности, но тѣмъ не менѣе твердости воли и лежатъ признаки особенной наказуемости. Поэтому достаточно *одного* преступленія для признанія того, что оно совершено въ видѣ ремесла; при этомъ безразлично, въ чемъ состоитъ нажива, также какъ и то, составляетъ ли это ремесло источникъ существованія даннаго лица. Преступленіе, совершаемое постоянно, принадлежитъ собственно къ рецидивамъ и для признанія своего требуетъ предшествующее одинаковое преступленіе. Авторъ полагаетъ, что первое понятіе должно быть точно опредѣлено въ законѣ, а второе совершенно откинуто.

Предметъ настоящей книги весьма мало разработанъ, а потому сочиненіе Дохова (доцента гейдельбергскаго университета), отличающееся ясностью и простотою изложенія, основательнымъ изученіемъ источниковъ и вѣрностью сужденій, можетъ быть смѣло отнесено къ числу лучшихъ явленій въ уголовной литературѣ текущаго года.

Л. А. Куперникъ.

---

*) Эти термины взяты нами изъ ст. 931 улож. о нак. и 180 уст. о нак. нал. мир. суд. Они не вполнѣ точно переводятъ нѣмецкія слова, въ особенности второе, которое вѣрнѣе было бы обозначить словами „по привычкѣ.

CONCORDIA RES PARVAE CRESCUNT *).

Помѣщаемыя ниже мнѣнія членовъ коммиссіи объ общихъ собраніяхъ присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты не лишены интереса. Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, состоящее при судебныхъ мѣстахъ, учреждено, какъ извѣстно, судебными уставами 20 ноября 1864 года. Хотя права, обязанности и отвѣтственность членовъ и опредѣлены закономъ (353—406 ст. учр. суд. устан.), тѣмъ не менѣе многое осталось непредусмотрѣннымъ и подлежащимъ разрѣшенію путемъ обычая и опыта. Дальнѣйшее развитіе нашей адвокатуры очевидно должно зависѣть отъ степени нравственности, знанія и честности убѣжденія первѣйшихъ ея представителей. Поэтому мысль объ общихъ собраніяхъ ихъ заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія. Многолѣтняя практика выдвинула немалое число вопросовъ первостепенной важности. Такъ, въ интересахъ охраненія достоинства суда, желательно, чтобы сословіе присяжныхъ повѣренныхъ установило болѣе правильныя отношенія его на судѣ, какъ къ судебнымъ мѣстамъ, такъ и къ прокуратурѣ. Необходимо также и соглашеніе относительно порядка сношеній присяжныхъ повѣренныхъ между собою по дѣламъ, касающимся ихъ обязанностей и установленіе правилъ объ отношеніяхъ ихъ къ подсудимымъ и тяжущимся; далѣе не лишне было бы обратить вниманіе: на установленіе правильной очереди въ исполненіи присяжными повѣренными обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ предсѣдателями судебныхъ мѣстъ; на учрежденіе правилъ о замѣнѣ другъ друга на судѣ, въ случаяхъ, когда одному изъ нихъ, по уважительнымъ причинамъ, не предстоитъ возможности исполнить возложеннаго порученія; на сношеніе между собою присяжныхъ повѣренныхъ, въ разныхъ городахъ округа находящихся, съ цѣлью взаимной помощи въ дѣлахъ; на учрежденіе консультаціи, преимущественно для людей бѣднаго состоянія, нуждающихся въ добрыхъ и про-

*) См. въ іюльской книжкѣ Юридическаго Вѣстника „Замѣтка редакціи по поводу собраній присяжныхъ повѣренныхъ“.

свѣщенныхъ совѣтахъ; на устраненіе въ средѣ самаго сословія духа спекуляціи и коммерческаго взгляда, недостойныхъ общественнаго значенія и истинныхъ цѣлей адвокатуры; на усиленіе надзора, чтобы лица, не принадлежащія къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, не присвояли себѣ этого званія; на установленіе болѣе точныхъ правилъ о правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ; на учрежденіе и содержаніе стенографовъ отъ корпораціи, что было бы великою поддержкою для гласности; на учрежденіе кассы для вспомоществованія присяжныхъ повѣренныхъ, впадшихъ по несчастнымъ случаямъ въ бѣдность; на пріобрѣтеніе общей библіотеки, выписку журналовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, что общія собранія сблизятъ между собою присяжныхъ повѣренныхъ, установятъ нѣкоторую общность во взглядахъ на ихъ права и обязанности и вообще возвысятъ духъ сословія. Къ сожалѣнію у насъ изстари такъ заведено, что прежде чѣмъ приступимъ къ дѣлу—годы проходятъ въ составленіи уставовъ. Да къ чему и эти послѣдніе послужатъ, если люди, для которыхъ они пишутся, не вполнѣ проникнутся живою мыслью и пламеннымъ желаніемъ общаго союза, съ цѣлью служить только правдѣ и закону. *Ред.*

МНѢНІЕ

двухъ членовъ: С. С. Шайкевича и Я. И. Любимцева.

Объ участіи присяжныхъ повѣренныхъ въ обсужденіи вопросовъ общаго для нихъ интереса.

29 сентября 1870 года, въ общемъ собраніи нашемъ, высказана была мысль о необходимости періодическихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ судебнаго округа, для участія въ обсужденіи вопросовъ, касающихся интересовъ всего сословія. При этомъ обращено было вниманіе на то, что крѣпость корпоративныхъ началъ и правила, свойственныя нашему званію, тогда только достигнутъ должнаго развитія, когда всѣ члены примутъ участіе въ жизни сословія, когда между членами его не будетъ той розни, которая, ослабляя общую идею учрежденія, выдвигаетъ на первый планъ личный интересъ, едва-ли достаточный для достиженія тѣхъ высокихъ качествъ адвоката, которыя отличаютъ его отъ обыкновеннаго коммиссіонера или ходатая.

Въ виду того, что 367 ст. учр. суд. уст. на ряду съ закономъ признаетъ обязательность для присяжныхъ повѣренныхъ *установленныхъ* правилъ, въ отдѣльности въ законѣ не исчисленныхъ,—многіе справедливо указывали на то, что эти правила устанавляются вездѣ самою жизнію сословія адвокатовъ, сообразно ихъ нуждамъ и потребностямъ. Поэтому для того, чтобы дать возможность высказаться послѣднимъ, необходимо въ принципѣ признать за присяжными повѣренными право участія въ собраніяхъ, для обсужденія общихъ вопросовъ и для установленія руководящихъ для дѣятельности правилъ или обычаевъ.

Сколь ни справедливы эти соображенія, приведенныя въ пользу частныхъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ,—они вызвали однакожъ возраженія, основанныя скорѣе на доводахъ формальныхъ, нежели дѣйствительныхъ. Указывали на то, что закономъ эти частныя собранія не установлены; что для наблюденія за дѣятельностію присяжныхъ повѣренныхъ имѣется совѣтъ, который въ надлежащихъ случаяхъ разъяснитъ, что согласно и что противно званію адвоката, и такимъ образомъ правила наши установятся путемъ практики совѣта.

Но доводы эти не могли поколебать громкихъ заявленій о необходимости частныхъ собраній съ указанною выше цѣлью. Если въ законѣ положительно и не установлены эти собранія, то отсюда еще нельзя вывести того, что они запрещены. Напротивъ, изъ всего положенія о присяжныхъ повѣренныхъ видно, что вмѣстѣ съ судебною реформою въ Россіи введено адвокатское сословіе, въ смыслѣ особаго учрежденія, имѣющаго свое единство, свои права и обязанности, свой корпоративный духъ. Этому сословію ежегодно долженъ быть представленъ отчетъ о дѣйствіяхъ совѣта за минувшій судебный годъ (ст. 364 учр. суд. уст.); оно предъ выборами въ общемъ собраніи опредѣляетъ законный составъ своего совѣта (ст. 361); оно изъ своей среды избираетъ свой особый при судебной палатѣ совѣтъ (367 ст.), который наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ на себя присяжными повѣренными обязанностей (п. 2. ст. 367). А если это такъ, если присяжные повѣренные дѣйствительно образуютъ собою адвокатское сословіе, то можно-ли допустить, что законъ хотѣлъ ограничить сходки ихъ лишь однимъ случаемъ, когда нужно избрать совѣтъ для надзора за дѣйствіями товарищей. Такое положеніе едва-ли допустимо: каждая корпорація прежде всего держится своими членами. Отсюда необходимость собраній, которыя одни въ состояніи поддержать духъ единства и нравственной дисциплины.

Едва-ли также справедливо и то, что путемъ практики совѣта

могутъ установиться тѣ правила, которыя законъ дѣлаетъ обязательными для всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Не подлежитъ конечно никакому сомнѣнію, что сентенціи совѣта, составленнаго изъ опытнѣйшихъ товарищей нашихъ, всегда будутъ пользоваться нашимъ уваженіемъ и служить намъ руководствомъ. Но едва-ли совѣтъ, по самому назначенію своему, можетъ одинъ содѣйствовать полнѣйшему и всестороннѣйшему развитію адвокатской жизни, установить и упрочить правила, званію нашему свойственныя. Даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ адвокатура можетъ указать на столѣтія своего цвѣтущаго бытія, сословіе это не развивалось одною практикою своихъ совѣтовъ. На ряду съ ними всегда существовали, и нынѣ въ обычаѣ, частныя конференціи, служащія къ укрѣпленію какъ единства учрежденія, такъ и для развитія способностей своихъ членовъ. Не ясно-ли отсюда, что и у насъ одинъ совѣтъ едва-ли рѣшитъ принять на себя роль установителя общихъ для сословія правилъ, когда ему самому подчасъ не безполезно выслушивать голосъ прочихъ членовъ и принять его къ свѣдѣнію при практической своей дѣятельности.

Эти и многія другія соображенія служили основаніемъ къ принятому въ общемъ собраніи, отъ 29 сентября 1870 года, положенію, коимъ за присяжными повѣренными признано въ принципѣ право собираться въ частныя собранія для участія въ обсужденіи вопросовъ, касающихся нуждъ и потребностей всего сословія.

4-го октября того же года собравшіеся присяжные повѣренные избрали коммиссію для разработки нѣкоторыхъ правилъ, необходимыхъ для уясненія какъ предмета занятія этихъ частныхъ собраній, такъ и порядка созыва ихъ. Коммиссія эта, составленная изъ пяти членовъ: Б. У. Бениславскаго, В. И. Кохнова, С. С. Шайкевича, Я. И. Любимцева и А. А. Герике,—имѣла по этому предмету нѣсколько собраній и послѣ продолжительныхъ совѣщаній, выработала пять руководящихъ положеній, которыя нынѣ и представляются на усмотрѣніе и утвержденіе настоящаго общаго собранія.

Правила, выработанныя коммиссіей, суть слѣдующія:

§ 1. Каждый изъ присяжныхъ повѣренныхъ округа можетъ возбуждать вопросы по предметамъ общаго для нихъ интереса.

§ 2. Желающій возбудить по такому предмету вопросъ подаетъ о томъ въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ заявленіе, въ которомъ по возможности указываются и самые способы къ его рпзрѣшенію.

§ 3. До постановленія по возбужденному вопросу опредѣленія, совѣтъ, если признаетъ нужнымъ, выслушиваетъ по оному мнѣ-

ніе собранія присяжныхъ повѣренныхъ округа, которые приглашаются для сего въ залу засѣданій.

§ 4. Опредѣленія совѣта по возбужденному и разрѣшенному вопросу признаются въ подлежащихъ случаяхъ *правиломъ*.

§ 5. Наблюденіе за исполненіемъ такихъ опредѣленій принадлежитъ совѣту на общемъ основаніи.

Въ этихъ немногихъ постановленіяхъ, по мнѣнію коммиссіи, высказаны главныя основанія занимающаго насъ вопроса. Прежде всего правила эти признаютъ пользу участія всего сословія въ разрѣшеніи вопросовъ общаго интереса. На основаніи § 3, до постановленія своего опредѣленія по такому вопросу, совѣтъ, если признаетъ нужнымъ, выслушиваетъ мнѣніе собранія присяжныхъ повѣренныхъ. Опредѣленіе совѣта, которое въ важныхъ случаяхъ постановлено будетъ при участіи членовъ сословія, признается *правиломъ*, за исполненіемъ котораго наблюдаетъ совѣтъ на общемъ основаніи. Такимъ образомъ, къ совѣщаніямъ совѣта привходитъ тотъ живой элементъ, который признанъ необходимымъ при обсужденіи вопросовъ общаго интереса. Кромѣ того, самое возбужденіе этихъ вопросовъ предоставляется иниціативѣ каждаго присяжнаго повѣреннаго, заявленіе котораго принимается совѣтомъ и обсуживается имъ.

Но если съ одной стороны иниціативѣ каждаго присяжнаго повѣреннаго и участію всѣхъ въ приведенныхъ правилахъ придается немаловажное значеніе, то съ другой стороны необходимо было также выразить, въ какой мѣрѣ это участіе полезно и въ какомъ отношеніи собранія должны находиться къ совѣту.

Необходимо уяснить себѣ, что собранія, о которыхъ идетъ рѣчь, не вызваны недовѣріемъ къ совѣту и желаніемъ контролировать его дѣйствія. Напротивъ, мы не можемъ, не впадая въ противорѣчіе, не признать, что центромъ нашего сословія долженъ быть совѣтъ, *составленный изъ уважаемыхъ товарищей нашихъ*. Въ адвокатскихъ корпораціяхъ всѣхъ свободныхъ государствъ совѣтъ всегда является представителемъ чести и достоинства сословія. Онъ блюдетъ чистоту обычаевъ, онъ хранитъ преданія о славныхъ дняхъ корпораціи и о лучшихъ его дѣятеляхъ; онъ поддерживаетъ тотъ элементъ въ обществѣ, который держитъ въ равновѣсіи вѣсы правосудія, весьма часто подверженныя колебаніямъ человѣческихъ страстей. Какія славныя имена встрѣчаемъ мы въ рядахъ этихъ совѣтовъ; какіе примѣры подавали они своимъ товарищамъ и какую охрану представляли они при покушеніяхъ на права адвокатовъ! Совѣтъ есть тотъ источникъ, откуда каждый членъ корпораціи черпаетъ силы, увѣренность и твердую вѣру въ свою дѣятельность.

Не тоже ли самое должно быть и у насъ? Можемъ ли мы до-

пустить, чтобы въ насъ самихъ существовало недовѣріе къ выборному совѣту. Согласно ли будетъ съ достоинствомъ нашимъ, если мы пожелаемъ воздвигнуть надъ личностями, облеченными нашимъ довѣріемъ, контроль всего собранія, и притомъ не при окончаніи года, а такъ сказать въ каждую минуту дѣятельности совѣта, при каждомъ шагѣ его движенія? Не превратимъ ли мы такимъ образомъ совѣтъ въ простую канцелярію общаго собранія и не окажемъ ли мы избраннымъ въ составъ его личностямъ неуваженіе вмѣсто вниманія за ихъ достоинства?

Очевидно, не такова мысль закона, предоставившаго намъ избраніе совѣта изъ среды себя, не таковы и общія понятія объ этомъ учрежденіи.

Совѣтъ вездѣ и всегда долженъ оставаться ядромъ нашего общества, источникомъ его силы и славы.

Если такимъ образомъ общія собранія вызваны не недовѣріемъ къ совѣту и основаніе допущенія ихъ къ участію въ обсужденіи вопросовъ общаго интереса кроется въ необходимости предоставить совѣту возможность руководствоваться голосомъ всего сословія, то очевидно, что самому совѣту необходимо предоставить разрѣшить въ каждомъ случаѣ, сообразно важности вопроса, предстоитъ ли надобность созвать общее собраніе, или нѣтъ. Съ этою цѣлью въ § 3-мъ приглашеніе присяжныхъ повѣренныхъ къ участію въ обсужденіи общаго вопроса и поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія совѣта.

Независимо отъ этого главнаго соображенія, коммиссія не могла согласиться съ мнѣніемъ объ обязательности для совѣта созыва общаго собранія по требованію нѣсколькихъ присяжныхъ повѣренныхъ еще потому вопервыхъ, что опытъ доказалъ, какъ трудно бываетъ часто созывать многочисленныя собранія, въ виду особенно того, что многіе изъ членовъ живутъ не въ Москвѣ; вовторыхъ, что не представляется достаточныхъ основаній по заявленію двухъ или трехъ присяжныхъ повѣренныхъ о необходимости созвать общее собраніе отдавать предпочтеніе мнѣнію совѣта объ этомъ же предметѣ, и втретьихъ, въ виду краткаго срока, на который избирается совѣтъ, и того обстоятельства, что въ годовомъ отчетѣ его упомянуто будетъ о всѣхъ сдѣланныхъ заявленіяхъ, не представляется никакихъ основаній полагать, что совѣтъ относится къ онымъ равнодушно.

Другое положеніе, вытекающее изъ исчисленныхъ выше правилъ, заключается въ томъ, что собранію присяжныхъ повѣренныхъ въ разрѣшеніи вопросовъ общаго интереса принадлежитъ лишь голосъ *совѣщательный*, а не *рѣшающій*; собраніе мнѣніемъ своимъ укажетъ совѣту, какого оно воззрѣнія на тотъ

или другой вопросъ, но окончательное слово о немъ произнесетъ самъ совѣтъ. Это положеніе прямо вытекаетъ изъ изложенныхъ выше отношеній присяжныхъ повѣренныхъ къ своему совѣту и изъ самой цѣли, съ какою участіе присяжныхъ повѣренныхъ признано необходимымъ. Коммиссія не могла придти къ убѣжденію о *юридической* обязательности мнѣній общихъ собраній потому, вопервыхъ, что эта обязательность не можетъ быть выведена ни изъ одной статьи закона и вообще не согласна съ духомъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ; вовторыхъ потому, что съ признаніемъ за собраніями права постановлять обязательныя опредѣленія, или уничтожается юридическое значеніе совѣта, или оный фактически превращается, какъ выше объяснено, въ простую канцелярію частнаго собранія. На основаніи этихъ соображеній, коммиссія признала нужнымъ постановить въ § 4, что опредѣленія *совѣта* по возбужденному и разрѣшенному вопросу признаются, въ подлежащихъ случаяхъ, *правиломъ*.

Остается еще сдѣлать нѣсколько поясненій къ § 5-му приведенныхъ правилъ. Въ немъ постановлено, что наблюденіе за исполненіемъ выработанныхъ правилъ принадлежитъ совѣту на общемъ основаніи.

Нѣтъ сомнѣній, что возбужденные адвокатскою жизнью вопросы не должны разрѣшаться изъ одной любви къ искусству, а установленныя съ общаго согласія правила не должны оставаться простымъ звукомъ. Если мы стремимся къ единству воззрѣній на нашу дѣятельность, если мы желаемъ выработать для себя опредѣленный образъ, то мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны озаботиться, чтобы то, что признано правиломъ, дѣйствительно исполнялось; чтобы на судѣ и въ своемъ кабинетѣ мы оставались вѣрными тому живительному духу, который насъ долженъ одушевлять при исполненіи нашихъ обязанностей.

Выработанное правило, постановленное совѣтомъ при участіи членовъ сословія, должно быть страницей изъ нашего домашняго кодекса, который мы должны чтить и передавать какъ наслѣдіе будущимъ поколѣніямъ.

Эти-то правила и будутъ тѣми постановленіями, о которыхъ говорится въ 2 п. 367 ст. нашего положенія. Нарушенія ихъ должны считаться нарушеніемъ адвокатскаго долга и влечь за собою тѣ послѣдствія, которыя опредѣлены за нарушенія принятыхъ на себя присяжными повѣренными обязанностей, ибо первая и главная обязанность адвоката—дѣйствовать согласно съ достоинствомъ его званія.

Вотъ, милостивые государи, тѣ начала, которыя выработала избранная вами коммиссія! Труды ея предъ вами. Вы можете

повѣрить ея выводы, вы можете одобрить ея воззрѣнія или отвергнуть ихъ.

Пусть отворятся двери московскаго собранія адвокатовъ. Противники на судѣ не забудутъ, что мы служимъ одной цѣли. Призванные отстаивать интересы права и справедливости, сдѣлаемъ это отъ полнаго сердца и глубины души. Пусть начала, коими мы пользуемся для нашихъ побѣдъ и для торжества истины, будутъ нашими убѣжденіями и, являясь представителями просвѣщенія на судѣ, да не подчинимся мы предразсудкамъ и предубѣжденіямъ въ собственной средѣ.

МНѢНІЕ

трехъ членовъ: А. А. Герике, Б. У. Бениславскаго и В. И. Кохнова.

2. Общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ созывается не иначе какъ опредѣленіемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

3. Совѣтъ имѣетъ право созывать общее собраніе въ теченіи года шесть разъ, исключая собранія, назначеннаго для выбора членовъ совѣта.

4. Цѣлью и предметомъ занятія общихъ собраній есть установленіе правилъ, положеній и учрежденій, связанныхъ съ общимъ интересомъ, нравственнымъ или матеріальнымъ, всей корпораціи присяжныхъ.

5. Иниціатива правила или учрежденія принадлежитъ въ отдѣльности каждому присяжному.

6. Если кто изъ членовъ корпораціи желаетъ провести какое-либо правило или учрежденіе, то онъ таковое предлагаетъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ письменно или словесно, излагая какъ мотивы, такъ и способы приведенія таковыхъ въ исполненіе.

7. Сущность каждаго такого предложенія совѣтъ вноситъ въ особо заведенную для этого книгу (книгу предложеній).

8. Совѣтъ обязанъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ со дня заявленія разсмотрѣть предложеніе и сдѣлать въ книгѣ отмѣтку, принимаетъ ли онъ предложеніе, а если нѣтъ, то вкратцѣ—почему.

9. Если совѣтъ большинствомъ голосовъ придетъ къ заключенію, что предложенное правило или учрежденіе полезно и касается интересовъ всей корпораціи, то развиваетъ и дополняетъ его, насколько найдетъ необходимымъ, и по изложеніи своего мнѣ-

нія постановляетъ о назначеніи общаго собранія, опредѣляя и день таковаго.

10. Извѣщеніе членовъ корпораціи объ общемъ собраніи должно послѣдовать не позже какъ за три недѣли до дня, назначеннаго для собранія, съ обозначеніемъ самой цѣли собранія.

11. Со дня разсылки извѣщенія объ общемъ собраніи, предложеніе съ мнѣніемъ совѣта, послужившее поводомъ собранія, должно находиться открытымъ въ комнатѣ совѣта для всѣхъ членовъ корпораціи, изъ которыхъ каждый имѣетъ право письменно выражать свое мнѣніе и согласіе или несогласіе на обращеніе означеннаго предложенія въ правило.

12. Въ день собранія таковое открывается предсѣдателемъ совѣта, который имъ и руководитъ.

13. Общее собраніе считается состоявшимся, если въ собраніи участвуетъ половина всего наличнаго состава присяжныхъ, считая въ этомъ числѣ и тѣхъ, которые выразили письменно свое мнѣніе на предложеніе, составляющее предметъ разсужденія общаго собранія.

14. По прочтеніи проекта, желающіе говорить заявляютъ о томъ предсѣдателю, который записываетъ каждаго по очереди заявленія; когда всѣ лица заявившія выскажутся, но общее собраніе не пришло къ сознанію возможности баллотировать вопросъ, то предсѣдатель прерываетъ засѣданіе на полчаса, спустя которые засѣданіе открывается вновь и ведется какъ указано выше.

15. Если пренія не могутъ довести до возможности баллотировать предложеніе, общее основаніе котораго принято собраніемъ, то для разъясненія и разработки частныхъ вопросовъ собраніе изъ среды себя можетъ избрать для этого коммиссію, которой и назначаетъ для этого срокъ.

16. Коммиссія, назначенная общимъ собраніемъ, получаетъ въ свое завѣдываніе всѣ бумаги и свѣдѣнія, относящіяся къ разрабатываемому ею вопросу.

17. Коммиссія, по окончаніи своей работы, передаетъ таковую въ совѣтъ, который и назначаетъ общее собраніе, соблюдая правила пункта 10 и 11.

18. Баллотировка предложенія происходитъ открытая; предложеніе считается принятымъ, если на таковое согласилось большинство членовъ собранія.

19. При счетѣ голосовъ, къ числу участвующихъ присчитываются и тѣ голоса членовъ корпораціи, которые выразили свое мнѣніе письменно на предложеніе.

20. Каждое предложеніе, принятое общимъ собраніемъ, считается правиломъ, исполненіе котораго нравственно обязатель-

но для каждаго члена корпораціи и въ подлежащихъ случаяхъ примѣняется совѣтомъ.

21. Въ концѣ года совѣтъ, при отчетѣ, перечисляетъ всѣ тѣ предложенія, которыя имъ были отвергнуты.

22. Въ случаѣ, если общее собраніе найдетъ, что нѣкоторыя изъ означенныхъ предложеній должны были быть совѣтомъ приняты и предложены общему собранію, то оно имѣетъ право поручить возобновленному совѣту означенное предложеніе въ текущемъ году предложить на разсмотрѣніе общему собранію установленнымъ порядкомъ.

23. Возобновленный совѣтъ имѣетъ и самъ по себѣ право вновь возбудить каждое изъ предложеній, отвергнутыхъ прежнимъ совѣтомъ, если найдетъ это необходимымъ и полезнымъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ *Петербургскую Газету* сообщаютъ, что 4 октября происходило открытіе школы грамотности для арестантовъ при петербургскомъ тюремномъ замкѣ.

— По свѣдѣніямъ *Русскаго Міра* ожидается въ скоромъ времени поступленіе въ судъ дѣла Мясниковыхъ, которое представляетъ значительный во всѣхъ отношеніяхъ интересъ. Защищать, какъ сообщаетъ *Голосъ*, будутъ присяжные повѣренные Арсеньевъ и Языковъ. Обвинителемъ явится прокуроръ окружнаго суда Кони; повѣреннымъ гражданскаго истца московскій присяжный повѣренный г. Плевако.

— *Петербургскія Вѣдомости* (№ 276, окт. 7) посвящаютъ передовую статью обзору проекта тюремнаго устройства на новыхъ, прогрессивныхъ началахъ. Газета настаиваетъ на томъ, чтобы при новомъ устройствѣ менѣе испорченные арестанты были изолированы, въ видахъ возможнаго улучшенія ихъ нравственности, отъ вреднаго сообщества съ личностями, вполнѣ испорченными.

— *Биржевыя Вѣдомости* слышали, что въ гражданскій кассаціонный департаментъ правительствующаго сената со стороны нѣкоторыхъ изъ Евреевъ, пострадавшихъ при извѣстной одесской катастрофѣ, поступили исковыя просьбы о взысканіи съ администраціи новороссійскаго и бессарабскаго округа убытковъ, понесенныхъ ими во время безпорядковъ. Газетѣ передавали, что эти жалобы едвали могутъ имѣть успѣхъ, какъ поданныя послѣ срока, опредѣленнаго законами.

— По словамъ *Саратовскаго Справочнаго Листка*, съ 10 октября въ Саратовѣ въ залѣ коммерческаго клуба открываются публичныя чтенія кандидата правъ Немировскаго „О значеніи судебной реформы по уставамъ 20 ноября 1864 г.,“ преимущественно же о судѣ присяжныхъ. Всѣхъ чтеній предполагается не болѣе пяти.

— Въ *Русскій Мірѣ* пишутъ изъ Москвы, что здѣсь недавно происходила опись движимаго имѣнія покойнаго графа Шереметева, дающая понятіе о богатствѣ этого вельможи. *Современныя Извѣстія* сообщаютъ, что на долю судебныхъ приставовъ, производившихъ эту опись въ подмосковномъ имѣніи графа, селѣ Кусковѣ, узаконенный процентъ съ оцѣночной стоимости этого имѣнія составилъ 30,000 рублей.

— По слухамъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* въ нынѣшнемъ году должно послѣдовать окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе, въ законодательномъ порядкѣ, проекта судебнаго преобразованія въ Привислинскомъ краѣ. Корреспонденція *Голоса* изъ Варшавы, отъ 10 октября, даетъ понятіе о громадномъ трудѣ, съ которымъ были сопряжены работы по этому предмету кодификаціонной коммиссіи изъ русскихъ чиновниковъ, учрежденной въ 1865 г. Она должна была: 1) составить основныя начала судоустройства и судопроизводства какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго, основныя начала кодексовъ уголовнаго, гражданскаго и торговаго, проектъ торговаго судоустройства; 2) начертать проектъ самыхъ законовъ въ духѣ и направленіи основныхъ началъ, по разсмотрѣніи ихъ учредительнымъ комитетомъ и утвержденіи Высочайшею властью; 3) изготовить лѣсной судебный уставъ, уставы лѣсной и полевой полиціи и др. и 4) составить предварительныя соображенія и даже проекты по всѣмъ юридическимъ вопросамъ, возбужденнымъ внѣ или внутри коммиссіи.

— Наши газеты сообщили нѣсколько времени назадъ, что со стороны осужденныхъ по такъ-называемому „Нечаевскому дѣлу“ не было подано кассаціонныхъ жалобъ. Въ настоящее время *Русскій Міръ* прибавляетъ, что матерью одного изъ нихъ, именно Ивана Лихутина, было подано прошеніе на Высочайшее имя о смягченіи участи ея сыну; но прошеніе это, въ виду того, что приводимыя ею основанія имѣлись уже въ виду суда, постановившаго приговоръ, оставлено безъ послѣдствій.

— Та же газета передаетъ слухъ о раскрытіи какой-то петербургской коммуны, вызвавшей оффиціальное преслѣдованіе противъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ.

— *Биржевыя Вѣдомости* сообщаютъ, что 16 октября происходило собраніе помощниковъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Цѣль собранія состояла въ обсужденіи вопроса относительно учрежденія консультаціи при тамошнемъ мировомъ съѣздѣ, подобно консультаціи изъ присяжныхъ повѣренныхъ при общихъ судахъ. Въ этомъ засѣданіи собраніе избрало членовъ коммиссіи, которые займутся разработкою устава консультаціи.

— Изъ Екатеринодара (Кубанской области) пишутъ въ *Одес-*

скій Вѣстникъ, что одинъ изъ мѣстныхъ адвокатовъ, заслуженный чиновникъ въ апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе окружнаго суда написалъ, что „товарищъ предсѣдателя вопреки циркулярному предписанію Намѣстника Кавказскаго, носитъ бороду и усы, не посѣщаетъ храма Божія и въ высокоторжественные дни бываетъ подъ качелями.“ За это по обвинительному акту товарища прокурора означенный адвокатъ преданъ суду.

— По извѣстіямъ *Русскаго Міра* Высочайше утвержденная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ князя С. А. Урусова, *по преобразованію законовъ о печати*, окончила свои работы. А именно: ею изданы весьма любопытные сборники постановленій различныхъ эпохъ по дѣламъ печати, а также рядъ предположеній о томъ же предметѣ. Кончивъ нынѣ кодификацію вновь проектированнаго устава, ввѣреннаго ей, коммиссія занята въ настоящее время составленіемъ докладовъ для внесенія дѣла на утвержденіе законодательнымъ порядкомъ. Нѣкоторые думаютъ, что проектъ этой коммиссіи поступитъ въ государственный совѣтъ еще до истеченія этого года.

— *С.-Петербургскія Вѣдомости* сообщаютъ, что на открытіи новаго помѣщенія петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда, происходившемъ 10 октября, городской голова Н. И. Погребовъ обратился къ предсѣдателю съѣзда Н. А. Неклюдову, подавшему въ съѣздъ прошеніе объ увольненіи его отъ званія почетнаго мироваго судьи, съ просьбою, отъ имени всего городскаго общества, остаться мировымъ судьей. Просьбу Н. И. Погребова поддержали нѣсколько гласныхъ и мировыхъ судей. На просьбу эту Н. А. Неклюдовъ отвѣтилъ согласіемъ.

— *Биржевыя Вѣдомости* говорятъ, что мѣщанинъ Бабаевъ, именующій себя Шахъ-Назаровымъ-Гокчайскимъ, посѣщая ежедневно канцелярію 1-го отдѣленія окружнаго суда съ тѣхъ поръ какъ туда поступило его дѣло, совершенно, по слухамъ газеты, забомбардировалъ канцелярію своими прошеніями, заявленіями, требованіями и жалобами на неисполненіе ихъ. Цѣлый столъ, какъ говорятъ, занятъ лишь этими проявленіями дѣятельности безпокойнаго подсудимаго, и говорятъ, что этотъ столъ больше имѣетъ дѣлъ, чѣмъ столы, въ которыхъ находятся производства по нѣскольку дѣлъ разомъ. Дѣло Гокчайскаго было назначено къ слушанію на 29 октября, но отложено, за неявкою свидѣтелей, до 16 декабря.

— *Русскій Міръ* перепечатываетъ изъ заграничныхъ газетъ слѣдующее постановленіе международной ассоціаціи. „Съ 19 по 23 сентября 1871 года засѣдавшая въ Лондонѣ конференція депутатовъ международной ассоціаціи рабочихъ уполномочила главный совѣтъ обнародовать:

„что Нечаевъ никогда не состоялъ ни членомъ, ни агентомъ международной ассоціаціи рабочихъ;

„что его (приведенныя въ извѣстность бывшимъ въ Петерборгѣ политическимъ процессомъ) увѣренія, будто онъ основалъ въ Брюсселѣ отдѣленіе международной ассоціаціи и получилъ отъ брюссельскаго отдѣленія порученіе въ Женеву—ложь;

„что сказанный Нечаевъ воспользовался именемъ международной ассоціаціи рабочихъ, чтобы увеличить въ Россіи число обманутыхъ имъ жертвъ.

„Лондонъ, 25 октября 1871 года. По порученію главнаго совѣта, Карлъ Марксъ, секретарь для Германіи и Россіи."

— *Голосъ* въ передовой статьѣ (отъ 28 октября № 298), по поводу проекта устава о личномъ наймѣ рабочихъ и прислуги, говоритъ между прочимъ, что „кто хотя нѣсколько знакомъ съ бытомъ нашихъ рабочихъ классовъ, тотъ знаетъ, что правильному найму, при всемъ добромъ согласіи между нанимающимъ и нанимающимся, препятствуетъ главнымъ образомъ нынѣшняя наша паспортная система, и до тѣхъ поръ, пока въ ней не произойдетъ кореннаго преобразованія, едвали „уставъ о личномъ наймѣ," какъ бы хорошо онъ ни былъ составленъ, въ состояніи будетъ принести ожидаемую отъ него пользу."

— *Московскія Вѣдомости* сообщаютъ, что, по представленному въ государственный совѣтъ проекту новыхъ штатовъ для министерства юстиціи, расходы на содержаніе личнаго состава исчислены въ 170,200 р. въ годъ.

— *Голосъ* передаетъ, что 28 октября въ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента разсматривалась жалоба князя Урусова на рѣшеніе московской судебной палаты по дѣлу о дуэли его съ г. Островскимъ. Князь Урусовъ къ разбору дѣла не явился и не прислалъ повѣреннаго. Сенатъ опредѣлилъ: на основаніи 912 ст. уст. угол. суд. жалобу князя Урусова оставить безъ послѣдствій.

— *Новороссійскій Телеграфъ* сообщаетъ случай оскорбленія одесскаго военно-окружнаго суда, при многочисленной публикѣ, рядовымъ Минскаго полка. Когда былъ прочтенъ приговоръ суда подсудимому и ему стали объяснять, что если онъ не доволенъ приговоромъ, то можетъ принести кассаціонную жалобу, рядовой, къ общему соблазну, началъ ругать судъ самыми площадными словами. Тогда его силою вывели изъ залы суда.

— *Русскій Міръ* говоритъ, что это не единственный случай въ одесскомъ военно-окружномъ судѣ. Такъ напримѣръ прошлою зимою въ немъ судился канониръ Семенъ Горгуля. Какъ только ему „разъяснили," по объявленіи приговора, что онъ можетъ жаловаться на рѣшеніе суда, если имъ не доволенъ, кано-

ниръ началъ немедленно бранить судъ самыми поносными и оскорбительными словами.

— Та же газета сообщаетъ, что начальникъ петербургской новой исправительной тюрьмы, полковникъ Михневъ подвергся нападенію двухъ арестантовъ Герасимова и Миронова. Они одновременно ударили его ножами одинъ въ грудь или животъ, а другой въ спину и нанесли тяжкія раны. По извѣстіямъ *Петербургскаго Листка* и газеты *Новостей* арестанты эти преданы военному суду по Высочайшему повелѣнію. Дѣло это было назначено къ разсмотрѣнію военно-окружнымъ судомъ на 20 октября, и по резолюціи военнаго суда Герасимовъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе, а Мироновъ къ ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ на 20 лѣтъ. Срокъ подачи кассаціонной жалобы истекалъ въ субботу 23 октября въ часъ ночи, и главный военный судъ предполагалъ по слухамъ собраться немедленно, даже ночью, для разсмотрѣнія ея, такъ какъ приговоры о смерной казни не подписываются по закону въ воскресенье. Дѣло было перенесено на кассацію по жалобѣ защитника и протесту прокурора и слушалось вопреки предположеніямъ 26 октября. По выслушаніи заключенія товарища главнаго прокурора и объясненій защитника подсудимаго Герасимова, главный военный судъ опредѣлилъ, на основаніи 965 ст. Св. В. п. XXIV, приговоръ петербургскаго военно-окружнаго суда о рядовомъ Гересимовѣ отмѣнить и самое дѣло для постановленія новаго приговора передать въ Московскій военно-окружный судъ.

— *Петербургская газета* сообщаетъ, что въ петергофской тюрьмѣ едва не разыгралась подобная же драма. Въ этой тюрьмѣ за кражи содержался арестантъ, солдатскій сынъ Ивановъ; онъ уже совершенно приготовился къ совершенію убійства смотрителя тюрьмы, но содержавшіеся вмѣстѣ съ нимъ арестанты предупредили преступленіе и донесли по начальству. При обыскѣ Иванова, у него найденъ за пазухой большой ножъ. Въ настоящее время этотъ Ивановъ переведенъ въ петербургскій тюремный замокъ.

— *Новости* передаютъ слухъ, что петербургскій полицеймейстеръ А. Н. Львовъ, времено исправляющій должность смотрителя срочной тюрьмы, былъ 19 октября вынужденъ приказать заковать одного изъ арестантовъ въ кандалы, въ виду наглаго заявленія этого арестанта „что васъ еще мало рѣжутъ“.

— Въ четвергъ 21 октября въ рижскомъ рабочемъ домѣ, какъ сообщаетъ *Rigasche Zeitung*, произошло возмущеніе, принявшее такіе размѣры, что завѣдывающій домомъ вынужденъ былъ для возстановленія порядка обратиться съ просьбою о скорѣйшей

помощи къ мѣстному полицейскому управленію. Вслѣдствіе этого собрана была полицейская команда и полицеймейстеръ лично отправился съ нею къ мѣсту происшествія. Возмущеніе было прекращено энергическими мѣрами полицеймейстера. Объ обширныхъ подготовленіяхъ, въ которыхъ, какъ видно, принимали участіе всѣ заключенные, газета обѣщаетъ сообщить впослѣдствіи.

— По извѣстію *Français*, повѣренный принца Наполеона подалъ въ парижскій судъ искъ на издателя *Opinion nationale* г. Геру, получившаго отъ принца 50,000 фр., съ условіемъ, чтобъ его газета слѣдовала условленной программѣ, чего она однако не исполнила. Дѣло это будетъ разсматриваться тотчасъ послѣ вакаціи.

— Телеграмма *Русскаго Міра* отъ 12 (24) октября извѣщаетъ, что въ штатѣ Утахъ вступилъ въ силу законъ противъ многоженства. Произведено множество арестовъ.

— Изъ Нью-Іорка сообщаютъ, что одинъ изъ предводителей мормоновъ Гавкинсъ приговоренъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію за нарушеніе супружеской вѣрности. Ходятъ слухи, что Брайгаму Юнгу удалось спастись бѣгствомъ.

— По телеграфнымъ извѣстіямъ изъ Америки, отъ 5 ноября, президентъ Грантъ предписалъ строжайшее исполненіе законовъ противъ многоженства въ Утахѣ. Онъ отвергаетъ всякое соглашеніе съ тѣми, кто имъ не подчиняется.

4) Обладалъ ли обманщикъ достаточными свѣдѣніями, чтобы совершить всѣ эти подлоги, и были ли у него сообщники?

Врен Люка получилъ весьма недостаточное образованіе и не имѣетъ никакихъ основательныхъ знаній. Но за то онъ обладаетъ природною способностью къ исторіи и талантомъ изложенія. Онъ въ состояніи выдумать какую-нибудь исторію и провести ее въ извѣстныхъ границахъ.

Въ представленныхъ документахъ можно найти огромное число ошибокъ, которыя всѣ должны быть отнесены къ его невѣжеству.

Такъ онъ называетъ Юлія Цезаря еще во время его войны съ Галлами императоромъ. Онъ обращается съ письмами къ блаженной Радегундѣ и къ блаженнымъ Винценту и Павлу, какъ будто они при жизни были признаваемы за святыхъ. Лица, жившія нѣсколько столѣтій назадъ, переписываются такъ, какъ переписываются только въ наше время. Анахронизмовъ сравнительно мало, но все-таки они встрѣчаются.

Страбонъ пишетъ письмо Ювеналу, хотя послѣдній родился девяносто двумя годами позже перваго. Версингеториксъ даетъ Тросу Помпею, умершему по крайней мѣрѣ шестьдесятъ однимъ годомъ позже галльскаго предводителя, проѣзжую грамоту. Беда пишетъ Алкуину, хотя послѣднему было 9 лѣтъ, когда умеръ Беда.

Еслибы обманщикъ обладалъ научными знаніями или пользовался совѣтами научно образованнаго человѣка, онъ не дѣлалъ бы подобныхъ ошибокъ и остерегся бы въ особенности отъ фабрикаціи документовъ изъ до-христіанскаго періода и временъ Меровинговъ и Каролинговъ. Его документы на тысячу лѣтъ старѣе древнѣйшихъ изъ существующихъ рукописей, и это онъ непремѣнно долженъ былъ бы знать, еслибы получилъ болѣе удовлетворительное образованіе.

Вся процедура, сходство бумаги, чернилъ, почерка указываютъ на то, что у Врена Люка не было сообщниковъ. Но, спрашивается, чѣмъ же объяснить то обстоятельство, что Академія Наукъ напечатала въ своихъ протоколахъ 381 подложный автографъ, наполнившихъ 400 печатныхъ страницъ въ четвертую долю листа, и что споръ между учеными продолжался два года?

Эксперты отвѣчаютъ: всѣ были поражены. Этимъ документамъ вѣрили, потому что отличныя заслуги Шаля и честность его характера возбуждали общее къ нему довѣріе. Впрочемъ нашлись люди, какъ Дюгамель, Фожéръ, Леферрье, Бреветеръ и др., которые никогда не вѣрили въ подлинность ихъ.

Письма Врена Люка свидѣтельствуютъ именно о томъ, что онъ въ математикѣ несвѣдущъ, потому что только человѣкъ, кото-

раго собственное невѣжество дѣлаетъ смѣлымъ и дерзкимъ, могъ сочинить ихъ, только невѣжда могъ надѣяться, что обманъ не будетъ обнаруженъ.

Возражаютъ, что человѣкъ, который не имѣлъ бы никакихъ свѣдѣній въ математикѣ, сдѣлалъ бы гораздо болѣе грубыя ошибки и потому скорѣе былъ бы уличенъ въ обманѣ. Но тѣ, которые это говорятъ, кажется забываютъ, что Академіи было представлено не все собраніе автографовъ, что она и не подозрѣвала о существованіи писемъ римлянъ и грековъ. Она знала только о тѣхъ документахъ, которые предлагалъ ей Шаль. Послѣдній же, въ своемъ усердіи доказать, что не Ньютонъ, а Паскаль открылъ законъ тяготѣнія, предлагалъ ученому собранію только тѣ письма, которыя представляли собою данныя въ подтвержденіе его предположенія. Онъ представилъ 80 писемъ и замѣтокъ Паскаля, 29 Ньютона, 20 Галилея, между тѣмъ какъ его собраніе заключало въ себѣ 1745 писемъ Паскаля, 622 Ньютона и болѣе 3000 Галилея. Еслибы Академіи была дана возможность изслѣдовать всю эту массу мнимыхъ автографовъ, то не возникло бы спора объ ихъ подлинности.

Нѣкоторые приводили еще то соображеніе, что Люка никогда не присутствовалъ въ засѣданіяхъ Академіи и тѣмъ не менѣе онъ соображался при составленіи своихъ писемъ съ мнѣніями и доводами, приводившимися противъ прежнихъ его документовъ, ибо его послѣдующіе автографы обыкновенно опровергали тѣ доводы и сомнѣнія, которые высказывались въ предыдущихъ засѣданіяхъ. Изъ этого заключали, что у Врена Люка были сообщники и что послѣдніе наставляли его какъ ему защищаться.

Мы этому не вѣримъ, мы не думаемъ, чтобы Люка нуждался въ чьей-либо помощи. Его единственная и самая крѣпкая опора былъ самъ Шаль. Этотъ послѣдній самъ того не подозрѣвая былъ самымъ вѣрнымъ его союзникомъ.

Изъ протоколовъ Академіи видно, какъ непоколебима была вѣра Шаля, какъ усердно онъ старался устранить всякое сомнѣніе, опровергнуть всякій доводъ противъ подлинности его документовъ. Онъ самъ былъ тотъ, который побуждалъ Люка рыться въ неисчерпаемомъ собраніи графа Буажурдена съ цѣлію не найдетъ ли онъ какого-нибудь письма или другой рукописи, которая бы годилась для Шаля.

Вренъ Люка являлся обыкновенно къ Шалю по понедѣльникамъ и дожидался возвращенія его изъ Академіи. Шаль возвращался домой сильно возбужденный вслѣдствіе споровъ о подлинности его документовъ. Ничего не подозрѣвая, онъ давалъ волю чувствамъ и мыслямъ, его занимавшимъ, а Люка былъ весьма внимательный слушатель. Быть можетъ Шаль говаривалъ: да, если-

бы въ собраніи гр. Буажурдена нашлось письмо Ньютона, которое бы свидѣтельствовало о сношеніяхъ его съ Паскалемъ, если бы нашлось письмо Галилея, изъ котораго бы видно было, что онъ въ 1639 году не былъ слѣпъ! И Врень Люка почти всегда находилъ требуемое. Въ жару спора фанатизмъ Шаля все болѣе возрасталъ и онъ сталъ давать Люка списки документовъ, которые онъ долженъ былъ искать въ миѳическомъ сокровищѣ графа. Эти списки служили поддѣлывателю программою для его работъ. Однажды Люка написалъ изъ тюрьмы письмо Шалю, въ которомъ между прочимъ было слѣдующее: „Развѣ не вы обратили мое вниманіе на почеркъ Ньютона? Не вы ли указали мнѣ на то, какъ онъ пишетъ a, h, l, t, какъ онъ подписывается? Развѣ не вы мнѣ объясняли, какъ онъ пишетъ большое G, что онъ никогда не забывалъ ставить точку надъ і и много другихъ признаковъ? Нѣсколько разъ исправленное письмо Галилея отъ 5 ноября 1639 года, посланное послѣ во Флоренцію, развѣ составлено не по вашимъ указаніямъ? Не объясняли ли вы мнѣ, что слово „aurei“ должно писать „haurei?“ Не объясняли ли вы мнѣ потомъ, что это слово по собраннымъ вами въ Италіи справкамъ должно писаться hauerei?“ и т. д.

Не думаемъ, чтобы Врень Люка въ этомъ письмѣ говорилъ неправду. Онъ до того опуталъ Шаля, что послѣдній, вполнѣ убѣжденный въ существованіи собранія графа Буажурдена, самъ давалъ обманщику подробныя наставленія, какъ его и впредь обманывать.

Наконецъ считали невѣроятнымъ, чтобы одинъ человѣкъ въ состояніи былъ составить такое множество автографовъ. Но у Врена Люка опытная рука и искусное перо. Онъ былъ очень прилеженъ и плодовитъ и самъ не разъ хвасталъ, что онъ приготовлялъ въ день 30 автографовъ, слѣдовательно 10000 въ годъ.

Соображая все сказанное объ одинаковости въ формѣ, бумагѣ, чернилахъ, почеркѣ, о сходствѣ въ языкѣ, теченіи мыслей, о повтореніи тѣхъ же орѳографическихъ ошибокъ, мы считаемъ вполнѣ доказаннымъ, что 27000 подложныхъ документовъ написаны одною и тою же рукой и суть произведенія одной головы.

Самолюбіе Врена Люка было уязвлено мнѣніемъ экспертовъ не потому что подлогъ былъ доказанъ самымъ очевиднымъ образомъ, но вслѣдствіе того что его обозвали малообразованнымъ и невѣждой. Во время нахожденія подъ арестомъ онъ написалъ памятную записку, въ которой старался доказать, что эксперты отнеслись къ нему пристрастно, что они слишкомъ

низко оцѣнили имѣвшіеся въ собраніи подлинные документы, что Шаль выдалъ не всѣ пріобрѣтенные имъ автографы, но болѣе цѣнные, вполнѣ стоющіе тѣхъ денегъ, которыя получилъ Люка, сохранилъ у себя, и что, наконецъ, онъ дѣйствовалъ не съ корыстнымъ намѣреніемъ, а изъ патріотизма, желая увеличить славу Франціи и убѣдить ученый міръ въ справедливости своихъ новыхъ открытій.

Эта записка не защитила однако его отъ обвиненія въ мошенничествѣ, съ которымъ было еще связано обвиненіе въ злоупотребленіи довѣріемъ. Этотъ послѣдній проступокъ усмотрѣли въ томъ, что Люка продалъ нѣсколько книгъ, взятыхъ имъ для прочтенія у Шаля.

16 февраля 1870 года началось разсмотрѣніе этого дѣла въ шестомъ отдѣленіи суда исправительной полиціи въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ Брюне (Brunet).

Зала была переполнена публикой. Тутъ было значительное число членовъ Французской Академіи, множество журналистовъ и другихъ извѣстныхъ лицъ.

Вренъ Люка человѣкъ 52 лѣтъ, небольшаго роста и довольно обыкновенной наружности. Его взглядъ выражаетъ замѣшательство, онъ опускаетъ глаза, но отвѣты даетъ ясные и опредѣлительные, не думая долго.

Сообщаемъ допросъ въ извлеченіи.

Предсѣдатель. Вы злоупотребляли страстью старика, ученаго, страстью его къ собиранію древнихъ рукописей и его любовью къ отечеству болѣе чѣмъ смѣло, для того чтобы его обмануть. Въ продолженіи 8 лѣтъ вы продавали ему мнимые автографы знаменитѣйшихъ людей всѣхъ странъ и временъ. Онъ заплатилъ вамъ за эти документы, которые считалъ подлинными, историческими, неслыханную сумму въ 140000 фр. Но теперь дознано, что эти документы, за исключеніемъ ста, довольно малоцѣнныхъ, подложны и составлены вами.

Но вы еще болѣе провинились предъ г. Шалемъ въ томъ, что публично выставили его въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ. Между проданными вами ему автографическими письмами были два съ подписью Блеза Паскаля, которыми доказывалось, что законъ тяготѣнія открытъ не Ньютономъ, а Паскалемъ. Шаль представилъ эти два письма въ Академію Наукъ, и по поводу ихъ возгорѣлся споръ, продолжавшійся два года. Тутъ только онъ узналъ, что письма эти подложны, и вслѣдствіе этого былъ вынужденъ сдѣлать оскорбительное для себя признаніе, что онъ далъ ввести себя въ обманъ.

Чтобы его вѣрнѣе обмануть, вы разсказали ему выдуманную вами самими сказку. Вы разсказали ему, что одинъ изъ графовъ

Буажурденъ при бѣгствѣ своемъ въ Америку въ 1791 году взялъ съ собою богатое собраніе автографовъ всѣхъ столѣтій, что корабль, на которомъ находилось это собраніе, потерпѣлъ крушеніе, вслѣдствіе чего часть автографовъ была попорчена морской водою, но большая часть осталась невредима. Вы прибавили еще, что въ настоящее время это собраніе принадлежитъ одному знатному старому господину, поручившему вамъ продавать отдѣльные документы изъ этого собранія. Какъ бы въ подтвержденіе этого разсказа вы представили Шалю нѣкоторыя изъ спасенныхъ рукописей. Вы употребляли еще и другіе маневры для достиженія своей цѣли. Шаль вѣрилъ вамъ и покупалъ у васъ вами самими поддѣланные автографы.

Признаете ли вы себя во всемъ этомъ виновнымъ?

Подсудимый. Отчасти да, отчасти нѣтъ.

Предсѣдатель. Хотите ли вы этимъ сказать, что между множествомъ подложныхъ документовъ, проданныхъ вами Шалю за весьма значительныя деньги, были также и подлинные?

Подсудимый. Да. Я продалъ Шалю болѣе 30000 штукъ, между тѣмъ имъ представлено только 27000. Остается, слѣдовательно, 3—4000 штукъ, не представленныхъ Шалемъ, и эти всѣ подлинные.

Предсѣдатель. Итакъ вы сознаетесь, что 27000 автографовъ вами поддѣланы?

Подсудимый. Да.

Предсѣдатель. Въ продолженіи своихъ многолѣтнихъ обмановъ вы обнаружили большую сноровку, которую нельзя было ожидать отъ человѣка, столь мало образованнаго. У васъ хорошія способности, и приходится жалѣть, что вы употребили ихъ на такое дѣло.

Кромѣ преступленія мошенничества вы обвиняетесь еще въ томъ, что употребили во зло довѣріе, оказанное вамъ Шалемъ. Вы обвиняетесь въ томъ, что продали книги, данныя вамъ для прочтенія.

Подсудимый. Это была мѣна.

Предсѣдатель. Да, между вами происходила и мѣна, но вы обвиняетесь въ томъ, что удержали у себя взятыя у Шаля книги и затѣмъ продали ихъ, употребивъ вырученныя за нихъ деньги въ свою пользу.

Подсудимый. Я все это подробно изложилъ въ небольшой памятной запискѣ и прошу позволенія прочитать ее здѣсь.

Предсѣдатель. Послѣ, когда будете оправдываться.

Затѣмъ приглашенъ былъ въ качествѣ свидѣтеля академикъ Мишель Шаль. Шествіе на судъ было для него тяжело и горько, ибо онъ долженъ былъ свидѣтельствовать о собственномъ

легковѣріи и разсказать передъ многочисленной публикой о томъ, какъ онъ далъ себя обмануть. Этого горькаго униженія однако нельзя было избѣгнуть. Шаль показалъ слѣдующее:

Болѣе чѣмъ восемь лѣтъ тому назадъ мнѣ однажды доложили о приходѣ Врена Люка. Такъ какъ онъ родился въ деревнѣ близъ Шатодёна, я же въ Шартрѣ, то я принялъ его какъ земляка. Онъ сообщилъ мнѣ, что имѣетъ порученіе продать большое количество рукописей и книгъ значительной цѣнности, и въ особенности автографическихъ писемъ. Первая писанная бумага, которую онъ мнѣ принесъ, было письмо Мольера, за которое я заплатилъ довольно дорого, именно 500 фр., затѣмъ я пріобрѣлъ отъ него одно письмо Рабеле и одно Расина по 200 фр. за каждое.

Онь разсказалъ мнѣ извѣстную уже суду исторію о коллекціи графа Буажурдена, о кораблекрушеніи, которое онъ претерпѣлъ, и сообщилъ мнѣ, что король Людовикъ XVI, бывшій также усердным собирателемъ древностей, подарилъ графу отъ 5 до 6000 рѣдкихъ рукописей.

Разсказы подсудимаго я считалъ истинными и никогда не отказывался отъ приносимыхъ имъ автографовъ. Обыкновенно я платилъ наличными деньгами, но бывали между нами и обмѣны, при которыхъ я обыкновенно терялъ, такъ какъ за свои хорошія сочиненія получалъ подложные документы.

Въ сложности я переплатилъ ему болѣе 140000 фр. Сверхъ того я дѣлалъ ему подарки и давалъ ему взаймы деньги.

Очень часто онъ приносилъ автографическія письма цѣлыми сотнями, между ними бывали дублеты, триплеты и квадруплеты, которые онъ выдавалъ за копіи съ существующихъ оригиналовъ. Такимъ образомъ я получилъ нѣсколько копій съ одного письма Маріи Медичи, которой Галилей обязанъ своимъ помилованіемъ, если считать это письмо подлиннымъ.

Всѣ письма вполнѣ согласовались между собою. Ихъ содержаніе служило для меня доказательствомъ ихъ подлинности.

Я просилъ нѣкоторыхъ товарищей моихъ по Академіи внимательно разсмотрѣть большую часть этихъ писемъ, то же самое предлагалъ я и иностраннымъ ученымъ, бывавшимъ у меня.

Что случилось съ письмами Паскаля, которыя я представилъ въ Академію, и какой по поводу ихъ возникъ споръ, вамъ извѣстно. Когда я убѣдился, что я обманутъ, я заявилъ это открыто, письменно извѣстилъ объ этомъ многихъ и разослалъ даже фотографическіе снимки съ этихъ писемъ, дабы предохранить другихъ отъ обмана.

Сначала я не желалъ донести на Врена Люка. Но такъ какъ я не получилъ отъ него 3000 автографовъ, уже оплаченныхъ мною, и опасался, что онъ сбудетъ ихъ за границу, то просилъ

полицію имѣть за нимъ наблюденіе, а нѣсколько дней спустя мнѣ стало ясно, что я пріобрѣлъ подложные автографы.

Предсѣдатель. Не извѣстно ли вамъ, что еще прежде за Вреномъ Люка особенно зорко наблюдали въ библіотекѣ св. Женевьевы, такъ какъ его подозрѣвали въ томъ, что онъ вырѣзывалъ отдѣльные листы изъ книгъ?

Свидѣтель. Я объ этомъ слышалъ.

Предсѣдатель. Вы сказали, что дѣлали подсудимому подарки и давали ему взаймы. Не можете ли вы сообщить объ этомъ подробнѣе?

Свидѣтель. О подаркахъ и благодарностяхъ я говорить не хочу, но я давалъ ему очень часто деньги взаймы. Одинъ разъ я далъ ему 400 и въ другой разъ 1000 фр. Когда мы сдѣлали расчетъ, онъ выдалъ мнѣ документъ на 3880 фр. Я ссудилъ его еще книгами и рукописями. Онъ ихъ продалъ и денегъ мнѣ за нихъ не представилъ. Я далъ ему еще рѣдкую рукопись XV ст. съ 40 миніатюрами. Онъ ее также продалъ.

Предсѣдатель. (къ обвиняемому) За сколько?

Подсудимый. За сто франковъ.

Предсѣдатель. Какъ? Такое сочиненіе вы продали только за сто фр.?

Свидѣтель. Онъ говорилъ мнѣ, что книгопродавецъ Фонтень въ Пассажѣ Панорамы даетъ за нее 1500 фр. Я самъ такъ полагалъ, потому что онъ продаетъ менѣе дорогія сочиненія только съ тремя или четырьмя миніатюрами за 300 фр.

Я далъ ему также иллюстрированное изданіе Лафонтена, которое онъ мнѣ не возвратилъ. Вообще я замѣтилъ, что при исполненіи того, за что уже деньги были отданы, онъ бывалъ очень медлителенъ. Онъ употреблялъ разнаго рода отговорки, напр. онъ утверждалъ, что собственникъ собранія очень неохотно разстается съ рукописями и всегда ихъ перечитываетъ, прежде чѣмъ отдать.

Однажды я разсердился сильно на него и назвалъ его мошенникомъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ совершенно хладнокровно: „если вы мною недовольны, то возвратите мнѣ мои бумаги, и я вамъ доставлю ваши 140,000 фр.“

Этотъ отвѣтъ совершенно укрѣпилъ во мнѣ вѣру, и я бы тогда ни за какія деньги не возвратилъ бы рукописей.

Предсѣдатель (къ обвиняемому). Вы слышали показаніе г. Шаля. Его простой и спокойный разсказъ не оставляетъ ничего для вашего оправданія. Вы безсовѣстно обманывали человѣка, который имѣлъ къ вамъ самое слѣпое довѣріе.

Подсудимый. Я сознался въ своей винѣ. Но если я продавалъ ему подложные документы, то тѣмъ не менѣе я доставлялъ ему

и подлинные, и эти послѣдніе вполнѣ стоятъ тѣхъ денегъ, которыя онъ мнѣ заплатилъ.

Предсѣдатель. Вы это обстоятельство приводили въ свое оправданіе еще при предварительномъ слѣдствіи и до сихъ поръ остаетесь при немъ, хотя вамъ хорошо извѣстно, что подлинные документы оцѣнены свѣдущими людьми въ 500 фр.

Что сдѣлали вы со 140,000 фр., полученными вами постепенно?

Подсудимый. Я купилъ на нихъ очень дорогія книги и рукописи.

Предсѣдатель. Это невѣроятно. Напротивъ, доказано, что вы покупали книги очень дешево, и затѣмъ продавали ихъ г. Шалю за весьма значительныя деньги.

На удовольствія вы тоже едвали много истратили, такъ какъ для составленія такой массы автографовъ вы должны были быть прилежны какъ бенедиктинецъ.

Сколько же у васъ осталось изъ этихъ денегъ?

Подсудимый. Со мной случались несчастія.

Предсѣдатель. Это не отвѣтъ. Я спрашиваю васъ еще разъ: сколько осталось у васъ денегъ?

Подсудимый (тихо и запинаясь). 2—3000 франковъ.

Предсѣдатель. Гдѣ эти деньги?

Подсудимый. Это обстоятельство не важно.

Не смотря на многочисленные вопросы, подсудимый не далъ удовлетворительнаго отвѣта ни относительно того, куда дѣвались деньги, ни относительно того, гдѣ находится остатокъ полученной имъ значительной суммы.

Изъ этого справедливо заключили, что онъ помѣстилъ деньги въ безопасное мѣсто и не хочетъ лишиться плодовъ преступленія.

Въ качествѣ эксперта спрошенъ былъ библіотекарь *Мабиль*.

Онъ повторилъ снова, что всѣ пріобрѣтенные Шалемъ документы, за исключеніемъ 100 штукъ, подложны.

Предсѣдатель. Вы оцѣнили подлинные документы въ 500 фр?

Мабиль. Да.

Предсѣдатель. Подлогъ совершенъ искусно?

Мабиль. Безъ сомнѣнія. Первою заботою поддѣлывателя было пріобрѣтеніе чернилъ, которыя бы совершенно сходствовали съ чернилами прежнихъ столѣтій. Затѣмъ онъ добылъ старую бумагу. Онъ обладалъ порядочными свѣдѣніями относительно старыхъ книгъ и рукописей. Онъ проводилъ время въ библіотекахъ, изучая тамъ книги, которыми онъ пользовался для своего безчестнаго промысла.

Второй экспертъ, Ганри *Бордье* подтвердилъ вполнѣ пока-

занія своего товарища, и на вопросъ предсѣдателя о томъ, имѣлъ ли обвиняемый сообщниковъ, объяснилъ:

Обвиняемый обладалъ достаточными способностями, чтобы совершить приписываемое ему преступленіе, и не нуждался въ помощи другаго. Его первоначальное образованіе было конечно неосновательно, но онъ дополнилъ его, благодаря большому прилежанію и многому чтенію. Я не думаю, чтобы у него были сообщники. Его главная хитрость состояла въ томъ, что онъ увѣрилъ Шаля въ существованіи несуществовавшаго собранія древнихъ рукописей. Онъ разсказывалъ свою басню съ совершеннымъ спокойствіемъ и искренностью, предоставляя самому покупщику стараться о пріобрѣтеніи ихъ и озаботиться о доказательствахъ ихъ подлинности. Страсть г. Шаля помогла ему въ этомъ. Шаль самъ сдѣлался его союзникомъ и, самъ того не желая и не подозрѣвая, указывалъ ему на способы достиженія его преступныхъ стремленій.

Чтобы придать бумагѣ видъ старины, онъ покрывалъ ее копотью, держа ее надъ лампой, или держалъ ее надъ огнемъ, вслѣдствіе чего на ней появлялись трещины и т. п. Мы попытались подражать ему, но должны сознаться, что далеко не такъ успѣли въ этомъ, какъ онъ.

Подсудимый былъ видимо польщенъ заключительнымъ замѣчаніемъ эксперта. Онъ сознается, что употребилъ описанный экспертами способъ, „но,“ прибавилъ онъ, „онъ не всегда удается, его необходимо нѣсколько разъ повторить.“

Послѣ того какъ предсѣдатель выразилъ экспертамъ свою признательность за полноту и основательность ихъ „мнѣнія,“ слово было предоставлено прокурору. Онъ началъ такъ:

„Мм. гг.! Стоящій передъ вами подсудимый Вренъ Люка есть авторъ подложныхъ автографовъ Паскаля, Ньютона, Галилея и др., представленныхъ Шалемъ Академіи Наукъ и вызвавшихъ пренія, которыя отозвались во всемъ ученомъ мірѣ. Споръ продолжался два года. Многіе члены Института объявили все это дѣло обманомъ, но мистификація была приготовлена и выполнена съ такимъ искусствомъ, она встрѣтила столь сильную поддержку въ искренней вѣрѣ въ нея Шаля, что подложность представленныхъ въ 1867 году документовъ была всѣми признана только въ 1869 году.

„Составленіе представленныхъ Академіи автографовъ есть однако только незначительная часть работы этого замѣчательнаго человѣка. Въ теченіи восьми лѣтъ онъ посвящалъ все свое время непрерывному обману, результатъ котораго во всякомъ случаѣ неслыханный. Онъ составилъ 27000 подложныхъ автографовъ, продалъ ихъ за 140000 фр. Шалю и потому обвиняется въ

мошенничествѣ. Такъ какъ онъ сознался въ томъ, что одинъ изготовилъ всѣ документы, то я считаю излишнимъ излагать передъ вами подробно всѣ факты, лежащіе въ основѣ обвиненія, и сообщу вамъ только нѣкоторыя подробности изъ предварительнаго слѣдствія. Вамъ необходимо вникнуть въ существо настоящаго обмана, дабы тѣмъ легче оцѣнить нравственныя качества человѣка, котораго вамъ приходится судить, и степень его уголовной отвѣтственности.

„Почти всѣ вопросы, которые мнѣ должно теперь разрѣшить, уже разъяснены въ мнѣніи экспертовъ, составляющемъ основу всего слѣдствія. Еслибы позволяло время, то я прочелъ бы вамъ отчетъ гг. Мабиля и Бордье. Вы бы легко убѣдились тогда въ высокомъ достоинствѣ этого труда.

„Эксперты изслѣдовали дѣло внимательно и добросовѣстно и изложили результаты его въ своемъ мнѣніи. Они соблюдали относительно обвиняемаго похвальную воздержность и относились къ нему и къ предмету своего изслѣдованія совершенно объективно. Людямъ, посвятившимъ всю свою жизнь открытію исторической истины, такой обманщикъ, какъ Вренъ Люка, долженъ казаться геніемъ зла. Я извинилъ бы ихъ, еслибы они въ своемъ отчетѣ дали волю волновавшимъ ихъ чувствамъ. Но они понимали, что обвиняемый, стоящій на судѣ, заслуживаетъ всевозможнаго снисхожденія, и потому относились къ нему весьма сдержанно. Къ сожалѣнію Вренъ Люка съ своей стороны не былъ столь умѣренъ. Получивъ свѣдѣнія объ ихъ отзывѣ, онъ не постыдился обвинять обоихъ экспертовъ въ томъ, что они приступили къ своей работѣ съ предвзятыми мыслями и были къ нему пристрастны.

„Его самолюбіе страдало оттого, что его знанія подверглись сомнѣнію. Съ учеными прежнихъ вѣковъ, съ сочиненій которыхъ онъ списывалъ, онъ былъ достаточно знакомъ, но ученыхъ новаго времени онъ совершенно не зналъ. Еслибы онъ былъ съ ними знакомъ, то зналъ бы, что обвиненія, взводимыя имъ на Мабиля и Бордье, падаютъ на него же.

„Подложные автографы можно раздѣлить на двѣ большія группы: на автографы, оставшіеся въ портфелѣ Шаля, и на автографы, представленные въ Академію. Относительно послѣднихъ Вренъ Люка обнаружилъ необыкновенную изобрѣтательность, признаравливая свои подлоги къ спорамъ, происходившимъ въ Академіи, и стараясь опровергать доводы противъ ихъ подлинности. Никто не вѣрилъ, чтобы человѣкъ безъ всякаго научнаго образованія могъ придумать и привести въ исполненіе такое дѣло.

„Нѣкоторые утверждали, что обвиняемый имѣлъ сообщниковъ,

но не хочетъ на нихъ указать, такъ какъ сильно льститъ его тщеславію прослыть въ публикѣ за того, который своими подлогами два года обманывалъ Академію Наукъ.

„Эксперты того мнѣнія, что Люка изготовилъ всѣ автографы безъ чужой помощи. И они правы. Подсудимый одинъ вызвалъ всѣ научные вопросы, возникшіе въ Академіи, и единственнымъ источникомъ ему служили публичныя библіотеки. Я смѣю даже утверждать, что лучшая сторона его работъ есть именно научная. Всѣ мнимыя письма Паскаля, Ньютона и Галилея составлены при помощи печатныхъ книгъ, изъ которыхъ онъ вырѣзывалъ цѣлыя мѣста. Въ этомъ случаѣ Люка былъ не болѣе какъ переписчикъ, но за то весьма искусный.

„Да позволено мнѣ будетъ указать на примѣръ того, что подобные маневры весьма часто удаются. Мы встрѣчаемъ въ повседневной жизни людей, разсказывающихъ анекдоты, единственнымъ источникомъ которыхъ служатъ энциклопедическіе словари, или любезныхъ болтуновъ, которые каждый день возобновляютъ свой умственный запасъ изъ „Figaro“ или „Gaulois.“ Они не обладаютъ ни болѣе сильнымъ воображеніемъ, ни большимъ умомъ, чѣмъ Вренъ Люка, и все-таки находятъ себѣ внимательныхъ и довѣрчивыхъ слушателей, если только умѣютъ хорошо и толково разсказывать и извлекать пользу изъ прочитаннаго

„Обвиняемый имѣлъ подобный успѣхъ. Его мысль была проста, но исполненіе ея ловко и вѣрно. Не только Шаль, но и другіе даровитые люди, какъ Тьеръ, считали письма и рукописи, списанныя Вреномъ Люка съ печатныхъ книгъ или даже имъ самимъ сочиненныя, подлинными и имѣющими историческое значеніе.“

Затѣмъ обвинитель рисуетъ картину жизни и воспитанія обвиняемаго и доказываетъ его виновность въ мошенничествѣ и злоупотребленіи довѣріемъ, цѣлію которыхъ было составленіе себѣ состоянія. Въ заключеніе онъ говоритъ: „Вренъ Люка утверждалъ, что онъ не причинилъ Шалю никакого имущественнаго ущерба, такъ какъ стоимость проданныхъ имъ подлинныхъ документовъ, между которыми были письма Карла В., Алкуина. Людовика Св. и др., далеко превосходитъ ту сумму, которую, онъ получилъ. Противъ этого можно возразить: письмами Карла В. и др. обвиняемый не могъ обладать, такъ какъ подобныхъ вовсе не существуетъ. Обвиненіе Шаля въ томъ, что онъ удержалъ у себя нѣкоторые автографы, не заслуживаетъ никакого довѣрія. Такъ какъ эксперты оцѣнили подлинные документы въ 500 франковъ, то я считаю вполнѣ доказаннымъ, что обвиняемый похитилъ у Шаля помощію обмана слишкомъ 140000 фр.

„Наконецъ Вренъ Люка ссылается еще на свое честное намѣ-

реніе. Послушайте, что онъ говоритъ въ своей памятной запискѣ: „Что́ бы противъ меня ни приводили, моя совѣсть совершенно спокойна. Я убѣжденъ, что не совершилъ никакой несправедливости. Если я, для достиженія своей цѣли, и не всегда дѣйствовалъ осторожно, если я для того, чтобы возбудить вниманіе и любопытство публики, и избиралъ окольные пути и призывалъ на помощь хитрость, то только потому, что желалъ нѣкоторые историческіе факты, незнакомые большинству нашихъ ученыхъ, представить въ надлежащемъ свѣтѣ. Я наставлялъ публику, доставляя ей въ тоже время удовольствіе. Въ доказательство справедливости сказаннаго мною привожу тотъ фактъ, что во время споровъ по поводу моихъ автографовъ въ засѣданіяхъ Академіи постоянно присутствовала многочисленная публика, принимавшая весьма живое участіе въ преніяхъ. Чтеніе этихъ документовъ возбуждало гораздо большій интересъ, чѣмъ чтеніе трудовъ ученыхъ. Никогда Шаля не слушали съ такимъ вниманіемъ какъ тогда, когда онъ сообщалъ содержаніе составленныхъ мною автографовъ.“

„Что́ бы со мною ни случилось, у меня остается все-таки сознаніе, что я поступилъ если и неблагоразумно, то все-таки честно и какъ подобаетъ патріоту.“

Вотъ, мм. гг., рѣчь обвиняемаго о человѣкѣ, къ великодушной помощи котораго онъ такъ часто прибѣгалъ и котораго онъ такъ нагло обманывалъ. Обобравши его дочиста, онъ надъ нимъ еще насмѣхается!

„Я требую, чтобы законъ былъ примѣненъ къ Врену Люка во всей строгости.“

Подсудимому назначенъ былъ старшиною адвокатовъ опытный защитникъ въ лицѣ Гораса Гельбронне́ (Horace Helbronner). Онъ сначала заявилъ отводъ противъ обвиненія. Опираясь на предписаніе закона, онъ утверждалъ, что подобные проступки, каковъ настоящій, погашаются давностью по истеченіи трехъ лѣтъ. Выводъ его былъ таковъ: сношенія между Шалемъ и Вреномъ Люка продолжались восемь лѣтъ; обвиненіе не указало на тѣ именно сдѣлки, которыя совершены были въ послѣдніе три года, и напротивъ дѣлаетъ Люка отвѣтственнымъ за всѣ подлоги, совершенные имъ съ 1861 года. Это неосновательно, потому что всѣ обманы, совершенные до сентября 1866 года, за силою давности не подлежатъ наказанію. Тоже самое должно сказать и о злоупотребленіи довѣріемъ. Между покупщикомъ и продавцемъ существовало нѣчто въ родѣ текущаго счета, при чемъ первый отдавалъ за автографы книги и деньги. О проступкѣ можно говорить только въ такомъ случаѣ, если будетъ доказано, что Врен Люка распорядился этими книгами въ продол-

женіи трехъ лѣтъ по полученіи [ихъ. Это однакоже недоказано. Если же онъ ихъ продалъ по прошествіи трехъ лѣтъ, то проступокъ погашенъ давностью, и наказаніе за него не можетъ быть назначено.

Но настоящее дѣло вообще не заключаетъ въ себѣ всѣхъ признаковъ мошенничества. Однихъ ложныхъ сообщеній недостаточно, необходимо еще существованіе какихъ-нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ, на основаніи которыхъ можно было бы заключить о наличности мошенническаго предпріятія.

На основаніи сказаннаго защитникъ проситъ объ освобожденіи обвиняемаго отъ взысканія съ него издержекъ.

Затѣмъ защитникъ продолжалъ:

„Задача, которую мнѣ предстоитъ исполнить, весьма щекотливаго свойства, такъ какъ мнѣ надлежитъ изслѣдовать до какой степени ученый своимъ воображеніемъ можетъ быть введенъ въ заблужденіе. Она тѣмъ болѣе щекотливаго свойства, что здѣсь идетъ рѣчь о Шалѣ, о честности и добротѣ котораго настоящій процессъ свидѣтельствуетъ самымъ лучшимъ образомъ. Если ревностное исполненіе моей обязанности или моя неопытность увлекутъ меня противъ воли, то я прошу не истолковывать ложно моихъ словъ. Я напередъ объявляю, что основательное изученіе актовъ настоящаго дѣла убѣдило меня совершенно въ законности и добросовѣстности дѣйствій Шаля.

„Подходящая къ настоящему случаю статья закона гласитъ такъ: „Кто, чрезъ присвоеніе себѣ непринадлежащаго ему имени или званія, или инымъ обманнымъ образомъ, чрезъ сообщеніе ложныхъ завѣдомо извѣстій о мнимыхъ предпріятіяхъ, о существованіи капитала или кредита, или чрезъ возбужденіе надежды на успѣхъ или иное будущее вымышленное событіе или чрезъ возбужденіе опасенія таковаго, и достигнетъ того, что получитъ деньги и т. п., и такимъ образомъ присвоитъ себѣ все или часть имущества другаго или покусится его присвоить,—подвергается заключенію въ тюрьмѣ отъ 1 до 5 лѣтъ и денежному взысканію отъ 50 до 3000 фр.“

„На буквальномъ смыслѣ этого закона я основываю мою защиту, ибо мнѣ приходится только изслѣдовать, можетъ ли этотъ законъ быть примѣненъ къ настоящему случаю.

„Приведенный мною законъ исчисляетъ всѣ существенные, для состава преступленія мошенничества необходимые признаки. Одного намѣренія совершить мошенничество недостаточно. Требуется еще присвоеніе чужаго имени или титула или же употребленіе обманныхъ дѣйствій. Объ употребленіи ложнаго имени и титула я говорить не стану, такъ какъ обвиненіе ограничивается обманными дѣйствіями. Итакъ мнѣ остается только

разсмотрѣть, заключаютъ ли въ себѣ дѣйствія обвиняемаго ту квалификацію, которая требуется закономъ.

„Моего кліента обвиняютъ въ изготовленіи подложныхъ документовъ, въ томъ, что онъ сдѣлалъ самъ примѣчанія въ проданныхъ имъ книгахъ, въ сообщеніи ложныхъ извѣстій о собраніи автографовъ графа Буажурдена, и наконецъ въ томъ, что онъ самъ сочинилъ подложные документы.

„Прежде чѣмъ я займусь разсмотрѣніемъ того, представляетъ ли настоящій случай мошенничество, я прошу позволеніе у суда представить нѣкоторыя объясненія относительно собиранія и торговли автографами.

„Существуетъ очень важная для любителей автографовъ книга подъ заглавіемъ: „Словарь похищенныхъ изъ публичныхъ библіотекъ автографовъ. Изданіе Бордье и Лаламъ.“ Изъ этой книги я почерпнулъ очень много свѣдѣній объ этомъ промыслѣ, существующемъ едва только нѣсколько лѣтъ.

„Въ прошломъ столѣтіи существовало весьма много богатыхъ частныхъ собраній рукописей. Но только около 1820 года стали продавать ихъ въ значительномъ количествѣ. Публика покупала ихъ охотно. Продажи стали совершаться все чаще, и спросъ на нихъ превзошелъ предложеніе. Въ подлинныхъ документахъ сталъ оказываться недочетъ, страсть любителей возрастала, и въ этой отрасли промышленности началъ проявляться обманъ, какъ и въ другихъ отрасляхъ. Кто изъ насъ не испыталъ сказаннаго? Обманный торгъ предметами искусства ведетъ свое начало, какъ извѣстно, не со вчерашняго дня. Я не хочу говорить о спящемъ Купидонѣ Микеля Анжело въ садахъ кардинала Санъ-Джіорджіо, который не былъ античнымъ произведеніемъ. Я приведу лучше примѣръ изъ болѣе близкаго къ намъ времени. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ графу Ньёверкерке (Nieuwerkerke) было предложено однимъ итальянцемъ купить бюстъ Біанки Капелло. Онъ выдавался за произведеніе Бенвенуто Челлини, и за него заплачено было 30000 фр. Продавецъ получилъ деньги и отправился на родину. Впослѣдствіи стало извѣстно, что онъ самъ изготовилъ этотъ бюстъ. По возвращеніи его во Францію интендантство изящныхъ искусствъ не преслѣдовало его, но напротивъ того, оцѣнивъ его талантъ, выхлопотало ему еще орденъ почетнаго легіона.

„Я не требую для Врена Люка такой награды, но позволю себѣ замѣтить, что обманутый покупщикъ нашелъ себѣ утѣшеніе въ искусномъ исполненіи предмета, который онъ удержалъ у себя.

„Можно даже привести случаи, совершенно сходные съ настоящимъ, бывшіе задолго до него.

„Къ предшественникамъ Врена Люка принадлежитъ человѣкъ, слава и геній котораго и въ настоящее время возбуждаютъ удивленіе. Я говорю о Чаттертонѣ (Chatterton), который 19 лѣтъ отъ роду кончилъ жизнь свою самоубійствомъ. Онъ выдавалъ свои собственные стихи за произведенія XIII ст. и продавалъ ихъ одному издателю въ Бристолѣ. Споръ о подлинности этихъ стиховъ продолжался между англійскими учеными 60 лѣтъ.

„Укажу еще на болѣе современный примѣръ. Въ 1865 году аббатъ Добенекъ (Dobenech) издалъ книгу подъ заглавіемъ „Исторія мексиканскихъ древностей.“ Она представляла собой результатъ ученой миссіи, предпринятой по порученію министра народнаго просвѣщенія. Едва появилась въ свѣтъ эта книга, какъ на нее накинулась критика. Одинъ ученый нѣмецкій профессоръ доказалъ, что аббатъ Доменекъ принималъ самыя смѣшныя вещи за мексиканскія древности, что его трудъ представляетъ собою развѣ произведеніе весьма мало свѣдущаго въ такихъ дѣлахъ ученика. Министерство императорскаго двора, поддерживавшее это литературное предпріятіе, убѣдилось въ совершенной ничтожности этой книги и скупило все изданіе. Авторъ ея не былъ привлеченъ къ отвѣтственности, хотя онъ выдавалъ маранія школьниковъ за мексиканскія надписи.

„За нѣсколько лѣтъ фонъ-Гунольдштейнъ (Hunoldstein), большой почитатель Маріи Антуанеты, пожелалъ выпустить вторымъ изданіемъ свое произведеніе объ этой несчастной королевѣ. Для этого онъ обратился къ Феллье-де-Коншъ, который считается авторитетомъ между продавцами автографовъ, и купилъ у него 25 писемъ королевы.

„Когда эти письма были обнародованы, фонъ Арндтъ, хранитель императорской библіотеки въ Вѣнѣ, доказалъ, что они всѣ безъ исключенія подложны.

„Эти факты были извѣстны, въ особенности въ ученомъ мірѣ и въ кругу собирателей. Такъ какъ Шаль принадлежитъ къ числу собирателей, то ему это безъ сомнѣнія было извѣстно, и онъ не затѣялъ бы дѣла, еслибы пріобрѣлъ автографы, стоившіе ему столько денегъ и причинившіе ему столько непріятностей, не отъ Врена Люка, а въ аукціонной камерѣ.

„Я смѣю утверждать, что ни составъ чернилъ, выдержавшихъ химическій анализъ, ни чернота бумаги, ни пріемы, употребленные для того, чтобы придать документамъ видъ старины, не соотвѣтствуютъ сами по себѣ понятію обманнаго дѣйствія и не могутъ служить основаніемъ для наказанія. Еслибы ничего другого не имѣлось въ настоящемъ дѣлѣ, то не возникло бы и судебнаго преслѣдованія. Эта опасная дѣятельность можетъ быть

представляетъ собой составъ иного преступленія, но никакъ не мошенничества. Преслѣдовалъ ли бы публичный обвинитель изготовленіе этихъ автографовъ, какъ мошенничество, еслибы неосторожный покупатель, проходя мимо лавки, увидѣлъ и купилъ ихъ? Безъ сомнѣнія нѣтъ! Подобное преслѣдованіе было бы непростительной ошибкой, ибо въ этомъ жаждущемъ всякихъ рѣдкостей Парижѣ нѣтъ ни одной лавки, въ которой бы оружіе, фарфоръ, издѣлія изъ слоновой кости и т. п. вещи не выдавались бы за рѣдкости, хотя они прямо вышли изъ рукъ фабрикантовъ.

„Выставленіе на показъ и продажа такихъ вещей безъ сомнѣнія не представляютъ собою мошенничества.

„Итакъ, требуется еще кое-что, требуются дѣйствія, которыя придавали бы подобному поступку значеніе и характеръ мошенничества. Вамъ, мм. гг., должно опредѣлить тотъ масштабъ, по которому слѣдуетъ обсудить разсматриваемыя дѣйствія. Масштабъ этотъ долженъ быть различный, смотря по индивидуальнымъ свойствамъ контрагентовъ. Одно и тоже дѣйствіе можетъ представлять собой и ненаказуемый поступокъ, и такой, который подлежитъ преслѣдованію судомъ, смотря потому совершено ли оно необразованнымъ человѣкомъ относительно высоко образованнаго, или испытаннымъ ловкимъ-малымъ относительно малоопытнаго гражданина или крестьянина.

„Я не желаю утомлять ваше вниманіе подробною характеристикой обвиняемаго, но я долженъ все-таки сказать, что здѣсь на судѣ его превознесли выше его дѣйствительныхъ заслугъ. Изъ него сдѣлали какого-то генія зла, ибо, по мнѣнію многихъ, только необыкновенно талантливый человѣкъ могъ вести въ продолженіи многихъ лѣтъ подобную игру со всѣми ученымп Европы и держать ихъ подъ шахомъ.

„Хотя я и адвокатъ Врена Люка, но тѣмъ не менѣе я не могу раздѣлять такого высокаго мнѣнія о немъ. Рискуя задѣть самолюбіе своего кліента, я долженъ сказать, что онъ не болѣе какъ одаренный нѣкоторымъ воображеніемъ собиратель, во всѣхъ своихъ работахъ онъ не болѣе какъ компилировалъ. Весьма справедливо сказали о немъ эксперты: онъ обладаетъ природнымъ даромъ къ историческимъ изслѣдованіямъ, способностью дѣлать вѣрныя заключенія, талантомъ къ арранжировкѣ, и поэтому онъ въ состояніи самъ выдумать какую нибудь исторію и развить ее въ предѣлахъ своихъ значеній.

„Онъ одинъ не могъ бы возбудить спора въ Академіи посредствомъ своихъ автографовъ. Только благодаря имени Шаля и тому обстоятельству, что этотъ ученый вступился за подлинность документовъ, подложиые авторафы обязаны своимъ значеніемъ.

„Образованіе, полученное Вреномъ Люка, было весьма недостаточное. Обвинитель представилъ вамъ, какъ обвиняемый еще школьникомъ жадно глоталъ сначала книги сельскаго священника, затѣмъ библіотеку въ Шатодёнѣ. Но онъ вамъ не сказалъ, чѣмъ занимался Люка въ Парижѣ, какъ онъ украдкой уходилъ изъ-за своего стола и спѣшилъ въ Сорбонну не для того, чтобы слушать Гизо, Мишле, Кузена, привлекавшихъ въ то время въ свои аудиторіи жадную молодежь, но чтобы внимать безъ сомнѣнія поучительнымъ, но быть можетъ немного скучнымъ чтеніямъ гг. Дамирона, Ленормана, Жерюзе....

„Онъ воротился въ родное село и нашелъ себѣ тамъ занятіе, но не переставалъ мечтать о Парижѣ и снова вернулся въ него въ 1852 году. Онъ стремился попасть въ императорскую библіотеку, онъ рожденъ былъ книжнымъ кротомъ, какъ напр. родятся конюхи. Такъ какъ онъ не имѣлъ диплома баккалавра, то карьера библіотекаря была для него закрыта. И мѣста при книжномъ магазинѣ онъ не получилъ потому, что не зналъ полатыни. Онъ жилъ на деньги, сбереженныя его женой, но усердно посѣщалъ библіотеку. Случайно онъ познакомился съ маркизомъ дю-Пенъ, большимъ любителемъ книгъ, который представилъ его Летелье. Вамъ уже разсказывали, какого рода дѣлами занимался кабинетъ Летелье, что туда обращались лица, сильно желавшія имѣть знаменитыхъ предковъ. Но Вренъ Люка вступилъ въ этотъ кабинетъ не ранѣе 1853 года и вовсе не занимался этими дѣлами. Летелье долженъ былъ въ то время ликвидировать свои дѣла, и въ этомъ помогалъ ему Вренъ Люка, который употреблялся на то, чтобы предлагать знатнымъ фамиліямъ документы, имѣвшіе отношеніе къ ихъ происхожденію. Знаменитѣйшія лица не считали ниже своего достоинства вступать въ сношенія съ нимъ.

„Весьма часто попадались между бумагами Летелье автографы, которые послѣдній предоставлялъ Врену Люка. Онъ мало по малу составилъ изъ нихъ небольшое собраніе, преимущественно изъ документовъ эпохи возрожденія и, благодаря этому, вскорѣ вступилъ въ сношенія съ Мену, весьма извѣстнымъ въ Парижѣ собирателемъ. Между ними бывали сдѣлки. Теперь прошу васъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что Мену нѣкогда переселился въ Америку, но вернулся потомъ назадъ съ весьма цѣннымъ собраніемъ автографовъ. Вренъ Люка постепенно пріобрѣлъ отъ него значительное число рукописей и воображалъ, что онѣ очень цѣнны.

„Извѣстно, что такой знатокъ, какъ Шаль, дался въ обманъ. Если мы не хотимъ мѣрить разными аршинами, то должны допустить, что и Вренъ Люка могъ воображать Богъ знаетъ что

объ автографахъ, пріобрѣтенныхъ отъ Мену, и быть точно также обманутымъ.

„Прежнее поведеніе Люка безукоризненно. Ревностнымъ чтеніемъ, похвальнымъ усердіемъ, прилежаніемъ и невѣроятной энергіей онъ выработалъ изъ себя свѣдущаго человѣка. Онъ обо всемъ знаетъ кое-что, но въ немъ недостаетъ научнаго образованія. Его свѣдѣнія, вслѣдствіе того что имъ никто не руководилъ, лишены системы и отрывочны. Въ его головѣ существуетъ нѣчто въ родѣ безпорядочной энциклопедіи.

„Врен Люка, изображенный мною передъ вами такимъ, какимъ онъ является по самомъ дѣлѣ, завязалъ сношенія съ Шалемъ. Похвала послѣднему въ моихъ устахъ будетъ звучать какъ иронія. Я напомню вамъ только, что онъ первый геометръ во Франціи, если не во всемъ мірѣ, и что онъ удостоенъ одного изъ самыхъ рѣдкихъ, иностранцамъ почти недоступныхъ отличій—большой почетной медали ученаго общества въ Лондонѣ. Но онъ не только математикъ, вращающійся исключительно въ сферѣ отвлеченныхъ понятій, онъ также историкъ геометріи, посѣдѣвшій въ сношеніяхъ съ учеными всѣхъ вѣковъ и народовъ. Сверхъ того онъ извѣстный собиратель, коллекцію котораго по значительности и извѣстности нѣкогда считали равной богатствамъ Фёллье-де-Конша. Вотъ человѣкъ, предъ которымъ Врен Люка виноватъ не въ мошенничествѣ, а только въ томъ, что осмѣлился предстать съ своимъ весьма не сильнымъ воображеніемъ. И этого было достаточно, чтобы возбудить тѣ иллюзіи, которыя вамъ уже извѣстны. До того ослѣпляетъ страсть того, кто дастъ ей надъ собой господствовать!“

Защитникъ переходитъ затѣмъ къ примѣчаніямъ, сдѣланнымъ Вреномъ Люка на книгахъ, проданныхъ имъ Шалю. Изъ разсмотрѣнія ихъ онъ приходитъ къ заключенію, что примѣчанія эти полны самыхъ грубыхъ ошибокъ относительно языка и что уже вслѣдствіе одного этого Шаль не могъ думать, что они сдѣланы значительными учеными. На одной книгѣ напр. было написано: „ex libris Franciscus Rabelais.“ Эта надпись безъ сомнѣнія не могла быть сдѣлана Рабеле.

Относительно ложныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ Шалю обвиняемымъ о мнимомъ собраніи рукописей графа Буажурдена, защитникъ замѣтилъ, что Врен Люка никогда не называлъ Шалю имени „Буажурденъ,“ но говорилъ только о собраніи одного „стараго господина.“ При этомъ могъ подразумѣваться де-Мену, имѣвшій большое собраніе рукописей и жившій нѣкоторое время въ Америкѣ, между тѣмъ Шаль изъ разсмотрѣнія документовъ и изъ разсказовъ обвиняемаго вывелъ заключеніе, что

Вренъ Люка говоритъ о знаменитомъ собраніи графа Буажурдена.

„Я считаю нужнымъ освѣтить еще другой пунктъ въ этой исторіи," продолжалъ защитникъ, „именно, составленіе 27000 штукъ автографовъ, заключающихъ въ себѣ періодъ времени отъ эпохи греческой миѳологіи до французской революціи. Смѣю утверждать, что эта послѣдовательность въ документахъ не представляетъ собой мошенническаго дѣйствія, она можетъ служить доказательствомъ не искусства, а скорѣе неумѣнія обвиняемаго. Эта послѣдовательность, непредставляющая почти ни одного пробѣла, должна была неизбѣжно привести къ открытію истины. Собраніе, купленное Шалемъ, уже въ самомъ себѣ заключаетъ доказательства того, что автографы подложны. Покупщикъ долженъ былъ это замѣтить, и если онъ все-таки принялъ ихъ за подлинные, то въ этомъ можно видѣть скорѣе его собственную вину, чѣмъ заслугу Врена Люка. У Шаля нашлось 3000 автографовъ Галилея. Но возможно ли, чтобы „старый господинъ," объѣхавши даже Англію, Голландію, Португалію, Швецію и многія другія страны, могъ собрать столько писемъ знаменитаго человѣка, гонимаго инквизиціей. Еслибы даже допустить, что эта масса писемъ дошла до нашего времени, то какая невѣроятная дѣятельность необходима была для того, чтобы отыскать эти письма и соединить ихъ въ однѣхъ рукахъ. Мнѣ могутъ возразить, что такое дѣло не невозможно для фанатическаго поклонника Галилея, который посвятилъ бы на это всю свою жизнь. Но въ собраніи Шаля имѣется вся переписка не только Галилея, но и разныхъ другихъ знаменитостей. Абсолютно невозможно собрать всю эту, весь міръ обнимающую, корреспонденцію. Шаль долженъ былъ намѣренно закрыть глаза, чтобы не видѣть этой невозможности. Ему ничего не казалось страннымъ. Незадолго передъ симъ вышла въ свѣтъ біографія г-жи Ментенонъ, написанная герцогомъ де-Ноэлемъ (Noailles). Шаль зналъ объ этой книгѣ и безъ сомнѣнія долженъ былъ допустить, что біографъ воспользовался всѣми существующими письмами второй супруги Людовика XIV. Поэтому когда Вренъ Люка принесъ ему 39 такихъ писемъ, еще будто бы неизвѣстныхъ, то у него должно было бы возникнуть подозрѣніе и онъ долженъ былъ бы собрать справку по этому поводу.

„Два товарища Шаля, гг. Ашеттъ (Hachette), около этого же времени окончили свою многотрудную біографію г-жи де Севинье (Sevigné), изучивъ каждый день жизни своей героини. И все-таки Шалю нисколько не показалось страннымъ, что Вренъ Люка предложилъ ему купить 424 письма, очень важныхъ по отноше-

нію къ г-жѣ де Севинье и о которыхъ въ ея біографіи не было и намека.

„Мнѣ могутъ возразить, что многіе историческіе документы усользаютъ отъ нашихъ историковъ, вслѣдствіе того что многіе фамильные архивы уничтожены во время бывшихъ въ нашемъ отечествѣ революцій. Но въ Англіи, гдѣ аристократія ревниво охраняетъ все, что имѣетъ хотя и отдаленную связь съ исторіей ея предковъ, архивы сохранились въ несравненно лучшемъ видѣ. Тѣмъ не менѣе г. Шаль принялъ въ свое собраніе 542 письма Ньютона къ Паскалю и 175 писемъ послѣдняго къ первому, несмотря на то что его товарищъ, англичанинъ Бревстеръ, біографъ Ньютона, тщательно изслѣдовавшій архивъ графа Портсмута, гдѣ хранятся всѣ имѣющіе какое-либо отношеніе къ Ньютону документы, нигдѣ не могъ найти хотя даже отдаленное указаніе на эти письма.

„Еслибы не существовало мнѣнія экспертовъ, то все, что мы здѣсь слышали, можно было бы счесть за сказку. Карлъ Великій пишетъ Алкуину и въ своемъ письмѣ ссылается на письма Аристотеля, Архимеда и Александра Великаго, которыя всѣ имѣются въ собраніи Шаля. Семь столѣтій спустя король Франциск I въ письмѣ къ Рабеле ссылается также на эти письма. Цѣпь, какъ видите, цѣла, ни одного звѣна въ ней не отсутствуетъ. Эту связь подложныхъ автографовъ между собою приводили какъ доказательство мошенническаго образа дѣйствія подсудимаго. Но эта-то послѣдовательность и послужила къ открытію истины. Она служитъ доказательствомъ не обмана, совершеннаго будто бы Вреномъ Люка, а напротивъ его неопытности и неумѣнья.

„Да позволено будетъ мнѣ еще объяснить, какъ подсудимый вообще былъ наведенъ на мысль заниматься этимъ промысломъ. Будучи еще коммиссіонеромъ Летелье, онъ познакомился съ маркизомъ Дюпра, старикомъ, гордымъ своимъ происхожденіемъ, самолюбіе котораго стремилось къ одной только цѣли—имѣть въ числѣ своихъ предковъ канцлера Дюпра, бывшаго министра при Франциск I. Онъ потребовалъ автографы этого государственнаго мужа. Летелье таковыхъ не имѣлъ. Но маркизъ хотѣлъ во что бы то ни стало имѣть ихъ и настаивалъ на томъ, чтобы ему таковые добыли. Вренъ Люка наконецъ согласился. Онъ изготовилъ два письма Монтеня къ канцлеру Дюпра, маркизъ принялъ ихъ за подлинныя, и Фёлье-де-Конш не задумался напечатать ихъ въ третьемъ томѣ своей „Болтовни любопытнаго.“

„Обвиняемый былъ въ высшей степени удивленъ подобнымъ исходомъ своего дѣла, превзошедшимъ самыя смѣлыя его ожи-

данія. Для него вдругъ развернлась новая сфера, кругозоръ его расширился: онъ овладѣлъ средствомъ привести свою мысль въ исполненіе. Какого же рода была эта мысль? Онъ замыслилъ возвеличить Францію насчетъ другихъ государствъ. Вренъ Люка вбилъ себѣ въ голову, что онъ призванъ для того, чтобы увеличить славу своего отечества. Эта мысль сдѣлалась для него idée fixe, маніей. Онъ поддѣлалъ письма Паскаля къ Ньютону, дабы Французъ Паскаль прославлялся, какъ открыватель закона тяготѣнія. Онъ заставляетъ уже мудреца Ѳалеса давать совѣты царю Амбига, какъ управлять Галлами. Александръ Великій славитъ Галлію и ея обитателей въ письмѣ къ Аристотелю. Клеопатра посылаетъ сына своего Цезаріона въ Марсель подышать здоровымъ воздухомъ и усовершенствоваться въ изящныхъ искусствахъ. Лазарь не находитъ болѣе интереснаго сообщить апостолу Петру, какъ о религіи Друидовъ, и Марія Магдалина свидѣтельствуетъ, что Галлы вовсе не варвары, что они зажгли въ мірѣ свѣточъ знанія.

„Очень возможно, что одинъ изъ этихъ документовъ случайно попалъ въ руки Шаля. Онъ вѣроятно удержалъ его у себя, и обвиняемый не зналъ какъ отдѣлаться отъ его просьбъ. Такимъ образомъ и завязались вѣроятно сношенія между Шалемъ и Вреномъ Люка.

„Я никакъ не могу повѣрить тому, чтобы Шаль придавалъ какую-нибудь цѣну этимъ документамъ, писаннымъ по французски и на бумагѣ, фабричный штемпель которой ясно свидѣтельствовалъ о ея недавнемъ и во всякомъ случаѣ не раньше Р. Х. происхожденіи. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы онъ повѣрилъ сказкѣ о собраніи документовъ въ Турскомъ аббатствѣ, начало которому положили будто бы Карлъ Великій и Алкуинъ, или чтобы вѣрилъ въ существованіе подлинныхъ писемъ Пиѳагора, Аристотеля, Цицерона, Цезаря, проконсула Понтія Пилата, галльскаго врача Кастора къ Спасителю и вообще писемъ до-христіанскаго періода и первыхъ вѣковъ христіанства. Такими документами невозможно обмануть никакого мало-мальски размышляющаго человѣка, и тѣмъ менѣе такого ученаго, каковъ Шаль. Они служили придачей къ подлиннымъ документамъ, купленнымъ Шалемъ, который надѣялся подобно латинскому поэту найти хоть нѣсколько жемчужинъ въ огромной кучѣ сору.

„Не подлежитъ также сомнѣнію, что и документы эпохи послѣ Р. Х. до эпохи возрожденія Шаль купилъ, ясно сознавая что они подложны. Ему стоило только держать эти бумаги противъ свѣта, чтобы въ письмахъ Абеляра къ Элоизѣ и въ перепискѣ между Фредегундой и Гильперихомъ увидѣть лилію, штемпель первой писчебумажной фабрики въ Ангулемѣ. Ему

стоило только прочитать письма Меровинговъ, Карла Великаго, Алкуина и др., чтобы убѣдиться въ ихъ подложности. Эти документы не могли вовсе существовать, и Шалю это должно было быть извѣстно; они не представляли даже собою посредственныхъ копій съ рукописей того времени; такъ напр. письма Карла Великаго имѣли на себѣ подпись Carolo Magno, точь-въ-точь какъ надпись надъ воротами въ Сенъ-Дени: Ludovico Magno, одно письмо было даже за подписью $K \overset{R}{\underset{L}{+}} S$.

„Я глубоко сожалѣю, что г. Шаль понесъ значительныя имущественныя потери, но я утверждаю, что Вренъ Люка въ своихъ сдѣлкахъ съ нимъ не употреблялъ ни хитрости, ни мошенническихъ уловокъ. При необыкновенной легковѣрности покупщика въ подобныхъ средствахъ не настояло никакой необходимости.

„Третья категорія заключаетъ въ себѣ автографы изъ XVI, XVII и XVIII столѣтій. Для составленія ихъ обманщикъ долженъ былъ напречь все свое воображеніе и особенно искусно повести дѣло, чтобы имѣть успѣхъ. Относительно этихъ документовъ слѣдовательно скорѣе можно было бы предположить обманъ. Но и здѣсь обвиняемый дѣйствовалъ такъ, что всякій легко могъ замѣтить подлогъ, и если Шаль несмотря на явные признаки подлога заплатилъ за автографы какъ за подлинные, то это опять-таки его же вина.

„Письма Кеплера, Рабеле и др. единственны въ своемъ родѣ. Это извѣстно всякому собирателю историческихъ документовъ. Когда Вренъ Люка принесъ 37 писемъ Кеплера и болѣе 1000 разныхъ документовъ Рабеле, то Шаль никакъ не могъ вѣрить въ ихъ подлинность. Тоже самое можно сказать объ этихъ тысячахъ рукописныхъ произведеній Паскаля и Галилея. Письма послѣдняго къ тому же писаны на французскомъ языкѣ!

„Еслибы г. Шаль представилъ въ Академію, какъ того требовали г. Леферрье и др., все свое собраніе, то достаточно было бы и пяти минутъ, чтобы опредѣлить истинное его достоинство. Но Академія получала только разрозненныя письма, притомъ избранныя мѣста, списанныя изъ ученыхъ сочиненій. Это обстоятельство вызвало заблужденіе, столь значительное, что я почти съ трудомъ удерживаюсь отъ злаго удовольствія прочесть вамъ мнѣніе секретаря академіи объ этихъ письмахъ.

„Съ фактической стороной настоящаго дѣла я покончилъ, остается разсмотрѣть его юридическую сторону. Законодатель, опредѣляя мошенничество, имѣлъ опредѣленное понятіе о лежащемъ въ основѣ этого проступка умыслѣ. По римскому праву требуется

отъ обманнаго дѣйствія способность ввести въ заблужденіе и самаго развитаго человѣка. Нашъ уголовный кодексъ не заходитъ такъ далеко, но по мнѣнію ученыхъ и по рѣшеніямъ высшаго трибунала мошенничество принимается только въ тѣхъ случаяхъ, когда обманныя дѣйствія могли вліять на человѣка съ обыкновеннымъ благоразуміемъ и вызвать въ немъ ложныя представленія.

„Теперь я спрашиваю васъ, мм. гг., дѣйствовалъ ли Шаль съ благоразуміемъ, какое можно ожидать отъ человѣка; дѣйствовалъ ли онъ съ самымъ обыкновеннымъ благоразуміемъ, съ такимъ, о какомъ говорятъ законодатель и ученый? Вспомните, что документы Паскаля и Ньютона поддѣланы не для настоящаго процесса, что все собраніе долго покоилось бы въ портфелѣ Шаля, еслибы наконецъ Академія Наукъ не побудила его къ выдачѣ всѣхъ автографовъ. Когда содержаніе всѣхъ документовъ сдѣлалось извѣстнымъ, раздался всеобщій вопль, и со всѣхъ сторонъ присылались Шалю доказательства ихъ подложности.

„Прошу васъ обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Еще въ то время, когда Фожéръ доказывалъ подложность всѣхъ писемъ Паскаля, Леферрье требовалъ отъ Шаля объясненія относительно источника, откуда онъ получилъ эти письма, и выдачы всего собранія. Шаль упорно отказывался исполнить это требованіе и ограничился только заявленіемъ, что у него имѣется до 3000 автографовъ. Въ сентябрѣ 1869 года онъ имѣлъ уже 27000 штукъ, слѣдовательно 24000 писемъ онъ пріобрѣлъ въ промежуткѣ и уже послѣ того какъ возгорѣлся споръ объ ихъ подлинности. Когда онъ пріобрѣталъ эти 24000 штукъ, онъ былъ, прошу замѣтить, предоставленъ не самому себѣ и своимъ иллюзіямъ. Во Франціи его товарищи по Академіи и сверхъ того гг. Фожеръ, Бенаръ-д'Эврё, Бретонъ-дю-Шанъ, въ Англіи гг. Бреветеръ, Грантъ, и др., академіи—Утрехтская и Флорентійская, да наконецъ вся печать въ Англіи и Франціи доказывали подложность его документовъ. Но онъ заткнулъ себѣ уши и покупалъ все новые. Его поведеніе напоминаетъ истукановъ ветхаго завѣта, которые имѣютъ уши и не слышатъ, глаза—и не видятъ.

„Послѣ обнародованія первыхъ писемъ Паскаля Шаль долженъ былъ защищаться. Его тщеславіе было задѣто, слава его какъ ученаго, была поставлена на карту. Всѣ доводы противъ автографовъ онъ долженъ былъ опровергнуть, заставить молчать критику. Этого можно было достигнуть только помощью новыхъ автографовъ. Поэтому онъ требовалъ отъ Врена Люка то тѣхъ, то другихъ документовъ и такимъ образомъ сдѣлался

если не главнымъ виновникомъ подлога, то по крайней мѣрѣ столь же опаснымъ, сколько и невиннымъ сообщникомъ.

„Мнѣ кажется, что я вполнѣ доказалъ, что фабрикація подложныхъ автографовъ не представляетъ собою обманнаго дѣйствія.

„Что же остается въ поступкѣ Врена Люка? Ложь, ничего болѣе какъ ложь, ложныя увѣренія, какія употребляетъ купецъ съ цѣлію сбыть свой товаръ. Но подобныя лживыя увѣренія сами по себѣ не обусловливаютъ преступленія мошенничества, необходимо еще привхожденіе какихъ-нибудь внѣшнихъ фактовъ. Ложныя увѣренія Вренъ Люка дѣлалъ, факты же должны быть относимы насчетъ Шаля и его товарищей.

„Г. Форъ (Faure), членъ высшаго судилища, равно какъ Фостенъ Эли (Faustin Hélie) и Шово Адольфъ (Chauveau Adolphe) согласны въ томъ, что о мошенническихъ дѣйствіяхъ рѣчь можетъ быть только тогда, когда ко лжи привходятъ еще дѣйствительные внѣшніе факты, каково напр. вмѣшательство третьяго лица или цѣлая совокупность согласныхъ между собою уловокъ, которыя подкрѣпляютъ ложь.

„Три рѣшенія кассаціоннаго суда отъ 1861—63 гг. вполнѣ утвердили это положеніе. Если примѣнить его къ подлежащему случаю, то Вренъ Люка долженъ быть освобожденъ отъ всякаго наказанія.

„Если же вы все-таки найдете въ поступкѣ моего кліента обманныя дѣйствія, то онъ тѣмъ не менѣе не представляетъ собою мошенничества. Обманныя дѣйствія по смыслу закона должны быть способны возбудить въ другомъ вѣру въ существованіе вымышленнаго предпріятія, кредита, или надежду на обѣщанный успѣхъ, или на будущее событіе, или боязнь таковаго.

„Въ настоящемъ случаѣ ничего подобнаго нѣтъ, развѣ бы обвинитель сталъ утверждать, что подсудимый предвидѣлъ успѣхъ своихъ подложныхъ автографовъ въ Академіи Наукъ.

„Въ заключеніе еще одно слово. До сихъ поръ я излагалъ свой взглядъ на настоящее дѣло передъ учеными юристами, теперь говорю къ людямъ. Законодатель не требуетъ отъ гражданъ, живущихъ подъ покровительствомъ закона, ни стоицизма, ни героизма. Для тонкихъ нравственныхъ требованій компетентнымъ судьею служитъ человѣческая совѣсть. Прошу васъ вспомнить о томъ искушеніи, которому подвергался подсудимый вслѣдствіе необычайнаго легковѣрія и легкомыслія Шаля, покупавшаго все, что бы ему ни предлагалъ Люка, и заставлявшаго его этимъ непрерывно изготовлять все новые автографы. Конечно Люка съ самаго начала долженъ былъ прямо объявить, что его документы подложны. Онъ долженъ былъ въ самомъ началѣ не

дать себя искушать, вмѣсто того чтобы злоупотреблять необыкновенной добротой старца. Но послѣ того какъ восемь лѣтъ тому назадъ сдѣланъ былъ первый шагъ на пути порока, послѣ того какъ возгорѣлся споръ въ Академіи, лихорадочно возбудившій не только Шаля, но и обвиняемаго, требовались поистинѣ сверхчеловѣческія усилія, чтобы остановиться на скользкомъ пути и отказаться отъ постоянно возвращавшагося случая легкимъ и дешевымъ способомъ нажить большія деньги.

„Если вамъ дѣйствительно удастся найти статью закона, буквальный смыслъ которой можетъ быть примѣненъ къ подсудимому, то я прошу васъ не забыть и той статьи, которою законодатель предоставляетъ судьѣ право взирать на человѣческія слабости милостивымъ окомъ“.

Послѣ того какъ стороны еще разъ обмѣнялись краткими рѣчами, судъ удалился для совѣщанія, продолжавшагося цѣлый часъ. Затѣмъ прочтенъ былъ слѣдующій приговоръ:

„На предварительномъ, равно какъ и судебномъ слѣдствіи обнаружилось, что подсудимый въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ и прежде еще продалъ г. Шалю здѣсь въ Парижѣ за 140000 фр. значительное число рукописей, которыя всѣ были составлены имъ же самимъ. Онъ выдавалъ ихъ частію за весьма древнія копіи съ документовъ, принадлежавшія знаменитымъ людямъ, частію за автографы.

„Обвиняемый говорилъ, что эти рукописи, числомъ нѣсколько тысячъ, принадлежали одному собирателю XVIII ст., который во время переѣзда въ Америку потерпѣлъ крушеніе, вслѣдствіе чего эти рукописи нѣсколько дней лежали въ водѣ, но затѣмъ были спасены, перевезены обратно во Францію и перешли во владѣніе одного родственника собирателя, который далъ ему, подсудимому, порученіе продать эти документы.

„Такимъ образомъ Вренъ Люка ложно выдалъ себя за повѣреннаго владѣльца автографовъ.

„На самомъ же дѣлѣ однако это качество повѣреннаго, приписанное себѣ Люка, не служило для Шаля главнымъ поводомъ къ покупкѣ. Это самозванство, слѣдовательно, недостаточно еще для понятія мошенничества. Но сказка о мнимомъ собраніи, морскомъ путешествіи, кораблекрушеніи потому имѣетъ значеніе, что составляетъ звѣно въ цѣлой цѣпи мошенническихъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ обвиняемый вкрался въ довѣріе Шаля.

„Подсудимый съумѣлъ достать для себя старую бумагу, мочилъ ее въ водѣ и покрывалъ ее копотью, держа надъ огнемъ. Онъ употреблялъ особыя средства, чтобы придать чернилами, которыми онъ писалъ, свойства старыхъ. Онъ подражалъ письму древнихъ рукописей, и все это дѣлалъ съ той цѣлію, чтобы об-

нануть Шаля и побудить его къ покупкѣ подложныхъ автографовъ.

„Итакъ подсудимый не ограничился только тѣмъ, что говорилъ ложь, но подкрѣплялъ еще эту ложь дѣйствіями, именно тѣмъ, что клалъ документы въ воду и приготовлялъ особаго рода чернила, чѣмъ и обманулъ Шаля. Ибо сдѣланная по просьбѣ Шаля однимъ химикомъ попытка очистить нѣкоторыя изъ рукописей имѣла то послѣдствіе, что частицы желѣза, заключавшіяся въ чернилахъ, распространились по всей бумагѣ, вслѣдствіе чего она почернѣла. Изъ этого заключили, что документы находились нѣкоторое время въ водѣ, и что сказка о крушеніи графа Буажурдена вѣрна. Равнымъ образомъ выдержали чернила другой опытъ, такъ что эксперты объявили документы, проданные Люка Шалю, за древніе, между тѣмъ какъ они были незадолго передъ тѣмъ сфабрикованы самимъ подсудимымъ.

„Другое мошенническое дѣйствіе, также предпринятое съ цѣлію обмануть Шаля, состояло въ томъ, что Люка снабжалъ каждый пакетъ съ документами оберткой и замѣтками, какія обыкновенно дѣлаются собирателями. Это должно было служить къ тому, чтобы укрѣпить Шаля въ той вѣрѣ, что собраніе гр. Буажурдена, къ которому будто бы принадлежали проданные ему автографы, дѣйствительно существуетъ.

„Вренъ Люка, далѣе, продалъ Шалю значительное число ничего не стоящихъ книгъ, сдѣлавъ на нихъ предварительно подложныя подписи разныхъ знаменитыхъ людей. Къ этому обманному дѣйствію, т.-е. къ подлогу въ именахъ, подсудимый прибавилъ еще другое, также расчитанное на обманъ Шаля. На оберткахъ книгъ онъ написалъ замѣтки, въ которыхъ вымышленный имъ гр. Буажурденъ обозначалъ обстоятельства, при которыхъ пріобрѣтена имъ книга, какую цѣну онъ за нее далъ и какія блестящія предложенія дѣлали ему любители древнихъ книгъ, которымъ однако онъ отказывалъ.

„Всѣ эти дѣйствія имѣли цѣлію возбудить въ Шалѣ надежду на химерическое событіе, именно надежду на то, что онъ пріобрѣлъ древнія, рѣдкія, цѣнныя и несомнѣнно подлинныя вещи.

„Такимъ образомъ дѣйствія подсудимаго вполнѣ представляютъ собою всѣ необходимые признаки мошенничества.

„Что касается давности, то хотя и справедливо, что сношенія Люка съ Шалемъ начались еще въ 1861 году, но не менѣе вѣрно и то, что они продолжались безъ перерыва до сентября 1869 г., даже до дня, предшествовавшаго взятію Люка подъ стражу; слѣдовательно, значительное число автографовъ были проданы въ продолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, считая отъ начала слѣд-

ствія назадъ, и относительно этихъ мошенничествъ давность не можетъ имѣть мѣста.

„Относительно преступленія злоупотребленія довѣріемъ Шаль объяснилъ, что онъ дѣйствительно обмѣнялъ нѣсколько книгъ изъ своей библіотеки на рукописи Врена Люка, и потому очень возможно, что подсудимый считалъ всѣ книги, полученныя имъ отъ Шаля, эквивалентомъ за свои рукописи и потому смотрѣлъ на нихъ какъ на свою собственность и, слѣдовательно, считалъ себя въ правѣ ихъ продать".

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній судъ обвинилъ Врена Люка въ мошенничествѣ и приговорилъ его къ двухлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ и къ уплатѣ 500 фр. пени, по обвиненію же въ злоупотребленіи довѣріемъ оправдалъ его.

Шка
Пол
№

00083829
ЮФ СПбГУ